

ПИР-БИБЛИОТЕКА

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ

Избранное

*К 85-летию
со дня рождения*

ПИРПРЕСС

*К 85-летию
со дня рождения*

ПИР-БИБЛИОТЕКА

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ

Избранное

Москва
ПИР-Пресс
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2023

УДК 327
ББК 66.4(2Росс)
Е 26

Под общей редакцией *В.А. Орлова*

Редакторы: *А.В. Юрк, Л.В. Цуканов*

Издается при поддержке Фонда президентских грантов в рамках проекта ПИР-Центра «Ядерное нераспространение: история в лицах»

Координатор проекта: *А.С. Зубенко*

Евстафьев Г.М.

Е 26 Избранное. К 85-летию со дня рождения / Научный центр международных исследований «ПИР» (ПИР-Центр) / Предисловие В.А. Орлова. Москва: Издательство «Весь Мир»; ПИР-Пресс, 2023. 192 с., ил.

ISBN 978-5-7777-0907-3 (Весь Мир)

ISBN 978-5-6048-6798-3 (ПИР-Пресс)

В книге представлены избранные труды видного эксперта в вопросах международной безопасности генерал-лейтенанта Г.М. Евстафьева (1938–2013). Издание включает в себя статьи и рецензии, в разное время опубликованные в изданиях ПИР-Центра по проблематике международной безопасности: от будущего режима ядерного нераспространения и самого ядерного оружия до перспектив развития беспилотных летательных аппаратов и политики Соединенных Штатов в Центральной Азии. Книга содержит не только программные статьи, рецензии и интервью, но также и работы по полемичным, спорным вопросам, дискутировать о которых можно даже сегодня.

Работы Г.М. Евстафьева определили вектор развития исследований в области международной безопасности на десятилетия вперед.

Книга предназначена для дипломатов, специалистов в области международной безопасности, а также широкого круга читателей, интересующихся историей ядерного нераспространения и разоружения.

УДК 327
ББК 66.4(2Росс)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0907-3 (Весь Мир)

ISBN 978-5-6048-6798-3 (ПИР-Пресс)

© ПИР-Пресс, 2023

**Генерал-лейтенант Службы внешней разведки
Российской Федерации Геннадий Михайлович Евстафьев (1938–2013)**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Пассионарий ядерного нераспространения (<i>Владимир Орлов</i>)	9
РАЗДЕЛ I. НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ, КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	21
Ядерная экспертиза разведчика Евстафьева (1993)	21
«Ядерный предел»: взгляд российского разведчика (1994)	26
Несколько вопросов о ядерном нераспространении (1995)	31
Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается (1995)	41
Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски (2004)	48
Разоружение возвращается (2007)	61
«Ядерное оружие практически исчерпало себя как политическое средство» (2012)	86
РАЗДЕЛ II. МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ РОССИИ: ДУМЫ О БУДУЩЕМ	95
Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности (2004)	95
Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии (2006)	116
Разоружение Ирака (2005)	141
Америка теряет свои «вулканы» (2005)	148
Исповедь американского политического ястреба (2009)	160

ПРИЛОЖЕНИЯ	177
<i>Приложение 1.</i> О премии им. Г.М. Евстафьева	177
<i>Приложение 2.</i> Список членов Комиссии конкурса на получение премии им. Г.М. Евстафьева ..	185
Список сокращений	187
Именной указатель	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПАССИОНАРИЙ

ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Генерал-лейтенант Г.М. Евстафьев (1938–2013) был человеком огромной силы духа, глубокой мудрости и высочайшего профессионализма, отдавшим всего себя, свое здоровье, силы, интеллект служению Отечеству и укреплению международной безопасности. Сотрудники ПИР-Центра благодарны судьбе за то, что многие годы могли работать вместе с этим выдающимся, масштабным человеком. Данью памяти Геннадия Михайловича является эта книга.

1.

Геннадий Михайлович Евстафьев был настоящим пассионарием: сохраняя ум «в холоде», он был профессионалом неравнодушным, страстным – во всем, что касалось интересов России, ее безопасности, во всем, что позволяло избежать глобальной катастрофы. На различных должностях Геннадий Михайлович внёс весомый вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия и разоружения.

Вот моя скупая запись после первой встречи с ним. Ему было тогда столько же лет, сколько мне сейчас: пятьдесят четыре. Он был в звании генерал-майора. Г.М. Евстафьев так рассказал о себе: «Родился в Царском Селе. Окончил Ленинградский государственный университет. Выучил хинди. Работал в советском посольстве в Пакистане и в других странах, а также в Секретариате ООН. Участвовал в переговорах по разоружению, в выработке соглашений по правам человека. Свободно владею английским и немецким языками».

Генерал-лейтенант Евстафьев принадлежит к тем людям, которые в самый сложный для нашей страны период не только остались преданными своему делу, но и смогли выработать подходы к решению проблем международной безопасности в духе сотрудничества и защиты национальных интересов. С 1986 по 1991 г. Геннадий Михайлович входил в состав руководства советской делегации на переговорах по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в Вене, в течение длительного времени работал в системе Службы внешней разведки (СВР); с 2000 по 2003 г. находился в составе представительства России при НАТО, где занимался вопросами противодействия терроризму и нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ). После выхода в отставку в 2003 г. – старший советник, затем – старший вице-президент ПИР-Центра. И здесь вопросы контроля над вооружениями и создания новых механизмов безопасности в Европе всегда оставались в центре его внимания.

2.

Геннадий Михайлович сыграл ведущую роль в подготовке открытых докладов СВР «Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения» (1993) и «Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления» (1995), с которыми мы и сегодня сверяем наши знания по этой теме. Публикация докладов до сих пор остается образцом аналитической работы специальных служб и их способности вести диалог с обществом. Благодаря работе авторов этих докладов мир увидел, что Россия будет говорить на языке фактов и выверенных аргументов, и, несмотря ни на какие обстоятельства, станет самостоятельно участвовать в формировании глобальной повестки в сфере нераспространения и разоружения. И что на этом фронте Россия – инициативная, наступательная, уверенная – а не «реактивная», не оправдывающаяся сторона.

О первом из докладов хотел бы сказать особо. Тридцать лет назад, а именно 28 января 1993 г., в Москве состоялась невероятная пресс-конференция. Ее провел академик Е.М. Примаков – тогда директор СВР. Вместе со своими коллегами, генералами

В.И. Трубниковым и Г.М. Евстафьевым, он представил аналитический доклад СВР под названием «Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения». *Невероятной* пресс-конференция казалась потому, что впервые в истории отечественной разведки был обнародован доклад по такой чувствительной проблематике, как распространение ОМУ, прежде всего ядерного оружия, – доклад, основанный, по словам самого Примакова, не только на анализе открытых материалов, но и «данных, добытых специфическими оперативными методами». Как рассказывал мне впоследствии Г.М. Евстафьев, доклад «вызревал долго», а самым сложным было в нем «не покривить против истины, но так, чтобы не выдать источники». Разработчики чувствовали, что у разведки не хватало тогда специального технического оборудования: «Ну что же делать... “По одежке протягивай ножки”, – говорил мне тогда Г.М. Евстафьев. – Зато у нас есть другие коньки». Была, конечно, и политическая сложность: чтобы «на правду» не обиделись некоторые государства, имевшие тесные отношения с Россией. Ну и, наконец, важно было «отделить зерна от плевел: ведь реальной информации по данной тематике вообще-то крайне мало, в основном всё – “деза”, которой засоряют информационное пространство как невежественные люди, так и очень талантливые, в том числе и из спецслужб, – в собственных политических интересах»¹.

Доклад СВР 1993 г. стал – без преувеличения – эпохальным. Его крутили-вертели специалисты по всему миру («отклики превзошли наши ожидания», – говорил мне потом Геннадий Михайлович). Читали, конечно же, и *между строк*: то, о чем в докладе не говорилось, было не менее значимым, чем то, что было произнесено вслух. Сложно поверить, но и сегодня, в качественно иной геополитической ситуации, «нераспространенческий» доклад СВР изучают в профильных вузах – причем не как *преданья старины глубокой*, а как не утративший актуальности и меткости документ.

Столько воды с тех пор утекло, а ведь набор «ядерных фигурантов», вызвавших тогда наиболее пристальное внимание российских разведчиков, не сильно изменился. Перелистывая

¹ Беседа с Г.М. Евстафьевым. Июль 1993. Личный архив В.А. Орлова.

и сам доклад, и свои записи тридцатилетней давности по результатам общения с разработчиками доклада, убеждаюсь в этом еще раз. В «первом ряду»: Израиль, Индия, Пакистан – неофициальные ядерные государства; к ним примыкает «сложный случай» – КНДР. Следующий ряд: Япония, Южная Корея, Иран – причем в случае с Ираном СВР исключительно элегантно для публичного текста расставила акценты, оспаривая панические оценки американцев и израильтян. Беспokoили тогда российскую разведку и Саудовская Аравия, и Украина – в последнем случае, правда, Г.М. Евстафьев делал оговорку, что «в отношении Украины разведку не ведем», но «тревога сохраняется»².

«Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военной сфере, либо в перспективе будем считать “пороговые” и “неофициальные ядерные державы” десятками. Вот тогда всем нам покажется *небо с овчинку*. У нас, у мирового сообщества, есть время (правда, мало!) и возможности предотвратить процесс расползания военных ядерных технологий и технологий двойного применения»³, – так 30 лет назад Г.М. Евстафьев сформулировал в разговоре со мной ключевую задачу возглавляемого им управления СВР.

Конечно, в ту пору у России был свой специфический набор задач, – вот поэтому доклад и появился на свет. *Во-первых*, требовалось сохранить, бессрочно продлив, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). *Во-вторых*, надо было сберечь в нем привилегированное место России как ядерной наследницы СССР. *В-третьих*, в условиях жесточайшего социально-экономического и внутривосточного кризиса требовалось отбить атаки на Россию со стороны тех сил на Западе, которые, пользуясь ее временной слабостью, обвиняли Москву во всех смертных

² В докладе ПИР-Центра «Новая ядерная девятка? Оценка угроз ядерного оружия в мире» (М.: ПИР-Пресс, 2023; 2-е изд., испр. и доп.) приводится вот такой список стран и территорий, обладающих потенциалом создания ядерного оружия в среднесрочной перспективе (в порядке убывания этого риска): Иран, Япония, Южная Корея, Тайвань, Украина, Египет, Саудовская Аравия, Турция, Бразилия. См.: <https://pircenter.org/2023/01/26/novaja-yadernaya-devjatka-report/>

³ Девять вопросов о ядерном нераспространении // *Ядерный Контроль*. 1995. № 1. С. 14.

ядерных грехах: от отсутствия должного контроля за ядерными боеприпасами до утечки ракетно-ядерных умов, материалов и технологий двойного применения...

Многое с тех пор удалось. Прежде всего – минимизирован список *ядерного клуба*, «десятками» государства в очереди за ядерной бомбой не толпятся. Продление ДНЯО больше не тревожит: он теперь бессрочный. Тема «ядерных хищений», «ядерных утечек», все эти истории про «красную ртуть» – теперь не тема. Новые возможности космической разведки позволяют лучше «видеть» динамику ядерных полигонов, цехов для сборки ракет... спутниковые снимки теперь анализируют не только в спецслужбах, но и в университетах. Но еще больше – перечень того, чего сделать не удалось. Главный удар «под дых» был нанесен режиму ядерного нераспространения спустя десять лет после выхода доклада СВР, когда США напали на Ирак под надуманным предлогом поиска там «оружия массового уничтожения». Оказалось, что это «оружие массового исчезновения» (на эту тему позднее Г.М. Евстафьев грустно иронизировал, когда рецензировал для пировского журнала *Индекс Безопасности* мемуары Джона Болтона). Не было на тот момент ОМУ у Ирака. Но американцы так хотели сломать Ирак, что долго над предлогом не мучились, изобрели топорно. Результат – благородное дело борьбы с распространением ОМУ оказалось скомпрометировано. Всерьез и надолго. Впрочем, «политизация распространения ОМУ» тогда только-только начиналась, дальше – больше... А ведь это игра с огнем, кто бы ее ни вел, какие бы предлоги ни использовал! Эта *политизация* темы нераспространения ОМУ, использования ее для задач, ничего общего с предотвращением реального распространения не имеющих, очень тревожила Геннадия Михайловича, когда он работал в ПИР-Центре.

3.

Мне посчастливилось быть знакомым с Геннадием Михайловичем в течение двух десятилетий: с 1993 г. и до его кончины в 2013 г., а на протяжении десяти лет работать с ним рука об руку в ПИР-Центре, когда с государственной службы он перешел

в нашу неправительственную научно-исследовательскую организацию.

Что меня сразу поразило тогда в Геннадии Михайловиче – и что не переставало меня поражать и восхищать потом, – так это его страстность, его переживания по поводу каждой из тех нерешенных проблем, которые мы обсуждали. Полное отсутствие бюрократического равнодушия, скучающего взгляда. Напротив – взгляд профессионала-пассионария, который погружался в глубины нераспространенческих проблем всем своим существом, и совсем не только «по долгу службы». Ему никогда не было «все равно».

Не менее важно и то, что это неравнодушие было основано не на эмоциях, а на знании. «Знание – сила, – говорил мне, в свойственной ему манере, усмехаясь, Геннадий Михайлович, – и это знание у нас есть».

Позволю себе лишь несколько штрихов к портрету Г.М. Евстафьева.

Штрих первый. Июль 1993 г., Москва. Я прихожу в Колпачный переулок, где тогда располагалось пресс-бюро СВР. Я – молодой журналист, нахрапистый, как это подразумевали жанр работы и времена. Вижу черную машину у входа в особняк. Черную дверь. Нажимаю черную кнопку. Меня встречает, с шутками-прибаутками, Ю.Г. Кобаладзе, у него в кабинете висит какой-то забавный плакат про *Кобу* и про *грузина*. Но мне – в другую комнату. Первое впечатление от Геннадия Михайловича: цепкий взгляд, ироничная, иногда даже на грани ехидства, интонация, в тон ей и взгляд – ироничный, лукавый. Ах, эта евстафьевская ирония, как ее сегодня не хватает... И при этом настрой на глубокий разговор. Передо мной – ленинградский интеллектуал в погонах. Не шарлатан, коих я столько насмотрелся в те годы. Передо мной **знарок**.

Штрих второй. Май 1995 г., Нью-Йорк. Г.М. Евстафьев принимает участие в работе российской делегации на конференции по рассмотрению и продлению ДНЯО. На следующий день после того, как ДНЯО продлили бессрочно, прошу его о комментарии *под диктофон*. Геннадий Михайлович немедленно соглашается. Договорились встретиться в лаунже для делегатов, где с террасы открывается хороший вид на Ист-Ривер. И вот я у «проходной» ООН, а меня не пускают: оказывается, срок дей-

С Е.М. Примаковым.

Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева

ствия моего пропуска истек. Неловко: генерал ждет меня по другую сторону. Но неловкость рассасывается стремительно: вот в проходной появляется Геннадий Михайлович, вот делает какое-то незаметное движение охранникам; они его узнают (ну, конечно, он же немало проработал в Секретариате ООН, в том числе и с генсеком); улыбаются ему и машут мне: мол, проходи, раз *такой человек* за тобой пришел. И хотя это далеко не Колпачный переулок, а Первая авеню Манхэттена, у меня возникает очень домашнее ощущение. Передо мной – **авторитет**, перед которым распахиваются многие двери, и не только в пределах России.

Штрих третий. Март 2003 г., Брюссель. Геннадий Михайлович тогда работал в Бельгии. В мой приезд нам много чего с ним пришлось обсудить: американцы начали войну в Ираке. Но первым делом он спросил меня, знаю ли я, где находится в Брюсселе бюст Петра Первого, который жил здесь в 1717 г. Я честно признался, что не имею ни малейшего представления о том, что в Брюсселе есть памятник Петру. Евстафьев тут же усаживает меня в машину. Ехать недалеко. Мы в Городском парке, рядом с Дворцовой площадью. Среди деревьев, у оврага – бюст Петра Первого работы выдающегося немецкого скульптора Христиана

Даниэля Рауха, подаренный городу князем Анатолием Демидовым. В 1994 г., рассказывает Геннадий Михайлович, бюст украли; но спустя три года нашли и вернули на прежнее место. Геннадий Михайлович рассказывает ярко, сочно, он – незабываемый **собеседник**.

Штрих четвертый. 2005 г., Женева. Теперь мы работаем вместе, в ПИР-Центре, но так получилось, что я в этом году – из Женевы (где у меня есть и другая работа, в Женевском центре политики безопасности), а Геннадий Михайлович – из Москвы. Но вот – его командировка в Женеву, долгожданная встреча, ужин в ресторане *Spices* при отеле *President Wilson* с видом на набережную, добротная бутылка швейцарского красного вина из Граубюндена... нестандартный выбор, но оправдавший себя. Наш ужин изрядно затягивается. Геннадий Михайлович в этот вечер – чуть ли не впервые со времени нашего знакомства – настроен поговорить обо всей палитре ядерно-нераспространенческих проблем, с глубокими экскурсами в историю, с *путешествиями* по странам и континентам. Не место и не время воспроизводить наш разговор. Но об одном упомяну непременно: будто личную драму, он переживал, что не удалось предотвратить появление ядерного оружия в Пакистане. В 1970-е гг. он служил в советском посольстве в Исламабаде. И он был убежден, что СССР и США были способны договориться о том, чтобы Пакистан не стал ядерной державой. Вроде бы, и СССР, и США должны были быть в этом одинаково заинтересованы. «Но нет. Москва, Вашингтон (и Пекин) повели себя будто лебедь, рак и щука. И вот – гонка ядерных вооружений в Южной Азии. Абдул Кадыр Хан с его распространением ядерных технологий. Да что там... доступ к пакистанскому ядерному оружию интересен для самых опасных и мощных террористов мира...». Вот он, Евстафьев-пассионарий. Чего-чего, а равнодушия в нем не было никогда. Был взрывной даже, когда очень переживал. А переживал часто.

Штрих пятый. 2012 г., Москва. Геннадий Михайлович тяжело, третий год, болеет. На больничной койке. Несмотря на мучительную боль, все читает, за всем следит. Больше того – стремится помочь. «Володя, у меня тут сосед по палате... я с ним договорюсь, чтобы труды ПИР-Центра выходили не только на русском и англ-

Бюст Петра Первого в Брюсселе

лийском языке, но и на китайском. ПИР-Центр должен двигаться в сторону Китая, китайской экспертной аудитории. Может быть, сегодня для этого есть еще не все предпосылки... но вот увидишь, совсем скоро это станет насущной необходимостью». **Прозорливый. Заботливый.**

4.

Вопросы укрепления режима нераспространения ОМУ, механизмов разоружения являлись для Г.М. Евстафьева не политическими лозунгами, а предметом глубокого анализа с целью найти оптимальные, сбалансированные решения. В период, когда об избавлении мира от оружия массового уничтожения почти перестали думать, в программной статье «Разоружение возвращается» Г.М. Евстафьев не просто заявил об острой актуальности этой проблемы, он обозначил линии, по которым сегодня выстраивается дискуссия. «Главная ошибка людей состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше, чем бед завтрашних», – процитировал Клаузевица Геннадий Михайлович и подчеркнул, – это означает только одно: надо учиться упреждать последствия появления новых опасных военных технологий и классов оружия путем своевременных политических и юридических шагов»⁴.

Именно этим он и занимался в ПИР-Центре. В 2005 г. вышла подготовленная генералом Евстафьевым (в соавторстве) монография «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития»⁵ – первая работа, которая обозначила важность этой проблемы для России.

Десятки публикаций, сотни интервью и комментариев для СМИ – он до последнего не мог не работать.

5.

Г.М. Евстафьева всегда будут помнить сотни учеников – молодых дипломатов, офицеров, ученых – те, для кого он стал наставником на службе или во время научных стажировок, те, кто прислушивались к каждому его слову на Летней школе ПИР-Центра и других образовательных курсах.

⁴ *Евстафьев Г.М.* Разоружение возвращается // *Индекс Безопасности*. 2007. № 2. С. 53.

⁵ *Павлушенко М.И., Евстафьев Г. М., Макаренко И.К.* Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // *Научные записки ПИР-Центра*. 2004. № 2 (26). URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/nz-26.pdf> (дата обращения: 3 фев. 2023).

Чего ждали и что получали от старшего коллеги молодые ученые? В ходе разговора, так, между прочим, он говорил: «А ты обрати внимание на такой вопрос... не посмотреть ли здесь... или почитать вот эту книгу...» – и появлялась новая мысль, мы начинали видеть точечную проблему в широком историческом и политическом контексте – на глазах студент превращался в специалиста. Выпускник Восточного факультета Ленинградского университета Г.М. Евстафьев прошел колоссальную школу жизни, он нес лучшие традиции анализа источников и глубокого осмысления региональных и глобальных процессов и передавал эти традиции, дисциплину ума, своим ученикам – за это мы всегда будем ему благодарны.

Вот как говорит об этом А.Ф. Зулхарнеев, ныне член Экспертного совета ПИР-Центра и его директор с 2015 по 2019 г.: «Едва ли может быть что-то более ценное для молодого специалиста, чем встретить в начале своего профессионального пути такого человека, как Г.М. Евстафьев. Я благодарен судьбе за то, что такая возможность была у меня и моих коллег по ПИР-Центру. У каждого в памяти осталось что-то свое – книги, рекомендованные Геннадием Михайловичем, вопросы, на которые он предлагал обратить внимание, одна из историй, о которой он мог рассказать: о работе в Пакистане, встрече с Хонеккером или об американском миллиардере, всерьез интересовавшемся, за сколько можно выкупить российское ядерное оружие. Главное – пример глубокого и емкого анализа, конкретного и в широком историческом контексте – уроки мышления и профессионализма. Жалею ли я о чем-то? Конечно – о том, что не успел спросить и не был готов обсудить. Геннадий Михайлович не пропустил почти ни одной защиты стажера, к таким «Научным средам» он готовился не менее тщательно, чем к встречам с именитыми учеными и политиками. Лариса Васильевна, супруга Геннадия Михайловича, передала нам деревянный поднос – вокруг него Геннадий Михайлович хотел собирать нас у себя дома и обсуждать с нами насущные мировые вопросы. Мы храним поднос, постараемся сохранить и эту добрую традицию»⁶.

⁶ Признателен А.Ф. Зулхарнееву за его соображения о роли Г.М. Евстафьева, часть из которых нашла отражение в этом моем предисловии. Должен с благодарностью отметить, что идею выпуска «Избранного» Г.М. Евстафьева отдельным изданием впервые высказал именно А.Ф. Зулхарнеев.

Всегда помню, что, говоря о главных достижениях в предотвращении ядерного распространения, Геннадий Михайлович в последние годы жизни называл *человеческий фактор* и образование, втягивание в эти вопросы молодежи: внимание, которое начало уделяться проблеме нераспространения, отмечал он, «позволило создать целую плеяду специалистов, занимающихся вопросами нераспространения ядерного оружия, развития ядерных программ, физической безопасности ядерных объектов. Сотни людей, получивших соответствующее образование, занимаются анализом происходящих событий, выявлением тенденций, генерируют идеи»⁷. Но он скромно умалчивал, что в этом процессе – его огромная заслуга.

* * *

Специфика службы не позволяла генерал-лейтенанту Евстафьеву изложить для широкой аудитории все то, что у него *наболело*. Но том «Избранного», который вы сейчас держите в руках, удивит и студента, только начинающего свой путь, и маститого эксперта – своей глубиной, откровенностью и прозорливостью. Вы услышите неравнодушный голос истинного профессионала.

Владимир Орлов,
февраль 2023 г.

⁷ *Индекс Безопасности*. 2012. № 1 (100). Т. 18. С. 36.

РАЗДЕЛ I

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ, КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Ядерная экспертиза разведчика Евстафьева¹ (1993)

Черная кнопка, черная дверь, черная машина у входа... В особняке² меня встречает человек, который, наверное, лучше всех в России осведомлен об «утечках ядерных умов», похищениях урана и плутония... Он лучше других знает и о том, в каких странах уже имеется ядерное и химическое оружие, какие разработки они ведут и в каких целях.

– Наше Управление было создано всего год назад, потому что тогда обострились сразу многие проблемы: угроза «утечки мозгов» из ядерной сферы, неконтролируемый вывоз радиоактивного материала из-за «прозрачности» части российских границ,

¹ Впервые опубликовано: Московские новости. 1993. 29 авг. (Интервью Г.М. Евстафьева В.А. Орлову.)

² Имеется в виду Пресс-бюро Службы внешней разведки РФ, на тот момент располагавшееся по адресу: Колпачный переулок, д. 11. – Прим. ред.

распространение ядерного, химического, биологического оружия и военных технологий в «третьем мире».

Главное для нас – информация. Чтобы получить ее, мы пользуемся, конечно, специфическими средствами спецслужб. В силу объективных обстоятельств предпочитаем «человеческий фактор». В Управлении работают высококвалифицированные люди: период войны штыками позади, теперь работаем головой и немножко руками.

В США существует аналог нашего Управления – Центр по нераспространению. Однако по масштабам и оснащению сравнение неуместно. Бюджет Центра – сотни миллионов долларов, в его штате несколько сот человек, на него работают все участники разведсообщества США.

Та проблема, которой мы занимаемся, является одновременно политической, военной и финансовой. Последнее тоже немало важно: создание оружия массового поражения отнимает огромные средства у таких стран, как Пакистан, Индия, Израиль. Если взять «внутренний» аспект, то утечка делящихся материалов, технологий, а также специалистов способна нанести серьезный урон безопасности, экономике и престижу России.

– Последние полтора года пресса насыщена статьями типа: «Килограмм плутония вывезен из России», «Финскому журналисту на московском “черном” рынке предложили контейнер с обогащенным ураном» и т.д. «Московские новости» провели собственное расследование и установили, что большая часть таких публикаций – обыкновенная «липа».

– Достоверной информации о противозаконном экспорте действительно крайне мало. Международные масс-медиа засорены дезинформацией. Но наша обязанность – проверить все без исключения сигналы и максимально обеспечить руководство России точной информацией.

– Кто же засоряет прессу?

– Во-первых, спецслужбы – для решения своих задач и не в последнюю очередь для отвлечения наших сил. Во-вторых, невежественные люди, для которых что обогащенный уран, что природный – одно и то же. В-третьих, люди, которые преследуют свои

цели. Например, стремятся скомпрометировать политического соперника или конкурента на рынке.

Полтора года назад мы проверили два десятка фамилий якобы «утекших умов» (к слову, большинство фамилий почему-то были армянскими). И оказалось, что такие люди вообще не работают в сфере создания ядерного оружия.

Из одной западноевропейской столицы неоднократно поступала информация об «утечках» в Иран ядерных боеголовок и ядерных снарядов из Казахстана. И это оказалась чистой воды «деза». Распространение же сообщений о бесконтрольном вывозе (или похищении) из России обогащенного урана, плутония и тяжелой воды похоже на «активные мероприятия» в интересах тех иностранных компаний, которые хотели бы избежать конкуренции российских и других поставщиков на мировом рынке расщепляющихся материалов.

– Выходит, причин для беспокойства нет?

– Есть, и очень существенные. Россия оказалась страной с «прозрачными» границами. На грани развала находится ВПК. Тяжелое финансовое положение в «закрытых» городах, где традиционно поддерживался высокий уровень секретности. Сегодня вся система контроля за сохранением секретов вместе с ВПК трещит, корежится. Поэтому нынешнее достаточно благополучное положение я могу объяснить исключительно патриотизмом и порядочностью наших ученых-ядерщиков, которые не теряют веры в то, что занимаются нужным для страны делом. Какой американец был бы столь терпелив?

К слову, именно с Запада идут бесконтрольные «утечки» умов и расщепляющихся материалов в «пороговые» страны «третьего мира», многократно превышающие возможные утечки из России и других стран СНГ. Западные спецслужбы до сих пор ищут своих соотечественников, которые участвовали в иракских секретных исследованиях...

Разное случалось и с российскими ядерщиками. Однако у СВР к середине 1993 г. не было данных о том, что российские специалисты работают в странах «третьего мира», производящих или налаживающих производство оружия массового уничтожения.

Наше государство контролирует ситуацию. К тому же создана юридическая база экспортного контроля: указы президента, списки запрещенных к вывозу материалов, а также «экспортные списки» технологий, расщепляющихся материалов и предметов двойного применения, подлежащих обязательному лицензированию. Однако не всегда они соблюдаются. Если бы строго придерживались уже принятых указов, то, скажем, Украина (не присоединившаяся к Договору о нераспространении ядерного оружия³) не могла бы рассчитывать на поставки из России ядерных технологий и материалов. Нам нужно придерживаться более жесткой позиции.

Пока не выявлено незаконного вывоза высокообогащенного урана, плутония, специфических ядерных технологий. Однако уровень безопасности ядерных объектов очень разный – от высокого на комбинатах по обогащению урана до сомнительного в местах добычи природного урана. И скоро Россия столкнется с очень острыми проблемами. Чтобы снизить риск, следует подумать о создании специальной структуры при МАГАТЭ для сбора информации о нелегальной ядерной торговле.

– Перед Россией стоит и другая проблема: как бы не оказаться опоясанной новыми ядерными странами. Я имею в виду прежде всего Украину.

– На Украине некоторые влиятельные люди выступают за «промежуточный» статус в ядерном клубе: вроде бы и ядерная держава, вроде бы и нет. Подобный прецедент может подорвать продление Договора о нераспространении ядерного оружия, срок которого истекает в 1995 г. Но последние решения украинского парламента о том, что республика получает полноценный статус ядерной державы, настораживают еще больше.

– Как следовало бы поступить с боеголовками на ядерных ракетах, дислоцированных на украинской территории: оставить на Украине или вывезти в Россию?

– Все боеголовки, безусловно, должны быть вывезены в Россию. В последнее время Украина приглашает США для посредничества в демонтаже, складировании и транспортировке бое-

³ На момент публикации интервью. – *Прим. ред.*

головок. Но есть вопросы национальной безопасности России, есть российские национальные достижения и секреты, которые не должны знать ни украинцы, ни американцы.

– Некоторые западные исследователи предупреждают о потенциальных ядерных возможностях Армении, в частности по созданию радиологического оружия в случае запуска на полную мощность АЭС.

– Подобной информацией мы не располагаем. Я надеюсь, что мы не ошибаемся.

– Не пострадали ли наши интересы, когда год назад [президент России Борис] Ельцин и [президент США Джордж] Буш[старший] подписали «рамочное соглашение» и технические протоколы о содействии американцев в ядерном разоружении России?⁴ Это соглашение, как вы, наверное, помните, вызвало протесты российских законодателей.

– На наш взгляд, заключенное рамочное соглашение обеспечивает баланс интересов России и США. По нему России предоставлено 400 миллионов долларов (а сейчас эта сумма практически удвоилась) на демонтаж и хранение ядерных боеприпасов. Конечно, эти средства следовало бы активнее использовать для загрузки отечественной промышленности заказами под нашу ядерную «специфику».

Не секрет, наши американские партнеры хотели бы иметь определенное влияние на скорейшее ядерное разоружение Украины, Казахстана и Беларуси, а также сокращение ядерного потенциала России. Здесь у нас должен быть все тот же критерий: национальные интересы. Пока что они не нарушены. Мы стараемся следить, чтобы этого не случилось и в дальнейшем.

⁴ Имеется в виду Программа совместного уменьшения угрозы (*Cooperative Threat Reduction*), она же программа Нанна–Лугара, для реализации которой 17 июня 1992 г. было подписано «Соглашение между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия». – *Прим. ред.*

«Ядерный предел»: взгляд российского разведчика¹ (1994)

Россия в скором времени может оказаться в кольце ядерных государств. Возрастет угроза локальных конфликтов с применением оружия массового поражения на наших южных флангах. Из такого пессимистического прогноза исходят сегодня многие военные практики.

Украина и Израиль, Пакистан и Северная Корея, Индия и Ирак – вот неполный перечень стран, которые игнорируют международные правила нераспространения ядерного оружия, являясь его неофициальными владельцами либо вплотную приблизившись к статусу ядерных держав. Располагает ли российское руководство информацией о реальных ядерных арсеналах и программах «пороговых» и «околопороговых» стран, расположенных по периметру России? Об этом – интервью Владимира Орлова с генерал-лейтенантом Геннадием Евстафьевым – начальником Управления по контролю над вооружениями и распространением оружия массового уничтожения Службы внешней разведки России (СВР).

– Разделяете ли вы тревоги о «новом ядерном окружении России»?

– Лишь отчасти. Напомню, что в 1995 г. состоится конференция по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. Я надеюсь, что к этому сроку совместными усилиями удастся расширить состав его участников и предотвратить появление новых ядерных держав, даже в промежуточном или временном качестве. Но при этом, действительно, в мире сохраняются точки, весьма тревожащие меня...

¹ Впервые опубликовано: Московские новости. 1994. 9 янв. С. 14.

– Например? Назовите хотя бы три, в порядке убывания опасности.

– Во-первых, Северная Корея; во-вторых, Израиль; в-третьих, Индия и Пакистан.

– Давайте остановимся на Северной Корее.

– Мы согласны с общим выводом международных экспертов. Длительное время руководство Северной Кореи стремилось создать потенциал ядерного, химического и биологического оружия. Успешно осуществлялась и разработка средств доставки. Один из этапов – недавние испытания усовершенствованной ракеты «Скад».

КНДР активно развивала военно-прикладную программу в ядерной сфере, которая сегодня, по мнению СВР, находится в продвинутом состоянии.

– Почему тогда Северная Корея «заморозила» свою военную ядерную программу?

– Есть две причины. Первая – международное давление. Вторая – финансовые и технические трудности в самой Северной Корее, которая не способна нести бремя огромных расходов по созданию оружия массового уничтожения.

В Вашингтоне, как я знаю, понимают, что КНДР еще не овладела таким оружием, не создала реальные боевые устройства. Генеральный директор МАГАТЭ господин Бликс² также не утверждает, что у КНДР есть ядерное оружие. Служба внешней разведки тоже считает, что сейчас ядерная программа КНДР находится в замороженном состоянии и при соответствующих условиях корейцы готовы, видимо, прекратить ее вовсе и полностью открыть ее. Недавнее согласие Пхеньяна заменить «газографитовые» реакторы на легководные является определенным «сигналом», что КНДР готова приостановить часть своих военных программ.

Но есть вопрос, который требует разъяснения. То, что КНДР решила выйти из Договора о нераспространении и стремилась не допустить контроля инспекторов МАГАТЭ, создало новый

² Ханс Бликс – шведский политик и дипломат. Занимал должность генерального директора МАГАТЭ в 1981–1997 гг. – *Прим. ред.*

узел проблем. Правда, в результате диалога КНДР и США и монолитной позиции мирового сообщества Пхеньян приостановил свой выход из Договора. Но прерывность в контрольной деятельности МАГАТЭ говорит не в пользу северокорейского руководства.

При этом хотел бы особо заметить: сейчас, по сути, завершается процесс передачи власти в КНДР. В этих условиях всем нужно проявлять особую осторожность и осмотрительность, чтобы не дестабилизировать и без того острую ситуацию.

Американцы проявляют похвальную твердость, когда излагают перед Пхеньяном мнение мирового сообщества о недопустимости отхода от международных договоров. В то же время не секрет, что одновременно США решают свои сугубо национальные внешнеполитические задачи в этом регионе. Да и КНДР в «ядерном диалоге» с американцами ведет собственную крупную игру. Отсюда вывод: России следует исходить прежде всего из своих собственных интересов в обеспечении безопасности на Дальнем Востоке.

– Следующий в вашем списке – Израиль. Не секрет, что эта страна неофициально владеет ядерным оружием, а также передовыми ракетными средствами доставки...

– ...и сами израильтяне в неформальных беседах с удовольствием подтверждают это. Для наработки ядерного материала оружейной чистоты используются тяжеловодный реактор и установка для переработки облученного топлива (они не контролируются МАГАТЭ). Их мощности достаточно для изготовления ядерного материала для 5–10 ядерных боезарядов в год. Реактор мощностью 26 МВт введен в строй в 1963 г. с помощью Франции и модернизирован в 1970-е гг. После увеличения его мощности до 75–150 МВт наработка оружейного плутония могла вырасти с 7–8 кг в год до 50 кг. Установка для переработки облученного топлива создана также при содействии французской фирмы. На ней можно получать от 15 до 40 кг оружейного плутония в год.

Иначе говоря, Израиль потенциально мог бы произвести в период 1970–1980 гг. до 20 ядерных боезарядов, а к настоящему времени – от 100 до 200 боезарядов. Естественно, эти подсчеты могут быть скорректированы в зависимости от конкретных технических условий. Высокий научно-технический потенциал позволя-

ет Израилю совершенствовать конструкции ядерного оружия, например, создавать его малогабаритные варианты.

– Насколько я знаю, в настоящее время Израиль в состоянии производить также и химическое оружие: отравляющие вещества всех типов, включая нервно-паралитические, кожно-нарывные, временно выводящие из строя...

– Да, там имеются высокоразвитые химическая и нефтехимическая промышленность, квалифицированные специалисты, а также запасы исходного сырья. Откровенно говоря, это сильно осложняет международные процессы разоружения в целом. В частности, арабские государства не подписали Конвенцию о запрещении химического оружия и, видимо, не подпишут до тех пор, пока не будет прояснена позиция Израиля в военно-ядерной области.

– Третья названная вами точка: Индостан.

– Начнем с Индии. Я оценил бы ее технологически возможности как очень высокие. У Пакистана технические возможности несколько ниже, но тоже весьма высоки. Плюс у Пакистана хорошие источники финансирования, включая зарубежные. Около года назад Служба внешней разведки подготовила открытый доклад, где указала на наличие ядерного потенциала Пакистана. Затем эту информацию подтвердили сами пакистанские официальные лица. Появление ядерного оружия на Индийском субконтиненте вызывает большие опасения в мире. Видимо, здесь важнее всего безотлагательно найти политические развязки в решении проблемы. Движение этих стран не в сторону обеспечения себе промежуточного ядерного статуса, а в сторону признания безъядерных норм явилось бы их огромным вкладом в дело нераспространения.

– Но ведь ядерное оружие – это еще не все. Встает проблема распространения ракетных технологий.

– В ряде стран применение ракетных вооружений, по-видимому, уже является неотъемлемой частью стратегических оперативных планов. К числу наиболее продвинувшихся в этом направлении (кроме промышленно развитых) можно отнести Израиль, Иран, Сирию, Индию, Пакистан, КНДР и Бразилию.

Хорошо известно, что существуют вполне легальные пути приобретения странам «третьего мира» необходимого технического опыта и технологий: выполнение субподрядных заказов западных авиакосмических фирм, приобретение их акций, создание смешанных или подставных компаний, приглашение иностранных специалистов, направление стажеров и т.д. Добавим сюда рост промышленного шпионажа. Кстати, спецкомиссия Совета Безопасности ООН по Ираку вскрыла огромную роль, которую западные фирмы нелегально (или с благословения их правительств?) сыграли в создании разветвленного ракетного комплекса Ирака.

Но нельзя допустить, чтобы под предлогом ужесточения контроля за ракетными технологиями некоторые страны лишились доступа к мирным технологиям. Специалисты (в том числе и в СВР) внимательно следят за ракетными замыслами Ирана: за направлением закупок, его интересом к технологиям... Однако за разговорами об «усилении Ирана» и «опасности с его стороны» подчас кроется стремление лишить эту страну доступа к современным технологиям для развития своего мирного промышленного потенциала.

– В открытом докладе СВР, опубликованном в 1993 г., упомянуто, что сейчас около 100 стран мира располагают промышленной базой для создания химического оружия.

– Если контролировать ситуацию с ядерным оружием можно (сочетая использование космических средств с оперативной информацией), то с химическим это крайне трудно. Считается, что даже в крупном и достаточно затяжном региональном конфликте реальная потребность в химическом оружии составляет всего 100–200 т. Конечно, на практике запасы химического оружия больше этих цифр. Но обнаружить 100 и даже 500 т спрятанного химического оружия практически невозможно. Химические соединения и агенты могут содержаться в контейнерах размером меньше обычной бочки...

Несколько вопросов о ядерном нераспространении (1995)

Начальник Управления по контролю над вооружениями и распространением оружия массового уничтожения СВР России Г.М. Евстафьев ответил на вопросы главного редактора журнала В.А. Орлова¹.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: С момента издания СВР своеобразной «Белой книги»² по нераспространению прошло более полутора лет. Какие наиболее важные факты и оценки следовало бы, на сегодняшний день, к этой книге добавить? Что устарело?

ЕВСТАФЬЕВ: Прежде всего, хотелось бы сказать, что известный доклад СВР по проблеме нераспространения оружия массового уничтожения вызвал определенный резонанс, и можно сказать, что поставленная нами цель была достигнута.

В истекшие полтора года положение дел с ядерным и химическим оружием в мире прочно стало в центре внимания руководителей всех ведущих стран мира и международных организаций (ООН, МАГАТЭ, НАТО), о чем свидетельствуют и некоторые личные инициативы, выдвинутые ими. В большинстве своем – это отражение серьезной озабоченности.

Особое внимание вызывала и вызывает проблема контроля над ядерным оружием и такими связанными с ним процессами,

¹ Впервые опубликовано: *Ядерный Контроль*. 1995. № 1 (1). С. 12–15 под названием «Девять вопросов о ядерном нераспространении». Повторно опубликовано в юбилейном выпуске журнала *Ядерный Контроль*. 2006. № 2 (80). Т. 12. С. 15–20. Здесь и далее должность Г.М. Евстафьева указана на момент публикации материала.

² Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения. Открытый Доклад СВР за 1993 г.

как распознание военных ядерных и двойных технологий и попытки протиснуться в «ядерный клуб», опасность ядерного терроризма, особенно в контексте растущего нелегального оборота радиоактивных материалов и т.п.

Мировое сообщество более активно ищет пути укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), запрещения подземных ядерных взрывов, выработки привлекательных стимулов для того, чтобы отвратить некоторые страны от приобретения военного ядерного потенциала. Более глубоко, чем когда-либо раньше, ведется проработка системы гарантий в отношении неядерных государств.

Сама тенденция в военном ядерном нераспространении пока, к сожалению, противоречива. С одной стороны, произошло фактическое ядерное разоружение ЮАР (демонтировано 6 боезарядов), с другой – продолжает оставаться очень острой ситуация вокруг КНДР, прозвучали совершенно определенные заявления относительно обладания ядерным оружием Пакистана и о необходимости его иметь в будущем...

Стали более ясными возможности Израиля в сфере ядерного оружия. На фоне нежелания Тель-Авива даже обсуждать вопрос это не радует.

Есть обвинения в адрес Ирана, Алжира. Некоторые американские специалисты утверждают, что Ирак якобы даже после разоружения его спецкомиссией Совета Безопасности ООН сохраняет утаенные возможности быстро восстановить определенный уровень военно-прикладных исследований. Во всем этом потоке, помимо реальной информации, есть и голословное, наносное.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как Вы, на основании имеющихся данных, могли бы оценить сегодняшнее положение дел в ядерной сфере на Корейском полуострове и перспективы развития событий там?

ЕВСТАФЬЕВ: Этот вопрос, как Вы понимаете, состоит из трех частей и затрагивает проблему наличия ядерного оружия в КНДР и Южной Корее.

Южная Корея не имеет ядерного оружия, и СВР не располагает данными о том, что Сеул в настоящее время ведет разработку ядерного оружия. Учитывая известное заявление Южной Кореи и США, следует полагать, что американское тактическое ядерное

оружие с юга полуострова выведено. Таким образом, вопрос фактически сводится к тому, обладает ли Пхеньян атомной бомбой.

СВР не исключает, что на рубеже 1970-х гг. в КНДР было принято политическое решение о начале работ по созданию ядерного оружия. Однако, в силу различного рода трудностей экономического, финансового, научно-технического характера, военная часть ядерной программы КНДР развивалась волнообразно. Отмечались случаи ее замораживания и последующего восстановления. Рост внешнеполитической и экономической изоляции КНДР еще более усилил трудности в этой области.

Тот факт, что Пхеньян, присоединившись к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1985 г., подписал соглашение с МАГАТЭ о гарантиях лишь в январе 1992 г., может свидетельствовать о том, что северокорейцы продолжали примерно до этого времени работы в рамках ядерной программы.

По нашему мнению, к моменту начала первых инспекций МАГАТЭ ядерных объектов КНДР в мае 1992 г. северокорейцы в основном свернули военную часть ядерной программы и предприняли меры по сокрытию своей прежней деятельности в этом направлении.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют с достаточной уверенностью полагать, что КНДР не располагает ядерным оружием³. Даже допуская возможность наработки определенного количества оружейного плутония, измеряемого несколькими килограммами, создание дееспособного ядерного заряда представляется малореальным. По оценке экспертов, нынешний научно-технический уровень и технологическая оснащенность ядерных объектов в КНДР не позволяют северокорейским специалистам создать ядерное взрывное устройство плутониевого типа, пригодное для полигонных испытаний, и тем более смоделировать холодное испытание боезаряда плутониевого типа в лабораторных условиях.

Косвенным подтверждением этого вывода служат результаты инспекций МАГАТЭ в КНДР. Не отрицая самой возможности использования имеющегося в стране ядерного потенциала для проведения работ по военно-прикладной тематике, эксперты Агент-

³ На 1995 г. – Прим. ред.

ства не смогли найти данных, свидетельствующих о ведущихся в КНДР работах по созданию ядерного оружия.

В настоящее время большую обеспокоенность у нас вызывают условия хранения выгруженного в мае 1994 г. реакторного топлива. Дело в том, что северокорейские хранилища отработанного топлива не приспособлены к его длительному хранению. Они строились из расчета на то, что выгруженное топливо после необходимого периода охлаждения будет перерабатываться. По нашим оценкам, до решения вопроса о вывозе топлива из КНДР для переработки за границей в срочном порядке необходимо дооборудовать эти хранилища. Здесь северокорейцам потребуется техническая и финансовая помощь международного сообщества, в первую очередь тех государств, которые обладают передовым опытом обращения с радиоактивными материалами.

Оценивая перспективы развития ситуации на Корейском полуострове, мы полагаем, что в конечном итоге она будет нормализована. Мы внимательно следим за переговорным процессом между КНДР и США и отмечаем в нем позитивные сдвиги. В то же время мы не ожидаем «обвальной» нормализации американо-северокорейских отношений и объединения двух Корей в ближайшей перспективе. В этом треугольнике накопилось такое количество проблем, столько взаимного недоверия и подозрений, что потребуются значительное время и большие усилия для вызывания сформировавшихся здесь узлов противоречий.

Следует отметить, что закрыть северокорейский ядерный вопрос в широком смысле не представляется возможным. Развитие мирной ядерной энергетики предопределено объективными факторами. В частности, весьма остро стоит вопрос самообеспечения электроэнергией. КНДР не имеет разведанных нефтяных запасов. Вся нефть импортируется из-за рубежа. В стране ощущается острая нехватка электроэнергии, и в этой связи развитие АЭС представляется наиболее перспективным, я бы сказал, неизбежным путем для КНДР. Этот путь предполагает строительство и эксплуатацию под контролем МАГАТЭ надежных легководных реакторов, исключаящих наработку оружейного плутония. Здесь открывается широкое поле для международного сотрудничества с КНДР в области мирной ядерной энергетики. Одновременно это будет означать конкуренцию за северокорейский рынок. В интересах России, как представляется, занять на нем

достойное место, тем более что опыт сотрудничества с КНДР в области ядерной энергетики имеется. Более того, Россия понесла определенные материальные потери в результате участия в мероприятиях мирового сообщества по противодействию возможным намерениям КНДР в ядерной сфере. Мы, видимо, имеем основание на их компенсацию при договоренностях о путях развития ядерной энергетики КНДР.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Дальний Восток – это еще и Япония, с ее научным и техническим потенциалом, с определенными амбициями. Все чаще появляется информация, что, если только будет принято соответствующее политическое решение, Япония станет ядерной державой за месяц-два. Верно ли это? И если верно – то видны ли проявления подобных намерений в японском руководстве?

ЕВСТАФЬЕВ: Вопрос о Японии звучит актуально. Сейчас стало публично известно то, что ранее знали только представители спецслужб некоторых государств, а именно: в японском истеблишменте, объявившем о трех неядерных принципах, были и, видимо, есть такие силы, которые не прочь обзавестись ядерным оружием.

Да, не вызывает сомнения, что с научной, технической, финансовой и других точек зрения Япония может очень быстро решить задачу приобретения военной ядерной способности.

В свое время многих всколыхнула информация о закупке японцами плутония во Франции. «Японский плутониевый проект», как его называли, дал повод к выступлениям и критике, и японцы быстренько решительно сократили свои запросы. Настораживают и сообщения прессы об обнаружении неучтенных запасов ядерных материалов.

Пойдет ли японское руководство по ядерному пути? Я считаю, что вряд ли. Но в том-то и кроется опасность, что незавершенность ситуации вокруг ядерной программы КНДР может спровоцировать Японию, да и Южную Корею на разработку и создание ядерного оружия.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие государства Вы могли бы отнести к числу «новых пороговых стран»? Скажем, с Индией, Пакистаном, Израилем ситуация более или менее прояснена. Вопрос

именно о новых, то есть о тех странах, которые раньше не вызывали серьезной озабоченности.

ЕВСТАФЬЕВ: Сама постановка вопроса о «новых пороговых странах», на мой взгляд, преждевременна. Прежде чем решиться на определение какой-то страны в качестве «пороговой», надо иметь для этого веские основания. Как СВР отмечала в своем докладе, военно-прикладные исследования в ядерной сфере ведутся в ряде стран, но «клеить» их как «пороговые» не следует. Ядерное вооружение – это все еще многоплановая, многомиллиардная, сложная научно-техническая операция, которая мало кому под силу.

Своевременная постановка вопроса о нераспространении ядерного оружия позволила получить маленькую передышку.

Я бы хотел обратить внимание на другое. Сейчас мировое сообщество, как, пожалуй, никогда раньше, стоит перед выбором. Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военной сфере, либо в перспективе будем считать «пороговые» и «неофициальные ядерные державы» десятками. Вот тогда всем нам покажется *небо с овчинку*. У нас, у мирового сообщества, есть время (правда, мало!) и возможности предотвратить процесс расползания военных ядерных технологий и технологий двойного применения.

Например, на опыте переговоров между КНДР и США по ядерной проблеме некоторые недалёковидные люди задают вопросы типа: «Какую цену за отказ от ядерных амбиций могут запросить в будущем некоторые режимы на Ближнем и Среднем Востоке?» Скажем, США, обсуждая поставки реакторов на легкой воде с Пхеньяном, отказывают Тегерану в передаче аналогичной технологии.

По-моему, в том, что касается нераспространения ядерного оружия, нет такой цены (конечно, в пределах разумного), которую не стоило бы заплатить за отказ какой-то из стран «группы риска» от приобретения ядерного потенциала.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Насколько можно быть уверенным в выполнении Украиной взятых на себя обязательств по ядерному разоружению? Насколько надежно контролируются охрана боеголовок, их демонтаж, транспортировка?

ЕВСТАФЬЕВ: Хочу сразу оговориться, что в отношении Украины мы разведку не ведем, и поэтому в ответе на ваш вопрос буду исходить из общедоступных фактов.

В соответствии с достигнутыми договоренностями, Россия и Украина совместными усилиями обеспечивают безопасность в процессе снятия ядерных боезарядов с ракет и при их транспортировке. При этом транспортировка ядерных боезарядов осуществляется силами и средствами российской стороны, украинская же сторона обеспечивает безопасные условия передвижения ядерных боезарядов по своей территории.

В данном контексте также вызывают *оптимизм* и заявления президента Л.Д. Кучмы⁴ о том, что Украина и далее будет строго следовать трехсторонним договоренностям⁵, стремясь как можно скорее вывезти все ядерные боезаряды со своей территории.

Таким образом, положено начало процессу реального ядерного разоружения Украины, и, как представляется, имеются хорошие возможности для его дальнейшего успешного продолжения.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В последние месяцы слухи о ядерной контрабанде из России приобрели характер «эпидемии», а может быть, и «моды». Понятно, что большинство вопросов здесь должно быть обращено к Федеральной службе контрразведки⁶. И все-таки, известны ли вам случаи подтвержденной контрабанды из России значительных количеств высокообогащенного урана или оружейного плутония, или же других веществ, которые реально могли бы быть использованы террористическими группами для создания ядерного оружия?

⁴ Леонид Данилович Кучма был президентом Украины в 1994–2005 гг. – *Прим. ред.*

⁵ Вероятно, имеется в виду трехстороннее соглашение России, Украины и США, подписанное 14 января 1994 г. и предварявшее Будапештский меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к ДНЯО от 5 декабря 1994 г. – *Прим. ред.*

⁶ Федеральная служба контрразведки (ФСК) существовала в 1993–1995 гг., после чего была преобразована в Федеральную службу безопасности (ФСБ). – *Прим. ред.*

ЕВСТАФЬЕВ: Слово «эпидемия», на мой взгляд, не совсем соответствует реальному положению дел. Здесь дело сложнее. Я не хочу быть *ура-патриотом* и заявлять: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Нынешние преступники изощрены, а просчеты бывают у кого угодно. Ну, например, у американцев колоссальные недостатки обогащенных расщепляющихся материалов (некоторые говорят – с 1945 г. около 20 т), но они считают, что у них система учета и охраны этих материалов лучше всех. У англичан в Даунри в 1991 г. объявлено о пропаже 10 кг высокообогащенного урана. Потом списали 8 кг, так и не найдя. В Японии недавно обнаружили несколько десятков килограммов неучтенного плутония. Можно привести и другие примеры. Но все западные страны – и особенно те, которые не имеют представления о ядерном оружейном комплексе, – пытаются доказать, что в России царит хаос в ядерно-оружейной сфере и поэтому ее, стало быть, надо брать под международный контроль. Думаю, что конечная цель наших партнеров настолько понятна, что ее даже не надо комментировать. Ажиотаж вокруг этой проблемы не нов. Он длится уже три года, и теперь можно говорить, что он кем-то *сознательно* постоянно подпитывается.

На этапе 1991–1992 гг. ясно прослеживается задача убедить мир, что российские ядерные боеголовки (2–3 шт.), расположенные в Казахстане, плохо охранялись и были проданы Ирану. Некоторые балуются этой идеей еще и теперь. Тогда речь шла о «продажных офицерах Российской армии». Теперь речь идет о «продажных специалистах российского ядерного комплекса», вступающих в сделку с мафией. Сейчас главным полем деятельности «российских преступников» стала Германия, находящаяся накануне выборов.

Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, кампания вокруг контрабандной утечки материалов действительно вызывает озабоченность. То, что обвинения в российский адрес так муссируются в прессе, может иметь негативные последствия.

Почему? Не секрет, что у нас сильно возросло количество лиц, стремящихся получить «быстрые» большие деньги любыми путями. Этим людям наплевать, что, по всем меркам разумного мышления, невооруженным взглядом видна явная алогичность такого явления, как «черный рынок» уранового ядерного топли-

ва для атомных реакторов. Но западные, да и наши средства массовой информации дают регулярно «данные» по уровню цен на радиоактивные материалы в нелегальной торговле. Зачем? Может быть, затем, чтобы вызвать обвальный рост предложений и тем самым вызвать действительно хаос.

В последнее время на нелегальном рынке, по утверждениям западных средств массовой информации, появилась новая тенденция. Теперь пишут о предложениях ядерных материалов оружейного качества. Везде, естественно, только «российский след». Что же имеем на самом деле? Вот мнение российских экспертов:

- **Уран, задержанный в Германии 13 июня 1994 г.** С таким изотопным составом он в России не производился и, вообще, в российском ядерном оружии используется уран с другими качественными характеристиками. Кстати, такой уран может производиться в других странах, имеющих ядерные вооружения.
- **Плутоний, захваченный в Германии 10 августа 1994 г.** Плутоний такого изотопного состава никогда в России не производился.

Аналогичная ситуация складывается и по другим случаям. Но российская сторона неоднократно заявляла и своими действиями подтверждала готовность к совместным действиям по предотвращению нелегального оборота расщепляющихся материалов. Об этом свидетельствует и заключенный (по поручению Президента России Б.Н. Ельцина) директором ФСК С.В. Степашиным со статс-секретарем Б. Шмидбауэром⁷ Меморандум о сотрудничестве между спецслужбами России и Германии. Но мы готовы и к более широкому сотрудничеству по предотвращению распространения технологий оружия массового уничтожения в тех странах, где его нет.

Здесь западным странам, прежде всего Германии, еще предстоит многое сделать, чтобы перестать быть источниками утечки двойных и военных технологий, материалов и оборудования по созданию оружия массового уничтожения.

⁷ Бернд Шмидбауэр занимал должность статс-секретаря в 1991–1998 гг. и курировал деятельность немецких спецслужб. – *Прим. ред.*

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В Москву приезжают представители руководства США и ФРГ, проводят встречи на самом высоком уровне, где говорят о «ядерной» мафии и способах борьбы с ней. Вы в свое время говорили, что вероятность возникновения такой мафии крайне невелика. Что-то изменилось за последний год? Не пора ли приоткрыть завесу: «ядерная мафия» – это угроза или миф?

ЕВСТАФЬЕВ: В моем представлении «мафия» – это хорошо организованная группа высокопрофессиональных преступников. Они занимаются преступным бизнесом таким образом, что получают доступ к каким-то запрещенным или закрытым вещам и извлекают из этого колоссальные доходы.

Что мы имеем здесь? Как правило, действия малопрофессиональных мелких уголовников, которые зачастую даже не представляют, что украденные ими материалы, во-первых, представляют опасность для их собственного здоровья, во-вторых, продаются ими за деньги значительно меньше тех, которые эти материалы стоят на официальном рынке. В этом-то алогичность и курьезность нынешней контрабанды расщепляющихся материалов, которая поддерживается часто искусственно, за счет высоких цен, которые готовы заплатить некоторые полицейские органы за возможность победной репортажи о «перехвате очередной партии контрабанды», об «обнаружении каналов утечки материалов».

Если вы хотите знать мое мнение, то, конечно, никоим образом нельзя говорить о «мафии ядерной», по аналогии с наркобизнесом, в который вовлечены десятки тысяч людей и который манипулируется действительно хорошо организованными профессионалами. Но наша задача, тем не менее, не дать злоумышленникам создать реальную мафию. Все остальное – это, по крайней мере на сегодняшний день, не больше чем разгоряченные предвыборной борьбой фантазии некоторых политиков, делающих на этом карьеру.

Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается¹ (1995)

Конференция в Нью-Йорке² стала своеобразным референдумом о судьбе ДНЯО и его роли в международных отношениях и военной политике будущего. На этот почти всемирный референдум было вынесено три вопроса. **Вопрос первый:** «Нужен ли вашей стране этот Договор?». **Вопрос второй:** «Насколько высоко вы оцениваете российско-американские мероприятия по сокращению ядерных вооружений?». **Вопрос третий:** «Готовы ли вы и в дальнейшем следовать букве и духу Договора?»

По первому вопросу, не нашлось ни одного государства (за исключением КНДР, которая и ранее заявляла, что рассматривает себя как страну с особым статусом, что отражает ее курс на продолжение тонкой политической игры), которое бы заявило, что Договор не нужен.

По второму вопросу, хотя и звучали критические оценки темпов ядерного разоружения, сопровождаемые возгласами «Мало!» и «Быстрее!», российско-американские мероприятия по разоружению последних лет все-таки получили одобрение.

По третьему вопросу, не осталось сомнений, что большинство государств-участников осознает угрозу ядерного распространения и признает перспективы сохранения этой угрозы. В связи с этим большим достижением является подтверждение неядерными государствами-участниками в ходе конференции своей готовности добровольно отказаться от каких бы то ни было помыслов о создании ядерного оружия.

¹ Впервые опубликовано: *Ядерный Контроль*. 1995. № 6 (6). С. 18–19.

² Обзорная конференция по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия, апрель-май 1995 г.

Таким образом, *референдум по ДНЯО* в Нью-Йорке прошел впечатляюще. Он показал, что есть и намерения, и возможности двигаться и дальше сообща по пути совершенствования международного режима ядерного нераспространения. Такая возможность открывается в том числе благодаря тому, что в ходе нью-йоркской конференции, когда, как и водится в практике столь значительных форумов, происходил своеобразный *give-and-take*, все ядерные державы (включая и Китай, при всех особенностях его подхода) продемонстрировали свою готовность пойти на некоторые уступки. О многом говорит тот факт, что **ядерные государства согласились на включение в итоговые резолюции положений об укреплении механизма рассмотрения действия ДНЯО и о заключении ДВЗЯИ в 1996 г.** В рекомендации по ДВЗЯИ заложен большой потенциал. Мировое сообщество теперь станет еще более пристально следить за ходом подготовки этого Договора. Очевидно, что после его заключения следует ожидать значительного снижения темпов военного строительства в части ядерных программ *большой пятерки*.

Особо следует отметить пожелания конференции по поводу заключения **Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей оружия**. Представляется, что именно эта Конвенция, в случае ее успешной выработки и принятия, сможет стать одним из самых эффективных документов, связанных с ДНЯО. Уже сейчас можно предположить, что реализация идей и положений будущей Конвенции станет разворачиваться медленно, однако с течением времени эффективность ее будет заметно расти.

Наконец, важно, что конференция оказалась готова поддерживать усилия МАГАТЭ по гарантиям и проведению инспекций. На основании решений конференции и выступлений на ней следует ожидать того, что руководство МАГАТЭ и генеральный директор Ханс Бликс станут более активно использовать режим особых инспекций.

Стало уже общим утверждение, что один из главных плюсов конференции – принятие решения без голосования. И тем не менее на этом тезисе, совершенно справедливом, стоило бы остановиться подробнее. Действительно, голосование в любом случае оказалось бы притворством, спровоцировало бы острый конфликт, когда подавляющее большинство побеждает незначитель-

ное меньшинство. В таком случае это меньшинство ушло бы совершенно озлобленным, что вряд ли оказалось бы позитивным исходом, как с точки зрения дальнейшего развития международного режима нераспространения, так и с точки зрения его дальнейшей универсализации.

Следует отметить в этой связи, что руководство российской делегации в лице Сергея Кисляка и Григория Берденникова проявило себя очень грамотно. Ряд тактических мер, который был ими выстроен, в результате принес стратегическое решение. К числу таких тактических мер можно отнести, в частности, сбор подписей под коротким, всего в три строки, проектом резолюции о бессрочном продлении (официально оно было выдвинуто Канадой и затем трансформировалось в резолюцию L.6). Число подписей перевалило за 90 и продолжало расти, вопреки первоначальным сомнениям (пока не достигло 111). Именно когда наступил переломный момент и были собраны формально необходимые «50 процентов голосов от общего числа государств-участников», стало совершенно ясно, что все идет к бессрочному продлению, и других вариантов быть не может. По-моему, тактика сбора подписей под этим документом очень помогла председателю конференции Джаянте Дханапале³.

Надо отдать должное послу Дханапале. Он провел конференцию безупречно, сумев убедить в необходимости согласованного решения многих сомневающихся. Его заслуга и в выходе на итоговую формулу принятия пакета резолюций (принятие решения без голосования, по сути, консенсусом, хотя он этого слова по понятным причинам избегал). На мой взгляд, это очень интересная формула, я впервые сталкиваюсь с ней в дипломатической практике, и для такого документа, как ДНЯО, она оказалась как нельзя кстати.

Спротивление радикалов из Движения неприсоединения (ДН) при принятии итоговых резолюций оказалось гораздо слабее, чем это можно было предполагать. На мой взгляд, радикалы из ДН совершили тактическую ошибку, изначально не согласившись смягчить свои крайне жесткие формулировки и предложе-

³ Джаянта Дханапала – шриланкийский дипломат. Занимал должности посла Шри-Ланки в ООН (1995–1997) и заместителя Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (1998–2003). Стал широко известен благодаря своему председательству на Обзорной конференции ДНЯО 1995 г. – *Прим. ред.*

ния. В результате они не сумели создать платформу, которая бы привлекла всех участников ДН; не смогли даже произвести на свет согласованного документа. В Бандунге их постиг полный провал. Когда министр иностранных дел Индонезии г-н Алатас приехал в Нью-Йорк, то увидел, что индонезийский проект, изобилующий жесткими формулами, никак не корреспондируется с настроением в залах заседаний. Надо отдать ему должное, он скорректировал позицию. Помимо многочисленных тактических ошибок, ДН допустило и одну стратегическую. Зачем для новой пробы сил и для давления на Север потребовалось разыграть именно карту ДНЯО? Радикалы в ДН, видимо, не учли, что ДНЯО – это глобальное соглашение, которое соответствует, по большому счету, интересам всех.

Впрочем, можно согласиться с отдельными аргументами неприсоединившихся стран, в частности с тем, что буква и дух ДНЯО не всегда совпадают с реальностью. Действительно, порой некоторые государства интерпретируют положения ДНЯО на свой лад. Так, можно долго спорить о решении США ввести эмбарго против Ирана, но, по-моему, изначальный наскок США на Иран диктуется целями, не имеющими прямого отношения к ДНЯО. В данном случае США решают собственные политические цели. Американская политика имеет определенный уклон в зоне Персидского залива. Если раньше в политике двойного сдерживания упор делался на Ирак, то сейчас на первый план выходит Иран. Многие в американской дипломатии подгоняются под этот новый акцент. Озабоченность США нам понятна. Такая озабоченность имеется и у России. Мы также предпринимаем и намерены предпринимать в дальнейшем усилия по предотвращению ядерного распространения. Здесь у нас нет противоречий с США, здесь наши интересы совпадают. Но при аргументировании правильности позиции нельзя переходить черту объективности, иначе дальнейшие меры становятся контрпродуктивными.

Решение о санкциях США против Ирана было объявлено прямо в разгар конференции. Я могу лишь догадываться об истинных причинах, по которым это решение было принято. Возможно, имела место прямая несогласованность действий между различными структурами администрации США. Как бы то ни было, выступление президента США перед Всемирным еврейским конгрессом в Нью-Йорке с объявлением санкций Ирану

сильно обострило ситуацию на конференции по ДНЯО. Если в начале иранцы занимали достаточно сдержанную позицию, то затем их тон стал резче, и российской делегации, в частности, Сергею Кисляку и Григорию Берденникову, пришлось предпринять действия, которые помогли не дать разрастись иранской озабоченности...

Еще одна случайная или не случайная *несогласованность* – заявление министерства энергетики США, опять же в разгар конференции, о том, что США возобновляют производство трития. Все это тем более досадно, если учесть, какую важную роль сыграли США для принятия решения о бессрочном продлении: они способствовали этому всей дипломатической мощью, всем своим влиянием в различных регионах мира. И тем не менее эти мелкие мазки не портят и не загушевают общую картину, которая весьма позитивна. Постоянное действие ДНЯО позволяет более детально заняться такими не сиюминутными вопросами, как, во-первых, *универсализация режима нераспространения* и, во-вторых, *дискуссия о будущем ядерного оружия*.

В последние годы, и особенно накануне конференции, мы были свидетелями стремительного роста участников ДНЯО. Тем не менее до сих пор за пределами ДНЯО остается целый ряд влиятельных государств, в том числе и те, кого мы называем *неофициальными ядерными державами*. Необходимо активно работать в направлении привлечения этих стран к Договору, с тем чтобы первые результаты стали видны к следующей Конференции по рассмотрению его действия, которая состоится в 2000 г.

Остановлюсь лишь на одном из трудных случаев – Израиле. Хотя резолюция конференции, посвященная созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, не вошла в пакет документов (она принята как бы сверх пакета), она имеет очень сильный потенциал, и на нее вполне могут опираться все государства – участники ДНЯО, проводящие линию на универсальность Договора. При этом следует понимать, что данный конкретный вопрос надо рассматривать только в увязке с общим процессом мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Что касается Израиля, то, во-первых, он очутился в **ядерном тупике** и, во-вторых, ему надо поскорее из этого тупика выбираться. Почему тупик? Казалось бы, ядерный потенциал дает Израилю уверенность. Не думаю. Очевидность в том, что Израиль просто

не может быть ядерным государством. Кроме того, Израиль должен отдавать себе отчет в том, что его обладание ядерным оружием может впоследствии негативно сказаться на переговорах о ликвидации других видов оружия массового уничтожения в регионе, особенно химического оружия. Наверное, пути выхода Израиля из ядерного тупика могут быть различны. Возможно, вопрос о ликвидации Израилем своего ядерного потенциала следует решать в пакете с другими вопросами...

Вместе с тем Израиль не сможет долго отказываться от осуждения ядерной проблемы. Израиль очень долго был изгоем в ООН. Его *прикрывали* там считанные государства. На Ист-Ривер еще не так давно принимали большинством голосов (и еще каким большинством) резолюции с осуждением сионизма, варварских действий Израиля и Бог знает, чего еще... Не говоря о существовании резолюций, сам факт такого массового осуждения Израилю был не слишком приятен. Со временем ситуация начала меняться: Кэмп-Дэвид, договор с Иорданией, установление дипотношений с рядом стран. Эти шаги вывели Израиль на нормальное региональное существование. Сейчас осталось решить проблему с сирийцами и затем окончательно решить проблему ближневосточного урегулирования. В последние месяцы впервые начался поиск формулы, которая помогла бы сдвинуть с места ядерную проблему. Пока ее не нашли. Но то, что Израиль в этом поиске участвует, симптоматично. Скептики скажут, что Тель-Авив идет на такие пробные шаги в тактических целях, и не стоит ждать дальнейшего продвижения. Я думаю, дело не только в тактике. В Тель-Авиве растет понимание того, что Израиль оказался вне рамок глобального процесса, а ведь ни одному государству, находящемуся вне рамок глобального потока международного процесса, еще не удавалось доказать свою правоту. Через компромиссы, через определенные жертвы государства в конце концов начинают включаться в этот поток.

Разве не впечатляет пример Южной Африки⁴? Сколько лет она была в изоляции! Следует понимать, что и на закате режима

⁴ В 1989 г. Южно-Африканская Республика свернула свою военную ядерную программу, в рамках которой было создано шесть полноценных ядерных боеприпасов. В 1990 г. все атомные бомбы были разобраны, в 1991 г. ЮАР присоединилась к ДНЯО, а в 1994 г. МАГАТЭ подтвердило, что все ядерное оружие в ЮАР было утилизировано. – *Прим. ред.*

апартеида отказаться от ядерного оружия было для нее очень трудным решением. Еще пару лет назад никто не мог и представить, что Южная Африка окажется в центре внимания на Конференции по ДНЯО, и не в качестве объекта критики, а как пример для подражания; что она станет изначальным автором одного из ключевых документов и примет самое активное участие в выработке других. Сумев переступить через свои амбиции, Южная Африка красиво вошла в международное сообщество, заслужив всеобщее уважение. Израиль же – пусть не обижаются политики в Тель-Авиве – продолжает жить (как, впрочем, и арабы) с менталитетом *окруженного гарнизона*. Там по-прежнему смотрят на мир сквозь бойницы. Наличие ядерного оружия – одно из проявлений этого менталитета. Тем более что я совсем не понимаю, как израильские военные собираются это оружие в случае необходимости применять. Может быть, они хотят, чтобы потом весь мир проклял Израиль? Конечно, они считают, что ядерное оружие для них – это оружие сдерживания. Тогда и Сирия начнет считать, что для нее химоружие – это тоже оружие сдерживания. Замкнутый круг, тупик... Американцы запустили такое словосочетание: «*безответственный режим*». Не думаю, что израильские политики хотят, чтобы в скором времени с точки зрения большинства стран мира из-за упрямства в своей ядерной политике Израиль получил такое клеймо.

Разрешение нескольких *трудных случаев*, прежде всего на Ближнем Востоке и на Индостанском полуострове, позволило бы более активно развернуть дискуссию в официальных ядерных странах о будущем ядерного оружия. Сразу после принятия решения о бессрочном продлении несколько стран (в частности, Малайзия) высказались в том духе, что теперь, мол, *большая пятерка* будет вечно владеть ядерным оружием. Вряд ли с подобными заявлениями можно согласиться. Развертывание более широкой дискуссии о судьбе ядерного оружия (сначала в военных кругах ядерных государств, а со временем и на глобальном уровне) позволит прояснить, в частности, могут ли быть созданы альтернативы ядерному оружию среди обычных вооружений. Уже в ближайшее время встанет на повестке дня вопрос об экономической неизбежности дальнейшего сокращения ядерного оружия.

Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски¹ (2004)

Похоже, что и 2004 г. пройдет под знаком пристального внимания к «вечно незавершенному» процессу нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Становится также очевидным, что основной упор будет сделан на недопущение возможности соприкосновения терроризма с технологиями, пригодными для создания оружия массового уничтожения (ОМУ-технологии), пусть даже и в самом примитивном варианте. Обе темы неисчерпаемы и как бы стимулируют друг друга.

Результаты 2003 г.

Итоги 2003 г. неоднозначны. С одной стороны – тесное взаимодействие по глобальным аспектам нераспространения между лидерами «восьмерки» и успех встречи в Эвиане, подтвердившей и развившей принципиальные договоренности по Глобальному партнерству в деле нераспространения, достигнутые годом раньше в Кананаскисе², а также разной степени полезности дискуссии в ходе десятков многосторонних встреч и сотрудничество в рамках двусторонних рабочих органов, включая спецслужбы, активная роль неправительственных организаций и некоторое укрепление национальных и международных режимов контроля за движением ОМУ-технологий и т.п.

С другой стороны – первая в истории полнокровная война под предлогом разоружения и уничтожения якобы тщательно

¹ Впервые опубликовано: *Ядерный Контроль*. 2004. № 1 (71). Т. 10. С. 65–72.

² Город в Канаде, где проходил 28-й саммит «Большой восьмерки», 26–27 июня 2002 г. – *Прим. ред.*

спрятанного ОМУ Ирака, в результате которой диктаторский режим С. Хусейна был свергнут, сам диктатор в конце концов был найден, а ОМУ Ирака так и не было найдено (сохранилось ли оно после многолетней успешной деятельности спецкомиссии СБ ООН?). Страна оккупирована, идущая там партизанская война выдается за свидетельство подрывной деятельности иностранных террористов и, таким образом, оказывается, что с самого начала дело было не в ОМУ. Это и некоторые избирательные акции давления, такие как угрозы повторения иракского варианта в отношении Сирии, Ирана и в особенности КНДР, руководство которой хорошо умеет балансировать на грани конфликта, и многие другие менее значимые ситуации – все это привело к серьезной перегрузке всей структуры международных отношений и к появлению заметной трещины между странами, ранее достаточно едиными в деле борьбы с распространением ОМУ. На наш взгляд, во многом современные трудности на нераспространенческом направлении связаны еще и с тем, что традиционная, глобалистская повестка дня несколько зашла в тупик и в ряде случаев фрагментировалась, сконцентрировавшись на решении пусть и полезных, но все же достаточно второстепенных вопросов.

На самом деле, на фоне развивающихся тревожных тенденций, вне центра внимания долгое время оставались крупнейшие злободневные проблемы – достижение универсального характера международных договоров и соглашений в области ОМУ, вопросы легальности одностороннего применения силы и роли ООН в этом случае, современного подхода к понятию суверенитета и многие другие. Во многих ситуациях ООН вообще как-то незаметно оказалась отодвинутой в сторону и стала утрачивать рычаги влияния на поведение некоторых своих влиятельных членов. Все это, видимо, давно беспокоило Генерального секретаря ООН К. Аннана³ и руководство Организации и в конце концов привело к формированию им консультативной группы, состоящей из умудренных опытом государственной деятельности представителей ряда ведущих стран для поиска ответов на новые и неординарные угрозы и вызовы в международных отно-

³ Кофи Аннан – ганский дипломат. Занимал должность Генерального секретаря ООН в 1997–2006 гг. – *Прим. ред.*

шениях. К. Аннан поставил перед этой группой ряд ключевых вопросов, вызывающих нарастающие озабоченности: как наилучшим образом оградить мировое сообщество от атак международного терроризма и остановить распространение ОМУ, включая создание экстремистскими силами суррогатных, но от этого не менее опасных боевых средств на базе ОМУ-технологий, включая так называемые «грязные бомбы», и т.п.?

Легитимность применения силы

Тогда в каких случаях возможно применение силы и кто должен дать на это санкцию? Можно ли при определенных обстоятельствах оправдать превентивную войну? Является ли государственный суверенитет абсолютным и нерушимым или понимание этого вопроса должно претерпеть эволюцию? И как тогда может выглядеть система сдержек и противовесов?⁴

Конечно, с учетом происходящих и развивающихся на международной арене конфликтов и событий, ООН еще вчера должна была иметь ответы на эти вопросы, особенно после того, как обнажились серьезные разногласия в подходах к ним между постоянными членами СБ ООН, несущими основную ответственность за поддержание мира. Даже в НАТО среди союзников выявились разные точки зрения, ставшие одной из причин, побудивших США действовать в ряде случаев фактически в одиночку. Но ведь уже давно аксиомой является тот факт, что на долговременной основе такие глобальные проблемы, как нераспространение и терроризм, можно успешно решить только на базе консенсуса, а не путем лихих кавалерийских наскоков с целью, в основном, запугивания противника. Конечно, хитроумного и преследующего свои лично-семейные интересы М. Каддафи⁵, может быть,

⁴ Аннан К. К более безопасному миру – сообщая // Коммерсант. 2003. 8 дек. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/434100> (дата обращения: 22.12.2022).

⁵ Муаммар Каддафи – ливийский революционер, лидер сначала Ливийской Арабской Республики, а затем Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в 1969–2011 гг. После прихода к власти Каддафи запустил программы по разработке оружия массового уничтожения (химического и ядерного), которые были добровольно прекращены в 2003 г. в рамках усилий по нормализации отношений с Западом. – *Прим. ред.*

на некоторое время и можно испугать, но остальные будут более трудными «клиентами», и о транспарентности в области ядерной и другой деятельности так называемых *пролиферантов* придется на время забыть.

В декабре 2001 г. Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета высказалась в том смысле, что в принципе можно допустить, что вмешательство может стать неизбежным, но для этого необходимо:

- установить более четкие правила, процедуры и определения того, требуется ли вообще вмешательство, и
- если да, то каким образом и когда можно его правомерно осуществлять.

Таким образом, и Комиссия, и К. Аннан не исключают, что при определенных обстоятельствах санкционированное ООН применение силы может стать неизбежным – надо только договориться о модальностях. Но как раз здесь мы сразу сталкиваемся с возражением США и некоторых их ближайших союзников, симпатизирующих продвигаемой Вашингтоном уже в течение более полутора десятков лет концепции контрраспространения с упором на одностороннее применение силовых методов. По большому счету, в самой идее «контрраспространения» нет ничего нового. Еще во времена президента Дж. Буша-старшего тогдашний министр обороны США (в настоящее время [в 2004 г. – *Прим. ред.*] – вице-президент в администрации Дж. Буша-младшего) Д. Чейни вместе с рядом других ныне влиятельных деятелей вашингтонской администрации подготовил документ под названием «Руководство по военному планированию». Клинтоновская эпоха несколько притормозила развитие этого процесса, но он «пошел» и с приходом прежних идеологов к власти, уже при Дж. Буше-младшем, набрал большую инерцию, закончившуюся провозглашением известной «Оси зла» и военной акцией в Ираке с целью уничтожения там ОМУ.

Что же такого нового произошло в политике нашего главного партнера по обеспечению глобальной стабильности? Администрация Дж. Буша-младшего просто одним махом превратила тактику упреждающих ударов из одной из возможных опций в основополагающий принцип своей внешней политики. Весь

мир с сочувствием воспринял трагедию 11 сентября 2001 г. и именно тогда возникла, впервые за 50 лет, широкая внешнеполитическая коалиция для борьбы с чудовищным злом – международным терроризмом во всех его формах и проявлениях, что, будучи разумно и кооперативно использовано, со временем могло бы дать в рамках уважения международного права решающую победу над международным терроризмом и снять многие опасности в сфере распространения ОМУ. Но этого, к сожалению, в долгосрочной перспективе достичь не удастся.

Тому есть много причин: сложность и, к сожалению, во многом неподготовленность мирового сообщества на фоне высокой организованности того преступного экстремистского сообщества, которое бросило миру вызов, неадекватность правовой базы для борьбы с этим феноменом, скрытое, а иногда и открытое стремление разделить террористов на «настоящих» и так называемых борцов за свободу, а пролиферантов ОМУ-технологий – на дружественных и принадлежащих к «Оси зла» и т.п. Но все-таки главное видится в другом – Соединенные Штаты наконец почувствовали, что они сейчас настолько сильны, что смогут решать вопросы международной безопасности такими способами, какие они посчитают для себя наиболее приемлемыми, и предлагают миру присоединиться к создаваемым ими коалициям на американских условиях, что некоторые и делают, особенно тогда, когда это сулит политические и экономические выгоды.

Как известно, четкое официальное изложение основных элементов силовой составляющей контрраспространения имело место в «Стратегии национальной безопасности», озвученной в сентябре 2002 г. Бывший командующий Центральным командованием США (которое на практике осуществляет военные контрраспространенческие операции на Ближнем и Среднем Востоке) Дж. Хор по этому поводу сказал следующее: «Я думаю, что одна из ошибок, связанных с артикуляцией этой политики, заключается в том, что она вообще была сделана политикой». И далее: «Я иногда очень озабочен тем, что неоконсерваторы в Вашингтоне очень быстро пускают в ход военную карту»⁶.

⁶ International Herald Tribune. 2003. 27 Jan.

Несколько дальше идут некоторые российские аналитики, которые утверждают, что нынешнее доминирование США в вопросах нераспространения и борьбы с терроризмом при их стремлении к односторонним силовым действиям представляет даже большую угрозу, чем колоссальная угроза терроризма⁷. Это, конечно, эмоциональный всплеск, вызванный иракскими событиями. Да, в действиях нынешней американской администрации просматривается странный симбиоз легитимных и, прямо скажем, сомнительных с точки зрения международного права методов и приемов, отчетливо видны некоторые далекоидущие и узкокорыстные цели. Но в то же время есть и много достаточно здравых суждений и предложений, в том числе и о том, что «риск бездействия может быть также велик, как и риск действия»⁸. Вообще-то сочетание цивилизованных и нецивилизованных способов во внешней политике характерно, видимо, для всех ведущих государств во времена острых международных кризисов. Однако именно здесь должна проявляться балансирующая роль СБ ООН, призванного с помощью логики правовой аргументации и моральной оценки отсекал имперские проявления. А вот что абсолютно очевидно – так это то, что России ни в коем случае нельзя соскальзывать на путь банального антиамериканизма и открытой конфронтации с США. За последние годы мы значительно улучшили двусторонние отношения и активно сотрудничаем на международной арене. И сейчас мы не можем от этого отказаться без ущерба для себя, тем более, не используя достаточно широкие возможности по ограничению и нейтрализации их «переборов» во внешней и военной политике.

Предстоящая встреча на о. Морской⁹ и особенно ее подготовка – одна из таких возможностей. Конечно, в 2003 г. мы видели многие внешнеполитические действия США в сфере нераспространения, которые вызвали серьезную озабоченность и усиление разногласий в международной антитеррористической и антираспространенческой коалиции. Не говоря уже об иракской акции, которая с точки зрения нераспространения не достигла

⁷ Третьяков В. Как нам теперь относиться к Америке // Российская газета. 2003. 27 мар.

⁸ International Herald Tribune. 2002. 19 Aug.

⁹ Имеется в виду 30-й саммит «Большой восьмерки», прошедший 8–10 июня 2004 г. на курорте Си-Айленд (Джорджия, США). – *Прим. ред.*

каких-то оправдывающих ее результатов (последние сообщения средств массовой информации говорят о «тихом» выводе тех 400 специалистов, которые после оккупации Ирака были посланы туда с жесткой установкой во что бы ни стало найти ОМУ Ирака), есть ряд других моментов, которые вызвали озабоченность у мирового сообщества¹⁰. Это прежде всего отмена Сенатом США закона Спратта–Фурса от 1993 г., наложившего запрет на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), которые могли бы привести к производству Соединенными Штатами нового ядерного боеприпаса малой мощности. Пока еще не приняты дополнительные решения, но если они последуют, то судьба Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), видимо, будет решена, поскольку желающие воспользоваться подобным решением США есть, в том числе и под боком у Вашингтона. Вот это будет крупнейшей неудачей в деле укрепления режима ядерного нераспространения. Не порадовала позиция США и по Протоколу по верификации Конвенции по запрещению биологического и токсинного оружия (КБТО).

Главный спонсор Госдепартамента США по вопросам нераспространения Дж. Болтон заявляет в среде «переговорщиков», что Вашингтону в любой редакции неприемлем юридически обязывающий верификационный протокол КБТО. Видимо, происходят какие-то изменения в традиционных американских подходах к своему излюбленному «коньку» – контролю и проверке.

В мае 2003 г. на волне эйфории, связанной со сравнительно легкой победой над С. Хусейном, в Кракове последовала так на-

¹⁰ Уже после своей отставки в январе 2004 г. глава инспекционной группы американских оккупационных войск Д. Кэй заявил, что еще в середине 1990-х гг. Ирак решил отказаться от программы производства незаконного оружия, так как сильно опасался инспекций ООН. Иракцы не хотели, чтобы их уличили в наличии такого оружия, так как понимали, что ООН будет действовать еще более эффективно (это к вопросу об американской пропаганде о том, что специальная комиссия СБ ООН является неэффективным инструментом контроля за выполнением решений Совета Безопасности). Кроме того, Д. Кэй опроверг распространявшуюся Пентагоном и Государственным департаментом информацию о том, что Ирак якобы перевез какое-либо неконвенциональное оружие в Сирию (это к вопросу об официальном использовании дезинформации для влияния на международное общественное мнение в рамках подготовки очередных силовых акций в контексте односторонней реализации доктрины контрраспространения).

зываемая Инициатива по безопасности в области нераспространения (ИБОР). Содержащиеся там перспективные идеи относительно необходимости предотвращения перемещения по морю и воздуху запрещенных ОМУ-технологий и материалов двойного назначения перемежаются с претензиями на «суверенное право» США перехватывать, досматривать и конфисковывать грузы иностранных государств в международных водах на основании собственных решений, без обсуждения в каких-то международных органах. При этом делается ссылка на заявление общего характера и не имеющее юридической силы ротируемого ежемесячно Председателя СБ ООН, сделанное им еще в январе 1992 г. Силловые действия США и небольшой группы «инициативников», среди которых, как это ни удивительно, оказались и те, кто выступал и продолжает выступать против иракской акции, были негативно оценены многими юристами-международниками, в частности и такими авторитетами в области нераспространения, как Т. Грэм и Дж. Гранофф, которые отметили, что инициатива не имеет должной юридической силы и по ряду ключевых положений полностью противоречит международно признанной Конвенции по морскому праву от 1982 г., которую США как участник обязаны защищать и поддерживать¹¹.

На наш взгляд, в Вашингтоне все-таки поняли, что с ИБОР был некоторый «перебор» и надо искать более легитимные основания для своих действий. И, как следствие, 17 декабря 2003 г. появился американский проект резолюции СБ ООН, который делает соответствующие реверансы в сторону критиков, но идеи ИБОР в нем, естественно, присутствуют. Проект развивает выступление Дж. Буша на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2003 г., в котором также есть много такого, с чем можно полностью согласиться, но опять, как и в проекте резолюции от 17 декабря по нераспространению, есть скрытая, чисто американская программа действий: «Дайте нам хотя бы фиговый листок легитимности, а мы уж развернемся». Членам СБ ООН, видимо, надо быть очень осмотрительными и, по неосторожности, не дать свободу для таких последствий, о которых они могут потом пожалеть. Выступая на заседании Совета безопасности России 3 декабря 2003 г., Президент РФ В.В. Путин

¹¹ Письмо Bipartisan Security Group от 11 сентября 2003 г.

заявил, что «действующие в сфере нераспространения ОМУ международные договоры не содержат механизмов гарантий безопасности как отдельных стран, так и мира в целом. Эти соглашения нельзя назвать универсальными, а предпринимаемые меры полностью адекватными степени современных угроз»¹². И далее: «Любые попытки использовать эту тему в качестве инструмента политической и экономической конъюнктуры необходимо пресекать. Такие действия должны встречать сопротивление и соответствующую реакцию с нашей стороны».

Естественно, проблемы и озабоченности видятся не только с американского «угла». В конце концов, такой «рупор идей» президента Дж. Буша, как советник по национальной безопасности К. Райс, временами заявляет, что в Вашингтоне с самого начала понимали, что операции «по принуждению» могут проводиться только с большой осторожностью и количество ситуаций, в которых эта мера могла бы быть оправдана, будет небольшим. Это дает возможность вести диалог по проблеме¹³.

В 2004 г. выходит на «финишную прямую» подготовка к следующей Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), намеченной на весну 2005 г. Это, конечно, тема отдельного разговора, но на двух проблемах, прочно с ней связанных и вызывающих нарастающую тревогу, хотелось бы остановиться уже сейчас.

Вызовы ДНЯО

Первая из этих проблем – выход КНДР из ДНЯО и объявление ею о намерении иметь свое собственное ядерное оружие. Очевидно, что это очень тревожный сигнал для ДНЯО, который за истекшие годы к тому же так и не стал универсальной организацией. По мнению многих экспертов, развитие ядерной программы КНДР не имеет своей главной задачей укрепление боеспособности страны. Причины, по-видимому, кроются в своем, национальном видении стратегического сдерживания и стремлении обезопасить себя от возможной военной интервенции со стороны

¹² В.В. Путин заявляет, что действующие в сфере нераспространения ОМУ международные договоры не содержат механизмов гарантий // РИА Новости. 3 декабря 2003 г.

¹³ International Herald Tribune. 2003. 27 Jan.

США, а также и в том, чтобы иметь «козырную карту» в той рискованной игре в «политический покер», которая долгое время, с приливами и отливами, ведется в Северо-Восточной Азии.

Можно с небольшой долей уверенности говорить о некотором наблюдающемся сейчас смягчении первоначальной жесткой позиции США, но мы все еще очень далеки от возвращения к исходной позиции, т.е. от возвращения Пхеньяна в лоно ДНЯО и отказа его от создания ядерного оружия. Компромисс в данной ситуации может быть только пакетным и обязательно будет включать в себя коллективные гарантии безопасности КНДР и сохранение за ней права на ведение мирной ядерной программы под строгим международным контролем. Многие считают, что на некоторое время следует приветствовать сохранение статус-кво, но, на наш взгляд, понятие «определенное время» может оказаться контрпродуктивным и в очередной раз приведет к тому, что мы опоздаем и получим очередную де-факто ядерную державу и, соответственно, углубление кризисной ситуации на Корейском полуострове. Кроме того, в преддверии Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 г. за развитием корейской темы с возрастающим интересом наблюдают в ряде «пороговых» и «предпороговых» стран, и у некоторых из них экономические и технические возможности значительно большие, чем у КНДР, а геополитические амбиции ничуть не меньше.

Представляется, что сейчас появилось некое «окно возможностей» и для инициатив ООН, прежде всего в плане деликатного прерывания традиционной цикличности развития корейских кризисов и стимулирования поиска промежуточных решений в увязке с работой «шестерки», которая, кажется, находит свой *modus operandi*.

На наш взгляд, нет более красноречивого примера практики применения «двойных стандартов», чем весьма двусмысленная и опасная ситуация, сложившаяся с ядерным распространением на Индийском субконтиненте. Увлечшись ликвидацией ядерного наследия Советского Союза и конфронтацией с «осью зла», все как-то просмотрели возникновение парадоксальной дилеммы: появления и укрепления двух совершенно реальных де-факто ядерных держав – Индии и Пакистана. Не являясь участниками ДНЯО, Дополнительного протокола и ряда других важных соглашений, эти страны, по крайней мере формально, не сдержи-

ваются ничем, кроме материальных и финансовых возможностей, в наращивании своих ядерных потенциалов. Это можно сказать еще с большим основанием и о «старой» де-факто ядерной державе – Израиле, который, по общему убеждению, уже имеет несколько десятков единиц ТЯО.

На субконтиненте нет надежных региональных сдерживающих и международных контрольных механизмов. Иногда указывают на известные двусторонние договоренности между странами о мерах доверия в ядерной области. Не преуменьшая позитивного характера этих инициатив, все же трудно отделаться от мысли, что, во-первых, мировое сообщество примирилось с существованием вне ДНЯО де-факто ядерных государств и, во-вторых, фактически не ищет путей более надежного решения этой крайне насущной проблемы. Наверное, мир зашевелится тогда, когда оба государства создадут ядерные потенциалы, сопоставимые с потенциалами остальных ядерных держав.

Думается, что сложившаяся ситуация в регионе, подверженном длительному межгосударственному конфликту, с одной стороны, свидетельствует о том, что в повестке дня так называемого *классического нераспространения* изначально был просчет относительно перспектив угрозы ядерного распространения на региональном уровне и, во-вторых, допущено самое серьезное отставание в разработке концептуальных подходов к ликвидации стимулов и нейтрализации мотивации «аспирантов». Но ведь вечно быть инертными нельзя, и мировая общественность вправе ожидать от Генерального секретаря ООН, МАГАТЭ и других международных организаций морального лидерства в поиске путей преодоления нынешнего положения с учетом сложившихся реалий. Необходимость действовать оперативно диктуется постоянно поступающей информацией из Пакистана, который, похоже, стал «перевалочным пунктом» секретных ядерных и ракетных технологий¹⁴. Думается, что именно в этой стране, с учетом ее традиционных союзнических отношений с Вашингтоном, у наших американских партнеров есть огромное поле для деятельности в сфере укрепления режима экспортного контроля и пресечения незаконного перемещения технологий ОМУ и средств их доставки.

¹⁴ Financial Times. 2003. 24 Dec.

Заключение

В заключение хотелось бы высказать, как написал в свое время в письме графу Шувалову М.В. Ломоносов, несколько «порознь пришедших мыслей»:

- Прежде всего, ощущается потребность в инициативе со стороны ООН и ведущих государств по предоставлению миру взвешенной и согласованной повестки первоочередных мер в области укрепления международной безопасности, которая бы вписывала ООН в новый, более демократичный мировой порядок с большей ролью институтов гражданского общества.
- Концепция силового контрраспространения является неадекватной по отношению к нынешнему уровню существующих опасностей и не может быть принята как однозначный ответ на возникшие вызовы и угрозы. В ноябре 2004 г. в США состоятся президентские выборы, как, впрочем, и в России в марте 2004 г. У Дж. Буша непростое внутривнутриполитическое положение, и исторический опыт поведения правящих групп американской элиты в таких ситуациях свидетельствует о том, что ее склонность к «проведению» маленьких, но победоносных войн становится очень серьезным подспорьем в электоральной схватке, если не задумываться о внешнеполитических последствиях. Желательно общими усилиями мирового сообщества сделать все, чтобы уберечь Дж. Буша-младшего от шагов, чреватых тяжелыми для всех последствиями.
- С точки зрения стратегических интересов России важно в самое ближайшее время создать новый механизм (механизмы) для обеспечения транспарентности военной деятельности в мировом пространстве ведущих держав мира.
- ООН следовало бы прочнее вписаться в глобальную антитеррористическую коалицию, а желательно и попытаться заменить узкую коалицию на антииракской базе «желающих», которую США пытаются позиционировать сейчас как главный инструмент формирования «нового мирового порядка», на вновь оживленную на широкой международной основе антитеррористическую коалицию.

- В ближайшей перспективе главной проблемой с точки зрения «новых вызовов» в ядерном плане может стать угроза применения «грязной бомбы» или аналогичных суррогатных устройств на технологической базе других видов ОМУ и самых разнообразных средств их доставки. Следовательно, ООН должна всячески поддерживать усилия по созданию эффективных способов предотвращения и снижения ущерба от их возможного применения. При ООН желательно создать специальное агентство, которое, опираясь на выделенные развитыми странами соответствующие подразделения повышенной готовности и ресурсы, могло бы немедленно реагировать на случаи применения террористами «грязных бомб». Эти меры прежде всего должны быть ориентированы на развивающиеся страны, где применение террористами устройств на базе ОМУ-технологий или происшествие чрезвычайного порядка, вызванное технической неграмотностью экстремистов, могут иметь катастрофические последствия. В большинстве этих стран власти плохо подготовлены к их ликвидации, а население и критическая для выживания инфраструктура практически не защищены. Кроме того, необходимого набора специальных средств, а также опыта и методик по преодолению «психологических, социальных, экологических и радиологических последствий» терактов и случайных инцидентов практически не имеется. В данном случае свой вклад могли бы внести НАТО и Россия в форме совместных действий и инициатив по линии Совета России–НАТО, в работе которого уже накоплен определенный подходящий опыт.
- Мировое сообщество должно оказать всемерную поддержку ускоренному развитию и внедрению, естественно, безо всякой дискриминации, устойчивых к распространению ядерных, химических и биологических технологий, а также найти пути надежного сочетания нераспространенческих интересов мирового сообщества с потребностями развивающихся стран в ракетной сфере, и в этой связи представляется далеко не исчерпанным потенциал российской инициативы по Глобальной системе контроля за запуском баллистических ракет (ГСК).

Разоружение возвращается¹

(2007)

В последнее десятилетие мы являемся – кто свидетелем, а кто и прямым участником совершенствования и наращивания вооружений во всем мире. Достаточно сказать, что военные расходы всех стран мира к 2006 г. достигли не укладывающейся в голове цифры – 1,1 трлн долл.²

Половина этой суммы падает на военный бюджет США – по видимому, отсюда и проистекает наступательный характер концептуальных воззрений американских военно-политических стратегов и энергичное претворение этих воззрений в жизнь. Задавая тон, Соединенные Штаты вынуждают остальных – как своих союзников и партнеров, так и противников, в меру имеющихся финансовых и научно-технических возможностей, – тянуться за ними с тем, чтобы не дать окончательно нарушить и без того хрупкий, изрядно расшатанный (а, может быть, уже и иллюзорный) баланс сил. Это большая медвежья услуга, которую делают наши американские партнеры всему остальному человечеству.

При этом говорить и обсуждать проблему сдерживания роста военных бюджетов стало не модно. Отсюда следует, что в обозримом будущем тенденции их непрерывного роста будут сохраняться.

Кризис политики разоружения

Стремительные темпы прогресса в военно-технических технологиях, их быстрое внедрение в вооруженные силы многих государств и, как следствие, пересмотр военно-доктринальных под-

¹ Впервые опубликовано: *Индекс Безопасности*. 2007. № 2 (82). Т. 13. С. 41–54.

² SIPRI Yearbook 2006. Armaments, Disarmament and International Security. N.Y.: Oxford University Press. P. 326.

ходов к использованию вооруженных сил для борьбы с новыми угрозами и геополитическими вызовами – все это застало мировое сообщество врасплох.

Как результат этой уже изрядно затянувшейся растерянности, международно-правовая база контроля над вооружениями – а формировалась она десятилетиями – стала устаревать. По многим параметрам она **больше не соответствует требованиям современных условий.**

В последние годы нарушился и некий негласный баланс, существовавший долгое время между усилиями в сфере чистого классического разоружения, с одной стороны, и областью борьбы с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ) – с другой. При этом я далек от мысли противопоставить их друг другу. Вместе взятые, оба направления составляют суть и содержание мирового разоруженческого процесса. Это хорошо видно из перечисления известных 13 практических шагов по обеспечению систематических и последовательных усилий по осуществлению ст. VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), принятых участниками Конференции в Нью-Йорке в 2000 г.³

Как известно, в принятом документе содержатся и скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), и разработка Договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других взрывных устройств (ЗПРМ), и скорейшее вступление в силу и полное осуществление Договора СНВ-2, и заключение как можно скорее Договора СНВ-3 при сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) как краеугольного камня стратегической стабильности и как основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений, а также применение принципа необратимости к мерам по ядерному разоружению и много чего еще.

С удовлетворением можно отметить, что 25 декабря 2006 г. президент России подписал Федеральный закон «О ратификации соглашения между правительством Российской Федерации

³ 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document, NPT/CONF/2000/28 (Part I and II). P. 14–15.

и ПК ОДВЗЯИ о проведении мероприятий в отношении объектов Международной системы мониторинга, предусмотренной Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний»⁴. Мир давно ждет американских шагов по ратификации самого ДВЗЯИ, что помогло бы снять серьезные сомнения относительно конечных замыслов США.

Однако в целом, как показали последовавшие после документа 2000 г. события, **надежды на серьезный прогресс в области ядерного разоружения не оправдываются.**

Ядерное оружие, как минимум, до середины XXI в. уверенно будет занимать свое исключительное место в арсеналах официальных ядерных держав и усиливать свои позиции в вооруженных силах неофициальных ядерных держав (Индии, Пакистана и Израиля). Потенциал последних, не будучи ограничиваемым никакими соглашениями, скоро может стать сопоставимым с ядерными арсеналами таких держав, как Франция, Великобритания и Китай, ядерные возможности которого теперь оценивают примерно в 200 единиц (в 2004 г. – 402 единицы)⁵.

Конечно, не все выглядит совсем мрачно. За последние 10–12 лет количество ядерных боеголовок, находящихся на вооружении США и России, в результате достигнутых соглашений сократилось более чем в два раза. Но остальной мир *справедливо* считает, что этого мало. 30 сентября 2005 г. США и Россия объявили о том, что по соглашению ВОУ–НОУ от 1993 г. завершена конверсия 250 т ВОУ, что приблизительно дает 10 тыс. ядерных боеголовок⁶. На рубеже XXI в. возникли иллюзии насчет того, что мы находимся накануне прорыва. 13 ноября 2000 г. недавно избранный

⁴ О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Подготовительной комиссией Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПК ОДВЗЯИ) // Министерство иностранных дел РФ. Дек. 25. 2006. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1652344/ (дата обращения: 22.12.2022).

⁵ U.S. Nuclear Policy and World Nuclear Situation. Presentation of Hans M. Kristensen to the Gensuikin Conference, Tokyo. Aug. 1. 2004. URL: <http://www.nukestrat.com/pubs/gensuikin2004b.pdf> (дата обращения: 22.12.2022).

⁶ U.S.–Russia Mark Major Nonproliferation Milestone. Statement by the Press Secretary // The White House. Sep. 30. 2005. Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/09/text/20050930-3.html> (дата обращения: 22.12.2022).

президент России В.В. Путин заявил: «Мы не видим оснований, которые препятствовали бы дальнейшим глубоким сокращениям стратегических наступательных вооружений. Как известно, мы предложили США, в том числе и на самом высоком уровне, поставить в качестве цели достижение (что вполне реально сделать к 2008 г.) радикально пониженных уровней ядерных боезапасов наших стран до 1500 единиц. Но и это не предел – мы готовы рассмотреть в последующем и более низкие уровни»⁷. Даже известный в свое время «ястреб» генерал Эндрю Гудпейстер, бывший в конце 1990-х гг. президентом влиятельного в США Атлантического совета, выдвигал идеи СНВ-3, СНВ-4, СНВ-5 с выходом в конечном итоге на совокупный уровень 1000 ядерных боеголовок для всех пяти официальных ядерных держав⁸.

Но этого не произошло. В США к власти пришли радикально настроенные республиканские консерваторы, которые были убеждены, что вот-вот наступит *американский век*, т.е. век длительного безраздельного военно-политического господства США. Известные сторонники *разрядки*, например Генри Киссинджер, рассматривались ими как *пораженцы*. Более того, по словам известного американского политолога Роуз Геттемюллер, президент Джордж Буш-младший «радикально изменил проведение американской политики в области разоружения, применив два принципа: сделал ставку на односторонние действия [...] и отбросил те переговорные механизмы, которые могли бы рассматриваться как устаревшие или вредные для интересов США»⁹.

Последствия этого выбора Вашингтона продолжают ощущаться до сих пор. Очень быстро был утрачен Договор по ПРО, ушел в небытие и из политического употребления СНВ-2. СНВ-3 был заменен Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалах (СНП), который имеет свою специфику по сравнению с предыдущими соглашениями между двумя странами. Настали времена, окрашенные болезненной реакцией США на драматические и неожиданные события 11 сентября

⁷ Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации 2000.11.13-2.

⁸ Goodpaster A. Shaping the nuclear future: toward a more comprehensive approach. The Atlantic Council of the United States Occasional paper, 1997.

⁹ Gottemoeller R. Arms control in a new era // The Washington Quarterly. 2002. Spring. P. 45.

2001 г. и стремлением силой, даже в одиночку, разгромить террористов по всему миру. Одной из главных задач стало лишение террористов доступа к ОМУ. В 2003 г. началась иракская операция, обернувшаяся предсказуемо катастрофическими последствиями для Ирака и для всего региона; она длится до сих пор. **Глобальная война** против терроризма стала главным политическим козырем республиканской администрации. В результате был пересмотрен концептуальный подход к строительству ядерных сил и их возможному использованию. Мир явился свидетелем появления американской концепции *новой триады*. Классическое разоружение прочно ушло в тень.

Несбалансированное увлечение тематикой нераспространения ОМУ проявилось не только в переносе центра тяжести дипломатической и переговорной работы с *разоружения* на *нераспространение*, но и в перетоке кадров переговорщиков и экспертов в таких ключевых участниках переговорного процесса, как США и Россия, из достаточно быстро зачахших механизмов переговоров по стратегическим и обычным вооружениям в весьма аморфные и сильно политизированные структуры, связанные с комплексом нераспространенческих проблем. А некоторые политологи привнесли в анализ многосторонних проблем нераспространения традиционную неспешную методику *двухсторонки*. Таким образом, ряды тех, кто досконально знает разоруженческое дело и умеет грамотно вести переговоры, сильно ослаблены по обе стороны океана. Несмотря на видимую концентрацию экспертных ресурсов на нераспространенческом направлении, в 2005 г. произошел феноменальный провал Седьмой обзорной Конференции ДНЯО в Нью-Йорке, когда не удалось согласовать даже *куцый* заключительный документ. Виной тому, в том числе, и застой в процессе классического ядерного разоружения.

Совершенно очевидно, что ни одна из этих двух областей контроля над вооружениями не должна становиться заложницей другой. В обеих областях в равной степени накопились крупнейшие проблемы, угрожающие безопасности и стабильности и могущие породить региональные и даже глобальные кризисы, как правило, затрагивающие непосредственные интересы России. Между этими двумя направлениями существует неразрывная связь. Например, известный специалист Н.Н. Соков считает, что неэффективность существующих нераспространенческих

режимов и, как теперь стало модно утверждать, неспособность международных организаций остановить распространение незаконных программ ОМУ могут придать ядерному оружию новую роль как важному компоненту средств так называемого контрраспространения¹⁰. Ядерные испытания, проведенные Северной Кореей в октябре 2006 г., безусловно, будут обыгрываться в интересах такого подхода.

Россия является преемницей сложившихся традиций в области борьбы за разоружение. Спад в ее активности на этом направлении закончился. Есть все основания ожидать, что Россия выступит с предложениями, нацеленными на то, чтобы если не остановить, то хотя бы замедлить наиболее опасные устремления тех, кто считает, что для них не существует ни пределов здравого смысла, ни ограничений их амбиций.

В Военной доктрине Российской Федерации одним из основополагающих положений является требование о том, что Россия должна обладать таким ядерным потенциалом, который был бы достаточен для того, чтобы нанести «заданный ущерб» любому агрессору «в любых условиях»¹¹. Иными словами, российские ядерные силы должны быть способны пережить массированный неожиданный удар и в ответных действиях нанести агрессору вышеупомянутый «заданный ущерб». На этом подходе, по существу, и построена оправдавшая себя за долгие годы концепция ядерного сдерживания.

Сегодня довольно часто (правда, неофициально) слышатся голоса из наиболее воинственных кругов республиканцев в Вашингтоне, вещающие, что при нынешнем военном превосходстве, в том числе и в сфере ядерных вооружений, США могли бы одержать победу над любым противником в ядерном конфликте. Эти настроения нашли свое выражение и в нашумевшей статье в журнале *Foreign Affairs*¹², написанной двумя малоизвест-

¹⁰ Sokov N. Trends in US Nuclear Strategy. Presentation at conference “Results of the NPT Review Conference and Nuclear Policies”, Geneva Center for Security Policy. Jun. 8. 2005.

¹¹ Военная доктрина Российской Федерации от 21 апреля 2000 г.

¹² Keir A. Lieber, Daryl G. Press The Rise of U.S. Nuclear Primacy // Foreign Affairs. 2006. March/April. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20060301faessay85204/keir-a-lieber-daryl-g-press/the-rise-of-u-s-nuclear-primacy.html> (дата обращения: 22.12.2022).

ными специалистами. По сути, эту статью можно оценить как провокационное прощупывание мировой реакции на некоторые идеи, прорабатываемые в Пентагоне. Дональд Рамсфелд ушел, так и не добившись окончательной победы в Ираке. И сразу же появился доклад Совета по науке Пентагона (*Defence Science Board*), который немедленно утек в прессу. В упомянутом докладе ставится вопрос об отказе от дальнейших переговоров по сокращению стратегических ядерных сил (СЯС) и необходимости сохранения и укрепления американского потенциала сдерживания «до прояснения будущего России»¹³. Если такой подход станет реальной линией администрации, то он еще больше осложнит ситуацию вокруг дальнейших шагов по ядерному разоружению. Во всяком случае, нечеткая, мягко говоря, позиция Вашингтона по продолжению переговоров относительно замены СНВ-1 новой договоренностью неслучайна. По-видимому, статья в *Foreign Affairs* происходит из тех же кругов, а целью своей она имела также и намерение подбодрить Пентагон в его нынешних иракских и афганских страданиях.

Вызовы для России

Появление концепции *новой триады* США не ускользнуло от внимания руководства России. В своем докладе 2 октября 2003 г. на совещании руководящего состава Вооруженных сил РФ занимавший тогда пост министра обороны С.Б. Иванов обратил внимание на возможность возвращения американскому ядерному оружию свойств реального военного инструмента за счет применения отдельных технологических достижений. Речь идет о превращении ядерного оружия из средства сдерживания в оружие поля боя. На практике это означает снижение порога применения ядерного оружия, что фактически и следует из новоявленной концепции новой триады. А это, естественно, в генеральных штабах различных стран потребует перестройки системы управления войсками и принципов их боевого применения¹⁴.

¹³ US report warns of Russian nuclear threat // *Jane's Intelligence Digest*. Jan. 26. 2007.

¹⁴ Доклад министра обороны РФ на совещании руководящего состава ВС РФ 2 октября 2003 г.

Со своей стороны, российское руководство теперь допускает применение «принципа превентивности» в отношении международных террористов, что расширяет гибкость действий и возможность своевременного противодействия опасным тенденциям. Речь, однако, не идет о применении ядерного оружия¹⁵.

Конечно, в обозримом будущем, при отсутствии прямой военной угрозы, Россия не должна обременять себя катастрофическими идеями поддержания ядерного паритета не только с основными ядерными державами в совокупности, но и с США в отдельности. Мы не имеем права *наступить на те же грабли*, что и Советский Союз: это слишком дорого нам обошлось! Но поддержание убедительного ядерного сдерживания как ключевого элемента концепции стратегической стабильности является мерой ответственности руководства страны перед своим народом, что было четко выражено в «Основных положениях военной доктрины» 2000 г., где сказано: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»¹⁶. Таким образом, оставлено за собой право применить ядерное оружие первыми при определенных обстоятельствах. Это требует не только переосмысления подходов к ядерному строительству, но и выделения в полной мере необходимых финансовых и материальных ресурсов, чтобы поддерживать живучесть и управляемость нашего сокращающегося ядерного потенциала на самом высоком и надежном уровне с учетом непрерывно совершенствующихся ядерных и неядерных средств нападения в современной войне.

Пока наши СЯС еще не достигли необходимых кондиций. Если такая работа будет последовательно осуществляться, то и провокационных мыслей о возможности победить нас в ядерном конфликте возникать не будет. Однако эта работа ни в коем слу-

¹⁵ Иванов С. Военная доктрина: Россия должна быть сильной // Ведомости. 2006. 12 янв.

¹⁶ Военная доктрина Российской Федерации от 21 апреля 2000 г.

чае не должна принять характер втягивания России в очередную гонку ядерных вооружений.

Для политического сигнала о серьезности наших намерений по защите нашей собственной национальной безопасности и территориальной целостности российское руководство, на мой взгляд, нуждается в обнародованной системе предъядерного сдерживания. Такая система предполагает параллельно опору на высокоточное оружие (ВТО) большой дальности для уничтожения на территории потенциального агрессора объектов высокой ценности с целью продемонстрировать готовность в случае необходимости ответить на угрозы повышением уровня эскалации. Это позволит иметь значительную гибкость и некий план первоначальных действий. В подавляющем большинстве ситуаций сам факт наличия системы предъядерного сдерживания станет важнейшим фактором сдерживания. В этом смысле я разделяю многие из взглядов известного российского специалиста по стратегическим вооружениям А.Г. Савельева¹⁷. Для достижения такого потенциала нет необходимости строить новые силы.

*Американская доктрина новой триады
и ее последствия для процесса разоружения*

Озвученный в 2002 г. в США «Обзор состояния ядерных сил США» (*Nuclear Posture Review*) наметил важнейшие тенденции в развитии строительства американских ядерных сил в предстоящие пять-десять лет. Их реализация вызвана, в том числе, и новыми отношениями между США и Россией в стратегической сфере – обе стороны достигли понимания, что они не рассматривают друг друга в качестве противников и готовы совместно работать по проблемам новых вызовов и рисков, особенно в сфере борьбы с международным терроризмом. Сама ключевая идея, облеченная в термин новая триада, несколько дезориентирует, если не абстрагироваться от известного старого определения стратегической триады. Согласно этому документу, новая триада состоит из:

¹⁷ Савельев А. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности России в XXI веке // *Ядерный Контроль*. 2005. № 3. С. 45–54.

- наступательных ударных систем (как ядерных, так и неядерных);
- оборонительных систем (как активных, так и пассивных);
- обновленной оборонной инфраструктуры, которая обеспечивает своевременное реагирование на возникающие угрозы.

Эта новая триада связана в единый узел усиленной системой командования и контроля С2 и соответствующими разведывательными возможностями¹⁸.

Идея еще не приобрела окончательного облика, и попытки администрации продать ее Конгрессу США идут с переменным успехом в связи с предполагаемыми большими расходами на ее реализацию и очевидными политическими издержками. Но следует иметь в виду, что, хотя стратегические ядерные элементы старой триады становятся лишь частью новой триады, стратегические МБР, БРПЛ и бомбардировщики с ядерным оружием, тем не менее, продолжают составлять решающий компонент ядерной политики. В документе прямо говорится, что предметом озабоченности остается ядерный потенциал России. В случае, если отношения США и России серьезно ухудшатся в будущем, «США может потребоваться пересмотреть уровни ядерных сил и их планирование»¹⁹. Таким образом, не исключается пересмотр и договорных уровней. Но структура старой СЯС полностью сохраняется, и, более того, Вашингтон не намерен спускаться ниже уровня 2200 ядерных боезарядов (плюс примерно 1500 резервных)²⁰. Уже идет работа по разработке новой МБР, которая с 2018 г. должна заменять *Минитмен-3*²¹. Наличие таких планов не может быть объяснено никакими иными стратегическими задачами, кроме намерения сохранить мощный кулак ядерного сдерживания России. Спад в отношениях США с Россией, име-

¹⁸ Nuclear Posture Review (in-depth coverage). Submitted to Congress on 31 December 2001.

¹⁹ Nuclear Posture Review (in-depth coverage). Submitted to Congress on 31 December 2001; Дворкин В., Каменнов П., Кириченко Э., Пырьев В., Ярославцев С. Ядерная политика «большой пятерки». В кн.: А. Арбатов, В. Дворкин (ред.) Ядерное оружие после «холодной войны». М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 61–62.

²⁰ Дворкин В., Каменнов П., Кириченко Э., Пырьев В., Ярославцев С. Указ. соч.

²¹ SIPRI Yearbook 2006. Op. cit. P. 642.

ющий место в последнее время, явно укрепляет такие задумки, и даже возможный приход к власти президента-демократа, по всей вероятности, не изменит эту постоянную составляющую американской политики.

В стадии обсуждения находятся проекты таких ядерных систем оружия, как высокоточные ядерные боеголовки мощностью около 10 т (так называемые *микро-ньюки*) для поражения высокопрочных объектов глубокого заложения; ядерные боеголовки мощностью около 1000 т для использования на поле боя; ядерные боеголовки для противоракет системы ПРО мощностью примерно 100 т и некоторые другие новые типы ядерных вооружений²². Планируется все тот же *Минитмен-3* переоснастить боеголовками *W-87* и на БРПЛ *Трайидент-2* сохранить боеголовки *W-88*, которые предназначены исключительно для быстрого поражения высокозащищенных целей: шахтных пусковых установок МБР, районов размещения мобильных МБР и подземных пунктов управления войсками. Ни для кого не секрет, что перечисленные цели составляют основу ядерной инфраструктуры только в России. Известные противники этих планов, сенаторы-демократы Эдвард Кеннеди и Дэйвн Файнстайн, высказались по этому поводу с предельной ясностью: «Новое направление администрации в области ядерного оружия угрожает подорвать всю архитектуру контроля над ядерными вооружениями, которая с таким трудом создавалась последние полстолетия. [...] Было бы неправильно добавлять еще одну опасность, относясь к ядерному оружию как просто к еще одному виду вооружений в арсенале»²³. Остается надеяться, что уважаемые сенаторы сейчас, когда Конгресс США попал в руки Демократической партии США, останутся верны своей линии, что открыло бы возможность сотрудничества с ними или по крайней мере предоставило возможность отказа США от наиболее одиозных замыслов. У России есть хороший шанс предложить иное видение ядерного будущего.

На встрече с министром обороны РФ С.Б. Ивановым на Аляске в августе 2006 г. Дональд Рамсфелд заявил: «США рассматривают возможность снять с нескольких МБР ядерные боеголовки

²² Дворкин В., Каменнов П., Кириченко Э., Пырьев В., Ярославцев С. Указ. соч. С. 60.

²³ Дьяков А.С., Мясников Е.В. Высокоточные ракеты заменяют ядерные // Независимое военное обозрение. 2000. 4 фев.

и заменить их на обычные, и будут рады, если Россия поддержит американскую инициативу»²⁴. В ВВС США считают возможным при сравнительно небольших затратах развернуть несколько десятков МБР с неядерными боеголовками в течение двух лет²⁵. Становится очевидным, что под предлогом крайней необходимости борьбы с международным терроризмом России предлагают пойти по пути введения в практику боевого планирования высокоэффективных неядерных ударных средств различного базирования, причем в ряде случаев в обход положений СНВ-1. Об этом свидетельствует программа переоборудования нескольких ПЛАРБ²⁶. В США уже существуют такие проекты, как «Минотавр-2» и «Минотавр-3», где увеличения поражающего неядерного оснащения МБР и БРПЛ намечено добиваться за счет применения более энергоемких взрывчатых веществ и некоторых других технологий. Похоже, что цель этого – наращивание контрсиловых возможностей.

Предложенное Дональдом Рамсфелдом переоснащение некоторой части МБР и БРПЛ в неядерные, по-видимому, рассматривается в Вашингтоне как возможность вывести их за пределы существующих ныне соглашений. Понимая зыбкость своей аргументации и отсутствие необходимого уровня транспарентности, что не позволяет определить, с какой боеголовкой ракета запущена, обсуждается идея менее конфронтационной проблемы – «ложной идентификации неядерного удара». Американские специалисты рассуждают так, как если бы этот вопрос уже был предрешен, и даже предлагают раздельное размещение МБР с неядерным оснащением, в частности, размещение на базах в Калифорнии и Флориде. Американцам, по их стратегическим замыслам, судя по всему, выгодна такая амбивалентность, и им необходимо хотя бы молчаливое согласие России на такое развитие структуры СЯС. Проблема сама по себе от нас теперь никуда не уйдет, и дело здесь не столько в аспекте «идентификации»,

²⁴ Белоус В. Странные предложения Дональда Рамсфелда // Независимое военное обозрение. 2006. 15 сент.

²⁵ Дьяков А.С., Мясников Е.В., Соков Н.Н. Процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними в российско-американских отношениях: состояние и перспективы // Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный, 2006.

²⁶ Там же.

сколько в обеспечении стратегической стабильности, что обе стороны традиционно торжественно декларируют. А реально это достижимо за счет повышения предсказуемости действий сторон и при постоянном устранении стимулов для нанесения первого удара. Как бы то ни было, проблема поставлена. Наверное, следует использовать ее для активизации переговоров с США относительно будущего стратегических вооружений, от которых наши партнеры упорно уходят.

Высокоточное оружие вытесняет ядерное?

Крупный российский ученый и конструктор, генеральный директор Государственного научного центра авиационных систем академик РАН Е.А.Федосов как-то писал: «...Основные вехи XXI века – глобализм экономики, постиндустриальная информационная цивилизация и возросший терроризм – совершенно не совместимы с ядерной парадигмой в системах вооружений. Глобальная экономика по своей логике не должна допускать применения ядерного оружия»²⁷. Военные столкновения, которые мы наблюдали в последние десять лет, свидетельствуют о **зарождении войн нового типа**.

Стерлось понятие *фронт*, который на Балканах, в Афганистане и Ираке фактически отсутствовал. Появилось понятие *бесконтактных боевых действий*. В качестве основного оружия использовались ВТО (как правило, крылатые ракеты в широком операционном наборе), а также умные управляемые бомбы и такие новые средства разведки, целеуказания и доставки, как беспилотные летательные аппараты (БЛА). Сухопутные силы применялись только после полного разгрома противника для удержания и *зачистки* территории и ликвидации оставшихся отдельных очагов сопротивления. Все это не требует прибегать к ядерному оружию, хотя и ведутся разговоры о крайней необходимости мини-ядерных средств для уничтожения особо защищенных объектов или спрятанных в глубоких пещерах террористических структур.

По мнению Е.А. Федосова, страны с высокоразвитой экономикой, имеющие уязвимую инфраструктуру, находятся под возрастающим давлением общественных настроений в пользу

²⁷ Российское военное обозрение. 2004. № 5. С. 6–7.

запрета, наравне с химическим и бактериологическим, и абсолютного оружия – ядерного. 8 января 2007 г., явно откликаясь на эти настроения, такие видные в прошлом государственные деятели, как Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэм Нанн, которые приложили ранее немало усилий для обоснования незаменимости ядерного оружия, выступили в газете *Wall Street Journal* с предложением о постепенном отказе от ядерного оружия в духе развенчания ореола могущественности, который ему сопутствует. Это, в принципе, не ново. В 1999 г. *ядерный ястреб* Пол Нитце также выступил с идеей отказа от ядерного оружия. Такое прозрение в политическом лексиконе США известно как *синдром отставных политиков и генералов*. Характерно, что многие действующие сотрудники Госдепартамента, даже занимающиеся разоружением, о статье четырех отставников даже не слышали. В то же время мы видим и противоположную долгосрочную тенденцию: в США принята программа «Комплекс 2030», которая предусматривает глубокую модернизацию восьми ключевых объектов американского оружейного ядерного комплекса и по крайней мере семи ныне принятых на вооружение ядерных боеголовок.

В борьбе вышеперечисленных тенденций, по всей вероятности, и пройдет первая половина XXI в.

В случае технологического отставания России в разработке и строительстве ВТО (как оборонительных, так и наступательных), для нас могут возникнуть новые серьезные риски и угрозы. Для российских вооруженных сил приоритетной задачей в обозримом будущем должен стать переход на смешанную ядерную и неядерную парадигму развития вооружений (прежде всего, сокращение отставания от США и стран НАТО обеспечивается оснащением и концептуальной проработкой принципов использования ВТО сухопутными силами, ВВС и ВМФ в боевых действиях). Все это не исключает также и попыток в договорно-правовом поле *найти управу* на США и другие западные страны в плане пределов применения ВТО.

В современных условиях по-другому просматривается роль тактического ядерного оружия (ТЯО), которое в американских концепциях теряет свое значение²⁸. Выдвигаются некоторые

²⁸ Sokov N. Op. cit.

идеи относительно того, что будто бы есть основания к выработке нового международного соглашения, которое охватывало бы все боеголовки и носители – как стратегического, так и тактического предназначения. Вряд ли в обозримом будущем переговоры о таком соглашении станут реальностью. А вот подключение к переговорам о сокращении ядерного оружия всех ядерных держав давно назрело.

В повестке дня – космос

Все большую озабоченность вызывает ситуация, складывающаяся вокруг космического пространства. В 2007 г. отмечаются памятные даты: 150 лет со дня рождения К.Э. Циолковского; 100 лет со дня рождения С.П. Королева; 50 лет со дня запуска первого искусственного спутника Земли и сорокалетие со дня подписания Договора, регулирующего деятельность государств в открытом космосе (вступил в действие 10 октября 1967 г.). Как известно, данный Договор запрещает выводить в космос ядерное оружие и другие виды ОМУ, создание на космических сооружениях военных баз и объектов, проведение военных маневров в космическом пространстве. Однако в последнее время проблема вывода оружия в космос вновь выходит на передний план, поскольку имеющееся соглашение не полностью перекрывает путь для вывода в космос оружия на новых физических принципах. Военно-технические же достижения в области лазерной техники и электроники вплотную приближают некоторые страны к тому, чтобы получить военное превосходство над всеми в космосе, особенно в контексте противоракетной обороны.

Россия ранее заявляла о своей готовности официально объявить о том, что она не будет первой, кто выведет оружие в космос. Наши партнеры, прежде всего американские, не откликнулись. Более того, 18 октября 2006 г. Вашингтон обнародовал подписанный президентом США еще 31 августа 2006 г. документ о новой национальной политике в космосе. Этот документ заменяет президентскую директиву NSC-49/NSTC-8 от 14 сентября 1996 г. Анализируя этот документ, не могу не прийти к выводу о том, что США, действуя в одностороннем порядке, предпринимают попытку обеспечить себе абсолютную свободу действий в космосе в своих национальных интересах. Декларируется отказ

от выработки новых правовых норм запретительного или ограничительного характера. Провозглашается намерение Вашингтона не допускать использования другими странами космических средств, *враждебных* для национальных интересов США. Право определения *враждебности*, естественно, полностью остается за США. Более того, Министерству обороны США ставится задача разработки механизмов по недопущению свободы действий в космосе возможных противников. В общем, новая космическая политика США открыто провозглашает долгосрочную доктрину завоевания господства в космосе. В этой новой доктрине прямо не говорится о возможности размещения оружия, в том числе ядерного, в космосе. Однако задача, поставленная перед Пентагоном, – использовать космический потенциал для обеспечения многоэшелонированной интегрированной системы ПРО – отлично вписывается в задачи *новой триады*, и одно это уже требует проведения дискуссии с США о правомерности такого подхода.

10 февраля 2007 г., выступая в Мюнхене на международной конференции по безопасности, президент России В.В. Путин высказал убеждение, что попытка милитаризации космоса может спровоцировать непредсказуемые для международного сообщества последствия – не меньшие, чем начало ядерной эры. Президент РФ сообщил, что Москва подготовила проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве и разошлет его всем партнерам в качестве официального предложения²⁹. Наступает так называемый *момент истины*. Начнется ли серьезная международная дискуссия?

Насколько в нынешних условиях реально начало такой дискуссии? В доктрине имеются положения, где говорится о приверженности США идее исследования и использования космоса всеми странами в мирных целях, о поддержке взаимовыгодного международного сотрудничества. Похоже, США не закрывают окончательно путь для обсуждения некоторых аспектов правового регулирования космической деятельности.

²⁹ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10 февраля 2007 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 22.12.2022).

В то время как администрация США заявляет о своей оппозиции разработке новых правовых инструментов по предотвращению дальнейшей милитаризации космоса, для России целесообразно наращивать усилия по сохранению космоса свободным от новых видов оружия, по разработке мер, способствующих обеспечению предсказуемости стратегической ситуации в космосе. Союзников у нас здесь будет достаточно.

Следует иметь в виду, что в подходах США к проблемам космоса, как и на других направлениях разоруженческого процесса, просматривается уже знакомая линия. Во-первых, американцы, как правило, являются инициаторами открытия новых направлений гонки вооружений. Во-вторых, нескрываемой целью США является намерение добиться максимального военного превосходства и попытаться закрепить его на возможно долгий период. В-третьих, прослеживается постоянное уклонение если не от самого переговорного процесса, то от любых обязательств, которые могли бы связать им свободу руки ограничить маневр. Наконец, в-четвертых, США стремятся вывести военно-технические достижения, а также свои арсеналы наиболее продвинутых средств разрушения из-под международного и двухстороннего контроля.

11 января 2007 г. КНР неожиданно для всех провела испытание противоспутникового оружия. На высоте более 800 км в космосе ракетой *Кайтуочже-2* был уничтожен спутник *Фен Юнь 1С*, который был запущен в 1999 г. При всей противоречивости в оценке технических и правовых аспектов произведенного китайцами испытания, совершенно очевидно одно – китайцы послали миру недвусмысленный сигнал, что они не намерены отдавать космос на откуп американцам и готовы бороться за его использование в интересах своей национальной безопасности. Для России в этой ситуации есть свой сигнал. Надо четко определяться и обеспечивать свои интересы, а параллельно формировать общественное мнение в пользу идеи мирного использования космоса.

Без доверия, без необратимости

Нынешняя администрация в Вашингтоне пришла в разоружение с лозунгом о том, что время юридически обязывающих договоров прошло, надо больше *налегать* на меры доверия и т.п. Времена

президента Рональда Рейгана запомнились его знаменитым выражением «Доверяй, но проверяй», теперь же эта присказка трансформировалась в формулу «Мы настаиваем на том, чтобы по полной проверять вас, но вам следует отказаться от претензий на такие проверки в отношении нас».

Проблема заключается в том, что Россия и другие страны все меньше доверяют США. А ситуация между тем приближается к критической фазе. Учитывая, что в 2009 г. истечет срок действия СНВ-1 с его тщательно разработанной системой взаимного обмена информацией и контроля над выполнением, президент России В.В. Путин еще перед саммитом «Большой восьмерки» в Стрельне в 2006 г. призвал американских партнеров начать диалог о замене этого ключевого Договора соответствующими договоренностями. Настал 2007 г., а дело почти не тронулось с места. Возникают сомнения: а способна ли администрация Буша, окончательно ставшая *хромой уткой* после ноябрьских выборов 2006 г., на конструктивные достижения в области разоружения?

С администрацией Джорджа Буша-мл. Россия имеет пока только одно крупное достижение в сфере контроля над стратегическими вооружениями: Договор СНП 2002 г., выполнение которого приведет к демонтажу дополнительно тысяч ядерных боеголовок. Но и этот Договор завершится достаточно скоро – в 2012 г. Высокую оценку этому соглашению от имени мирового сообщества дал Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который, однако, не преминул напомнить о том, что «США и Россия должны сделать еще больше и заключить соглашения о контроле над вооружениями, которые влекут за собой не только демонтаж, но и **необратимость** [выделено мной. – Авт.]»³⁰.

Последнее имеет принципиальное значение. В Договоре о СНП по причине неуступчивости США нерешенной осталась проблема «возвратного потенциала», т.е. проще говоря, большое количество боеголовок снимается, но не уничтожается, а просто складывается. В случае необходимости они могут быть возвращены в строй. В середине 1990-х гг. заместитель Генерального секретаря ООН Джаянта Дханапала продвигал концепцию

³⁰ При большей свободе: к развитию безопасности и правам человека для всех. Доклад Генерального секретаря ООН (A/59/2005). Мар. 21. 2005. С. 37.

decoupling – т.е. отстыковку боеголовок от боевых носителей и хранение их отдельно – очень похожую на концепцию СНП. Однако уже тогда многие специалисты выражали сомнение в том, что реализация этой идеи явится эффективной разоруженческой мерой.

Говорилось, что это, скорее, мера доверия. Экспертам было ясно, что сама конструкция соглашения уязвима, открыта для злоупотреблений. В этих условиях призыв «Проверяй!» крайне актуален в отношении действий именно США, которые рассчитывают иметь до 1500 ядерных боеголовок в так называемом *резерве*³¹. В подходах США и России возникает определенная асимметрия.

На эту мысль наталкивают и выявившиеся теперь достаточно отчетливо последствия разрушения Договора по ПРО администрацией Джорджа Буша-мл. Появление проектов создания в Европе, в непосредственной близости от территории России, так называемого третьего позиционного района по развертыванию эшелонированной системы ПРО – якобы против иранских ракет, явилось на самом деле шагом, давно продуманным. Дело тут не только и не столько в иранской угрозе, сколько в планах США заполучить еще один рычаг давления не только на Россию, но и на своих европейских союзников.

Ядерные испытания

Россия вовлечена в стратегические отношения с США в разных форматах. Это огромные по своему объему отношения на двухсторонней основе и взаимодействие в рамках многосторонних переговоров. В этом контексте есть две особенно болевые точки: ратификация ДВЗЯИ и вопрос Протокола о контроле за выполнением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) и токсинного оружия и его уничтожения (КБТО).

В случае с ДВЗЯИ, полагаясь на свое огромное финансовое и технологическое превосходство, США поначалу рассчитывали *задушить* своих партнеров по ядерному клубу – прежде всего Россию и Китай – посредством цепких объятий ДВЗЯИ. Респуб-

³¹ Владыкин О. Просчитались и расстреляли // Московские новости. 2007. 2 фев.

ликанцы по наследству восприняли эту линию от демократов. Расчет строился и в определенной степени продолжает строиться сейчас на том, что в условиях действия моратория на проведение ядерных испытаний (с 1992 г. моратория по ДВЗЯИ и более длительного одностороннего моратория СССР) скорость деградации ядерно-оружейного комплекса РФ резко возрастет и за годы действия ДВЗЯИ окончательно закрепится большое ядерное преимущество США.

Да, у России по ряду показателей ядерные боезаряды уступают американским сверхсовершенным боеприпасам. Но именно в силу менее «напряженной конструкции» наши специалисты заложили более высокие запасы надежности в условиях неопределенности по параметрам старения. Это окупало себя много лет спустя, хотя этот вопрос должен постоянно находиться под самым бдительным наблюдением наших военных ядерщиков. А что же американцы? Несмотря на все ухищрения и вылизанность до предела, конструкции американского ядерного боезаряда оказались сверхкапризными и чрезвычайно чувствительными к эффекту старения. Как следует из анализа намерений американцев, выраженных в программе RRW (*Reliable Replacement Warhead*) – иными словами, программы надежной замены боеголовок, – именно у них обострилась проблема гарантированной надежности боезарядов. В программе RRW заявляется, что цель будет достигнута без ядерных испытаний. Удастся ли это сделать – большой вопрос. По крайней мере, неудачные пока попытки нынешней администрации добиться от Конгресса США сократить срок готовности Невадского ядерного полигона к испытаниям с 36 месяцев до 18 месяцев³² вызывают подозрения. США стали заложниками своей предыдущей политики и будут всячески искать варианты для возобновления проверки надежности ядерных вооружений при минимальных политических издержках для себя. И в этом смысле следует также ожидать усиления целенаправленных попыток вновь увести дело в сторону «гонки научно-технических возможностей». Уже тратятся огромные средства на компьютерное моделирование и оснащение полигонов для безвзрывных испытаний. Тем не менее в этом вопросе нас могут подстерегать большие неожиданности, исходящие от США.

³² Sokov N. Op. cit.

В отличие от США, делающих ставку на превентивный разоружающий удар (*preemptive as well as preventive*), Россия планирует применять ядерное оружие только в ответ на агрессию, и нам нужны более мощные боеприпасы. Не имея избытка в носителях ядерного оружия, мы крайне нуждаемся в том, чтобы сохранить существующий арсенал в требуемых (это не означает несокращаемых) количественных параметрах. Это также залог нашего успешного ядерного сдерживания. Это, как писал великий Ломоносов в своем письме графу Шувалову 1 ноября 1761 г., «задача сохранения военного искусства во времена долговременного мира»³³.

Новые театры военных действий

Нынешняя правящая группа республиканской партии США активно проводит концепцию «революции в военном деле» (*Revolution in Military Affairs*), начатой еще при Билле Клинтоне. Суть ее в том, что вооруженные силы США через перевод военной машины на новые военные технологии должны быть оптимизированы таким образом, чтобы американское руководство могло проецировать американскую мощь глобально, в любую точку мира. Естественно, потребовалось политическое обрамление этих устремлений, выразившееся в появлении концепции «революции в стратегических подходах» (*Revolution in Strategic Affairs*). Но администрация Джорджа Буша-мл. значительно расширила содержание планов предшественника.

В контексте этой революции появились принципиально новые театры применения вооруженных сил США. Удивительно, но большая часть новых театров оказалась на территории стран СНГ – Кавказ, Центральная Азия и др. Развитие этих концепций на практике должно стать предметом пристального внимания российского руководства. К примеру, зачем нам нужно создание по американскому сценарию так называемой *Каспийской стражи* (*Caspian Guard*), естественно, при ключевом участии вооруженных сил Соединенных Штатов – страны ни географически, ни политически не принадлежащей к региону. Ведь Россия уже сделала предложение о создании «Сил по поддержанию безопасности на Каспии» (*CASPFOR*). Зачем конкурировать?

³³ Ломоносов М.В. Сочинения. М.: Современник, 1987. С. 253.

Нужен ли ДОВСЕ?

В контексте многосторонней дипломатии и переговорного процесса крупным достижением стало заключение в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). При заключении ДОВСЕ высказывались надежды, что мы на пути к укреплению европейской безопасности и стабильности. Поначалу так и было. За 16 лет все страны – участницы Договора, прежде всего Россия, ликвидировали в общей сложности 63 500 единиц тяжелых вооружений, одновременно количество людей в военной форме уменьшилось более чем в два раза – до 3 млн человек. ДОВСЕ все еще является ключевым элементом в системе отношений НАТО и России, но постепенно ощутимо теряет свою актуальность и логику.

Прежде всего, в силу кардинально изменившихся политических и военно-стратегических условий в Европе такое спорное положение, как фланговые ограничения в пределах национальной территории, которые сейчас действуют только в отношении России и частично в отношении Украины, по-моему, полностью потеряли смысл. В свое время они очень мешали России в проведении контртеррористических операций на Северном Кавказе. Мне, участнику разработки мандата по переговорам ДОВСЕ, хорошо известно, как Россия пошла навстречу Западу, прежде всего Турции, при определении прохождения границы так называемой *зоны исключения* на территории Турции в Малой Азии, где, по словам турецких военных, они проводили контртеррористическую операцию против мятежных *горных турок* (на самом деле курдов). Запад же не пошел России навстречу на Северном Кавказе, пока не запахло порохом в США и Европе.

Нам и сейчас постоянно напоминают о так называемом *полном выполнении* Стамбульских обязательств и поэтому много лет блокируют ратификацию адаптированного ДОВСЕ. Отсюда возникают два вопроса. Первый – а есть ли единое понимание, прежде всего на Западе, что такое *полное выполнение* Стамбульских обязательств? И второй: на мой взгляд, существующий вариант адаптированного ДОВСЕ за эти годы настолько устарел, что его надо заново адаптировать, учитывая в нем и ликвидацию той *серой зоны*, которая возникла с вступлением трех прибалтий-

ских государств в НАТО, и последствия последнего расширения НАТО, в результате которого государства, входящие теперь в западный блок, используют квоты вооружений, которые они ранее приобрели как участники, в него не входящие.

Мне, активному участнику переговоров, прекрасно помнится один из примечательных аргументов НАТО в пользу как можно больших сокращений тогда еще советских вооружений и весьма специфической географической структуры размещения вооруженных сил по территории СССР (России). Мы спрашивали натовцев, зачем им эти сложности и неужели они думают, что мы на них собираемся нападать. На что они совершенно спокойно отвечали: нет, мы уверены, что вы не собираетесь на нас нападать, но вы имеете такие военные возможности (*military capabilities*), выдвинутые в чувствительные натовские регионы, что кроме количественных ограничений необходимы и географические пределы уровней войск. М.С. Горбачев решил пойти навстречу пожеланиям западных партнеров в расчете на их, казалось бы, искренние заверения о дружбе и сотрудничестве вплоть до заверений, что у них-де и в мыслях нет планов расширения НАТО. Что из этого вышло, мы все теперь знаем. Пора бы Западу продемонстрировать на практике свой здравый смысл и сделать ответные шаги.

С тех пор утекло много воды. Россия пережила длительный период ослабления, который наши партнеры использовали максимально в своих интересах. Настало время сказать нашим натовским партнерам те же слова, с какими они обращались в свое время к нам: **«Возможно, вы и не собираетесь на нас нападать, но ваши *military capabilities*, а, главное, их размещение по периметру российских границ вызывают у нас откровенные подозрения; и даже сотрудничество в рамках Совета Россия–НАТО никоим образом не снимает все наши озабоченности».**

Как человеку, причастному к разработке ДОВСЕ, мне особенно грустно осознавать, что в том виде, в каком он сохранился, в настоящее время ДОВСЕ не отвечает потребностям обеспечения равной безопасности для всех стран европейского континента, а тем более не отвечает в должной мере интересам обеспечения безопасности России. Но отказаться от устаревшего, но очень важного документа, не предложив ничего взамен, проще всего. Будет более правильным и понятным, если Россия

выступит с развернутым видением обеспечения безопасности Европы на нынешнем и последующих этапах с учетом новых реалий, с видением, включающим и современные идеи обеспечения баланса интересов всех стран. Более 100 лет назад один из первых российских геополитиков А. Вандам (генерал-майор императорского генштаба А.Е. Едрихин) дал интересную рекомендацию: «В Европе [...] нам никоим образом не следует класть голову на подушку соглашений с такими народами, искусство борьбы за жизнь которых много выше нашего, а нужно рассчитывать лишь на самих себя»³⁴. По-видимому, это наблюдение царского генерала и русского патриота становится особенно верным сейчас, когда на Западе все чаще звучат заявления о том, что энергетические богатства России должны принадлежать всему миру (читай – Западу).

* * *

Администрация Джорджа Буша-мл. и администрация В.В. Путина вступают в президентские избирательные циклы в своих странах. Действующие сейчас главы двух государств, судя по всему, не успевают решить все накопившиеся проблемы в области контроля над вооружениями. Но мы вправе ожидать, чтобы они **приступили хотя бы к созданию задела для своих преемников** ради продолжения важной для всего мира работы по укреплению безопасности и стратегической стабильности, прежде всего в ядерной сфере. Чувствуется, что Россия в принципе готова к этому. А наши американские партнеры?

Карл фон Клаузевиц писал: «Главная ошибка людей состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше, чем бед завтрашних». Это означает только одно: надо учиться упреждать последствия появления новых опасных военных технологий и классов оружия путем своевременных политических и юридических шагов. В противном случае нас снова ждет долгая и изматывающая гонка вооружений и возникновение тяжелых кризисов и противостояний.

³⁴ Вандам А. Наше положение. В кн.: Неуслышанные пророки грядущих войн. М.: АСТ, Астрель, 2004. С. 138.

«Ядерное оружие практически исчерпало себя как политическое средство»¹ (2012)

В первом номере журнала «Ядерный Контроль» мы публиковали интервью «Девять вопросов о ядерном нераспространении» с Геннадием Евстафьевым², в то время начальником Управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ Службы внешней разведки России. Была осень 1994 г. Мы говорили о ключевых проблемах режима нераспространения, о сложностях, с которыми сталкивается Россия в сфере ядерной безопасности, о будущем режима.

Заместитель главного редактора журнала «Индекс Безопасности» Ирина Миронова вновь задала Геннадию Михайловичу эти вопросы. Что изменилось за 18 лет?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: «Мировое сообщество более активно ищет пути укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), запрещения подземных ядерных взрывов, выработки привлекательных стимулов, для того чтобы отвратить некоторые страны от приобретения военного ядерного потенциала. [...] Сама тенденция в военном ядерном нераспространении противоречива», – так Вы говорили, с одной стороны, оптимистично, но в то же время с определенной долей волнения в 1994 г., оценивая будущее режима нераспространения. Реализовались ли позитивные ожидания? Если говорить о проблемах нераспространения в общем, что изменилось за 18 лет? Какие новые события произошли в нераспространении, изменили ли они кардинально и принципиально картину?»

¹ Впервые опубликовано: *Индекс Безопасности*. 2012. № 1 (100). Т. 18. С. 31–36.

² См.: *Ядерный Контроль*. 1995. № 1 (1). С. 12–15

ЕВСТАФЬЕВ: Это были насыщенные годы, в ходе которых происходил интенсивный обмен мнениями между участниками процесса нераспространения. В ряде случаев обмен был непростым и иногда даже вызывал отторжение. Но в течение этого периода были все-таки нащупаны главные точки соприкосновения различных государств в этой области.

Одним из главных итогов этого этапа стало принятие решения о бессрочном продлении ДНЯО в ходе Обзорной конференции в 1995 г. Были разные точки зрения, честно говоря, отношусь к тем, кто, как Р.М. Тимербаев³, выступали за продление Договора на 25 лет, чтобы в дальнейшем была возможность оценить его работу. Но большинство склонилось к другой точке зрения. Переговоры в Нью-Йорке были очень непростыми, но нам все же удалось достичь согласия по вопросу продления ДНЯО.

Второе достижение – это понимание того, что проблема нераспространения ядерного оружия – невыдуманная, сложная, трагивающая все государства, и поэтому она требует международного сотрудничества по самому широкому спектру вопросов. И надо сказать, что государствам с очень разными позициями удалось все-таки нащупать точки соприкосновения. Было запущено несколько инициатив, и это в значительной степени улучшило ситуацию в сфере нераспространения.

В 1990-е гг. вопросы нераспространения действительно находились в центре внимания мирового сообщества. В результате – и это *третий важный аспект* – не появились те 20–25 новых ядерных государств, о которых очень много говорили и появления

³ Ведущий специалист в области нераспространения и контроля над ядерными вооружениями, известный прежде всего как один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия – краеугольного камня режима нераспространения. В 1988–1992 гг. – постоянный представитель СССР и России при международных организациях в Вене. Принимал активное участие в выработке ключевых международных соглашений в ядерной области, включая Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях и ряд других. Р.М. Тимербаев – один из создателей ПИР-Центра, в 1994–2010 гг. – председатель Совета ПИР-Центра, в 1994–2004 гг. – член редакционной коллегии журнала «Индекс Безопасности». В серии «ПИР-Библиотека» в 2023 г. выйдет в свет «Избранное» Р.М. Тимербаева. – *Прим. ред.*

которых опасались в середине 1990-х гг. К такому результату привело взаимное понимание и уважение позиций, понимание того, что это опасно для мира.

В 1991 г. Южная Африка подписала ДНЯО и отказалась от ядерного оружия. Шесть боеголовок, которые у них были, они разобрали по собственной инициативе под международным контролем. Кроме того, в 2003 г. от ОМУ – в том числе от программы по созданию ядерного оружия – отказалась Ливия, вышедшая в результате из числа стран, нарушающих режим нераспространения.

Очень важно, что удалось раскрыть схемы торговли ядерными материалами и оборудованием. И один факт ликвидации организации Абдул Кадыр Хана в октябре 2003 г., организации, которая была, пожалуй, самой крупной в этом отношении, – это огромное достижение международного сообщества. Этот процесс затронул не только Абдул Кадыр Хана, но и целый ряд других людей, которые злостно нарушали документацию и правила торговли материалами данного назначения.

Другим значительным достижением этого периода стало принятие в 1997 г. дополнительного протокола к соглашению о гарантиях МАГАТЭ. Протокол открывает широкие возможности для проведения инспекций, чего раньше не было. Например, в отношении того же Ирана (который его пока даже не ратифицировал) было проведено около 3 тыс. контрольных проверок, поездок, посещений.

В части продвижения идеи нераспространения активно работали неправительственные организации (НПО), исследовательские центры, которые внесли свой значительный вклад в понимание проблемы, в выяснение деталей, в поиск приемлемых, компромиссных решений.

Конечно, удержать распространение в рамках того, на что надеялись, к сожалению, не удалось. Все-таки Индия и Пакистан испытали ядерное оружие в 1998 г. Северная Корея провела два испытания ядерных устройств – в 2006 и 2009 гг. Израиль обладает ядерным оружием, хотя и не признает этого официально.

Нужно обязательно помнить о том, что, к сожалению, ДНЯО так и не стал универсальным документом. А для успешной борьбы с распространением ядерного оружия ДНЯО имеет очень большое значение.

Поэтому период последних 15–17 лет считаю непростым, достаточно противоречивым, но я бы сказал, что все-таки он завершается с большим знаком плюс.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль в этом процессе сыграла Россия?

ЕВСТАФЬЕВ: Россия в сфере нераспространения ОМУ все время играла активную и, я бы сказал, наступательную роль. Предложения России о проведении важных диалогов и переговоров на виду и сейчас. К примеру, формат обсуждения северокорейской проблемы – *шестерка* – был предложен Россией. Благодаря усилиям России начался диалог, который важно сохранять.

То же самое с Ираном. С одной стороны, Россия инициировала переговорный процесс по иранской ядерной программе, а с другой – ее важная роль также заключается в том, что она не допускает резких движений со стороны некоторых государств, которые очень хотели бы пойти по пути силовых решений, по пути жестких резолюций. Поэтому роль России здесь нельзя недооценивать. Роль России в этих вопросах ключевая.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Перейдем к конкретным проблемным точкам. Первая из них – ситуация на Корейском полуострове, которая и в середине 1990-х гг. «продолжала оставаться острой». В 2006 и 2009 гг. были проведены ядерные испытания. На первый взгляд, ситуация остается напряженной, но при этом в какой-то степени предсказуемой. Какие, с Вашей точки зрения, проблемы в будущем могут возникнуть в связи со сменой лидера в КНДР? Чего ожидать от ситуации на полуострове?

ЕВСТАФЬЕВ: На ситуацию в КНДР в последние 20 лет серьезное влияние оказывали внешние факторы. Существовала напряженность на самом Корейском полуострове. Присутствие американских ядерных сил в Южной Корее, конечно, вызывало большие опасения. Изменение политической ситуации после развала Советского Союза привело северокорейских лидеров к выводу, что им нужно полностью опираться в оборонных вопросах на самих себя. У них возникли сомнения в том, что Китай и Россия в случае конфликта будут их защищать. Поэтому они и работали над этим абсолютным оружием, которое, по их мне-

нию, гарантирует неприкосновенность режима и неприкосновенность национальной территории.

Началось это довольно давно. Исследования в ядерной сфере, и прежде всего в военной сфере, в Северной Корее велись очень много лет. Страна обладает ограниченными ресурсами, поэтому они развивались очень медленно. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. Северной Кореей было принято решение о создании ядерного оружия. Они избрали плутониевый путь. Возможности, хоть и небольшие (пятимегаваттный реактор), имелись. Северокорейцы занимались переработкой топлива, отходов, которые появились в результате работы этого реактора. До 1993 г. МАГАТЭ контролировало многие процессы, но потом, когда дело подошло уже к самому-самому, северные корейцы прогнали МАГАТЭ со своих ядерных объектов, поэтому дальнейшие работы велись во многом бесконтрольно.

Был ли у КНДР альтернативный путь? Служба внешней разведки (СВР) России утверждала, что альтернативный путь был. СВР упрекали в том, что она неправильно оценивала наличие у Северной Кореи других путей – в частности, выводы СВР оспаривались в книге под редакцией А.Г. Арбатова «Ядерное нераспространение»⁴, а также в статье одного из ведущих экспертов по ядерной программе КНДР А.В. Воронцова. Хотя СВР до начала 1990-х гг. не работала с детальными данными, имелась позднее подтвердившаяся информация о том, что в результате сотрудничества между Северной Кореей и Пакистаном северокорейцы получили доступ к пакистанскому опыту, а пакистанцы, как известно, работали над обогащением урана. Абдул Кадыр Хан передал в КНДР технологии обогащения урана в обмен на северокорейские ракетные разработки. Самое смешное заключалось в том, что невольным перевозчиком этих материалов стала сама Беназир Бхутто, премьер-министр Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 гг. Ее первое премьерство было связано с ее визитом в Пхеньян, где ее принимал Ким Ир Сен. И вот на прощание он ей отдал набор дискет и попросил отвезти и передать их знающим людям в Пакистане. Она не знала, что везет. После визита

⁴ У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А. Арбатова; Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2007.

в Пакистане ее встретили военные и получили от нее дискеты – плату за материалы по урановым разработкам. Северокорейцы создали пилотный проект по обогащению урана, который действует и сейчас. От Абдул Кадыр Хана они получили центрифуги и технологию обогащения. Уже потом они методом обратного инжиниринга создали на этой базе свои центрифуги и оборудовали лаборатории.

Зигмунд Хекер, американский ученый-ядерщик, уже спустя годы подтвердил, что у северных корейцев, помимо известных объектов по развитию плутониевого пути, были небольшие, но действующие пилотные проекты по обогащению урана. Они были сделаны на базе вот этих материалов Абдул Кадыр Хана. Кроме того, есть все основания предполагать, что северокорейцы приезжали в Пакистан для ознакомления с последствиями и ходом проводившихся там подземных ядерных испытаний. Им показали соляные шахты, в которых были проведены испытания, а также технику, нужную для их проведения.

Северокорейцы, будем говорить прямо, – мастера, умеющие балансировать на грани. Они постоянно нас всех ставили в неприятные, острые ситуации. Балансирование на грани хотя и не привело к печальным последствиям, вызывало обострения напряженности. Северная Корея предпринимала очень непоследовательные действия, то выходя из ДНЯО, то давая понять, что не вышла, а только объявила о выходе. В конце концов они провели два ядерных испытания (в 2006 и 2009 гг.), и можно считать, что Северная Корея – почти полноправный член ядерного клуба. А это уже совершенно по-другому расценивается и в Южной Корее, и американцами и, как это ни удивительно, создает определенные гарантии безопасности КНДР.

С другой стороны, американцы после долгих колебаний вывели свои ядерные арсеналы из Южной Кореи, и движение в сторону денуклеаризации Корейского полуострова в принципе пошло. Сейчас одна из задач заключается в том, чтобы договориться с северокорейцами таким образом, чтобы они отказались от развития военной ядерной программы. Но для этого нужны очень большие политические гарантии для режима, а также огромная экономическая помощь. Американцы, отказавшись от поддержки Организации содействия развитию атомной энергетики Корейского полуострова (КЕДО), сами нанесли сокруши-

тельный удар по перспективам развития Северной Кореи вне ядерных рамок.

Что касается нового лидера, мне кажется, что Ким Чен Ын пока не обрел должной силы и влияния, как его дедушка и отец. Но он находится в руках очень опытных и очень хитрых северо-корейских военных, которые не дадут ему совершать ошибок.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что можно сказать про новые пороговые страны? Дискуссий по этому поводу было достаточно много в середине 1990-х гг. Вы тогда отметили: «Мировое сообщество, как, пожалуй, никогда раньше, стоит перед выбором. Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военной сфере, либо в перспективе будем считать пороговые и неофициальные ядерные державы десятками». Что изменилось?

ЕВСТАФЬЕВ: Пороги – они остаются порогами. Но говорить о том, что пороги стали широко распространенными, не приходится.

В те годы очень много говорилось об Аргентине, о Бразилии. Эти страны приняли для себя определенные решения, и они перестали быть предметом озабоченности. Зато появились некоторые другие озабоченности. Прежде всего появилась проблема Ирана. В начале 1990-х гг. американцы даже не допускали мысли о том, что Иран будет заниматься ядерным оружием. Только через пару лет, где-то в 1993, 1994 гг. они начали бить тревогу «Иран! Иран! Вот-вот будет ядерная бомба!». Прошло 18 лет – а ядерной бомбы нет. Хотя Иран проделал гигантский путь в развитии ядерной программы.

Конечно, и мирные аспекты для Ирана очень важны: в Тегеране работает реактор, который производит медицинские изотопы. Этот реактор работает на аргентинском сырье, которое заканчивается. Ирану, находящемуся под всякого рода санкциями, не приходится надеяться, что Аргентина поставит еще. А в Иране около 800 тысяч людей, больных раковыми и другими болезнями, для которых вот эти изотопы, радиоизотопы, являются, может быть, единственным спасением. 800 тысяч! Даже такая проблема вызывает у страны огромную озабоченность. Поэтому им нужны определенные уровни обогащения, чтобы было ядерное топливо для работы этого реактора и для выработки радиоизотопов.

Если говорить чисто формально, Иран пока не нарушил своих обязательств по ДНЯО. Уровень обогащения по U-235 в Иране сейчас находится на уровне 20%, и это большой прогресс, это серьезная ступень. Сейчас решается важный вопрос: как поведет себя Иран. Вот появился центр обогащения в Натанзе, появился центр обогащения под Фордо, около города Кум. Как это все пойдет? Иран – вот это настоящая пороговая страна.

А напротив, через залив – другая страна, которая вроде бы не пороговая, но которая может немедленно стать пороговой. Это Саудовская Аравия, которая в случае, если Иран продвинется в создании ядерного оружия, немедленно станет не только пороговой, но и ядерной страной, и никто ее не удержит. При своих материальных возможностях они могут сделать это достаточно быстро.

Один из острейших вопросов, который сейчас нужно решить мировому сообществу, – это вопрос создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Если эта задача будет решена, тем, кто ее решит, надо будет давать Нобелевскую премию. К сожалению, пока позитивных сдвигов не происходит. Существуют крупные разногласия между Израилем и Ираном. Мне кажется, что все-таки есть один выход. Он может показаться невероятным, но, если мировое сообщество даст гарантии существования Израилю, стопроцентные, могучие гарантии, которые обеспечат существование Израиля как государства, оно может потребовать от Израиля отказа от ядерного оружия. Это, на мой взгляд, должно быть сделано таким образом: еще не созданное ядерное оружие Ирана нужно разменять на уже имеющееся ядерное оружие у Израиля при железных гарантиях Израилю со стороны всего мирового сообщества, в том числе и арабских стран, на право существования этого государства.

Если бы мы решили вопрос о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке, это компенсировало бы все разочарования и просчеты предыдущих лет.

Мир постепенно умнеет. И ему ядерное оружие надоедает. Ведь неслучайно Джордж Шульц⁵ и сотоварищи выдвинули

⁵ Джордж Шульц – американский дипломат, государственный и политический деятель, государственный секретарь США в 1982–1989 гг. Был последовательным сторонником режима контроля над ядерными вооружениями. – *Прим. ред.*

идею отказа от ядерного оружия⁶, которая была в принципе поддержана и нашими мудрецами во главе с Е.М. Примаковым⁷. Это говорит о развитии тенденции в сторону понимания того, что подходит время отказа от ядерного оружия эвентуально. Я не говорю завтра. Эвентуально. Оно себя как политическое средство практически исчерпало.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Очень часто в 1990-е гг. упоминался так называемый российский след. Как сейчас у нас обстоят дела с вопросом контроля ядерных материалов?

ЕВСТАФЬЕВ: Прежде всего мы можем фиксировать гигантские, кардинальные изменения в организации экспортного контроля в сфере ядерных материалов, то, чего не было в начале 1990-х. Тогда происходили многочисленные случаи вывоза, попыток вывоза, кражи не только оборудования, но и самих ядерных материалов. Люди, неграмотные в области ядерных материалов, думали, что они положат малообогатенный уран под сиденье и спокойно его вывезут. Это была страшная вещь. Это была полная неграмотность.

Но происходили не столько утечки материалов, сколько утечки оборудования в тот же Иран, в тот же Пакистан, в ту же Северную Корею, причем такие системы, которые трудно было достать. Это происходило не только в России. На середину 1990-х гг. в США было 300 тыс. нарушений экспортного контроля в год. Из них около 3 тыс. было связано с ядерной проблематикой. В целях контроля за тем, кто является конечным пользователем вывозимых образцов вооружений и технологий, в 1990-х гг. в США была запущена программа *Blue Lantern*. Так что экспортный контроль был проблемой не только в России.

Сейчас предпринимаются гигантские шаги по организации внутрифирменного экспортного контроля. Таможенные, пограничные службы оборудованы по последнему слову техники. В результате внимания к этой проблеме, которая тогда казалась неразрешимой и неподъемной (я тогда был членом комиссии

⁶ Shultz George P., Perry William J., Kissinger Henry A., and Nunn Sam. Toward a Nuclear-Free World // The Wall Street Journal. Jan. 15. 2008. Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB120036422673589947> (дата обращения: 22.12.2022).

⁷ См.: *Индекс Безопасности*. 2012. № 1. С. 139.

Правительства РФ по экспортному контролю), все-таки удалось организовать нормальную и эффективную работу экспортного контроля. Но нужно понимать, что экспортный контроль – это не панацея, он не может решить всех задач. Есть еще неосязаемая передача технологий, поездки ученых, специалистов, которые увозят с собой знания. У нас были и с этим большие проблемы, но все удалось решить и поставить на нужный уровень. Поэтому последние 15–17 лет характеризовались коренным прорывом в сфере экспортного контроля.

В заключение хочу снова вернуться к теме достижений в развитии режима нераспространения. То внимание, которое с конца 1980-х гг. начало уделяться проблеме нераспространения, позволило создать целую плеяду специалистов, занимающихся вопросами нераспространения ядерного оружия, развития ядерных программ, физической безопасности ядерных объектов. Сотни людей, получивших соответствующее образование, занимаются анализом происходящих событий, выявлением тенденций, генерируют идеи. Я считаю, что это ничуть не меньшее достижение, чем те, что я назвал в начале нашего разговора.

РАЗДЕЛ II

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ РОССИИ: ДУМЫ О БУДУЩЕМ

Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности¹ (2004)

Мировая цивилизация отличается постоянно возрастающей уязвимостью. Это видно по последствиям участвовавших природных и техногенных катастроф, чудовищных, небывалых по жестокости террористических актов и локальных конфликтов разной степени интенсивности с применением все более совершенных видов вооружений. Многие политики и военно-технические эксперты стали чаще говорить о возможности ядерного, химиче-

¹ Впервые опубликовано: *Ядерный Контроль*. 2005. № 2 (76). Т. 11. С. 55–65. См. также: *Павлушенко М.И., Евстафьев Г.М., Макаренко И.К.* Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // *Научные записки ПИР-Центра*. № 2 (26), 2004. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/12/nz-26.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

ского и бактериологического терроризма. Надо признать, эта возможность у так называемых «негосударственных игроков», то есть террористических и экстремистских организаций и групп, появилась только потому, что правительства многих государств рассматривали ОМУ-вооружения как универсальное средство достижения своих долгосрочных внешнеполитических целей и обеспечения национальной безопасности, создав соответствующую структуру и потенциалы, которые стали весьма уязвимы в смысле возможной утечки технологий, материалов и «неосязаемой передачи» знаний. То, что случилось в Пакистане с технологиями ядерного оружия, – конкретный пример.

Однако в последние десятилетия XX веке парадигма ОМУ стала претерпевать серьезные изменения – запрещено и уничтожается химическое и бактериологическое оружие. Все чаще ставится под сомнение ядерная парадигма, хотя до отхода от нее пройдет еще много времени. Академик Е.А. Федосов считает, что логика современного технологического развития непременно приведет в XXI веке к постепенному отходу от ядерной парадигмы XX века и к смене всей политики вооруженной борьбы². Не вызывает сейчас сомнения, что в результате непрерывной научно-технической революции стремительно меняются средства ведения войны.

Уже состоявшиеся и возможные военные конфликты XXI века все чаще называют «бесконтактными» войнами, что означает резкое повышение ставки на т.н. «интеллектуальное» оружие, характеризующееся фантастическим (по представлениям середины прошлого века) сопряжением информационно-разведывательных технологий с высокоточным оружием ближнего и дальнего боя, позволяющим сокрушать даже хорошо оснащенного противника, зачастую не входя с ним в прямое соприкосновение. Атомные электростанции, крупные топливно-энергетические объекты, химические и биологические производства и т.п. при избирательном применении высокоточного оружия (ВТО) уже стали такими целями, которые неизбежно приведут, в случае их поражения ВТО, к «неприемлемым потерям» для любого государства. В определенном смысле ВТО становится все более эффективным средством «сдерживания». И это только начало.

² Российское военное обозрение. 2004. № 5. С. 6–7.

Что такое беспилотные летательные аппараты (БЛА) и их разновидности

Среди боевых средств, все более сопрягаемых с ВТО и призванных решать многоплановые задачи в современных военных конфликтах, включая и те, которые называются «войнами малой интенсивности», в последнее время значительное развитие получили крылатые ракеты (КР) и беспилотные летательные аппараты (БЛА). По мнению многих специалистов, эти две разновидности составляют пока единый класс оружия и имеют большие перспективы для дальнейшего развития и совершенствования.

В военной литературе до сих пор практически нет согласованного определения, что такое БЛА. Зато в «Договоре между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности», подписанном в Вашингтоне 8 декабря 1987 г., была предпринята попытка определить термин «крылатая ракета». По этому Договору (см. п. 2 статьи 2) термин «крылатая ракета» означает беспилотное, оснащенное собственной двигательной установкой средство, полет которого на большей части его траектории обеспечивается за счет использования аэродинамической подъемной силы. Термин «КРНБ» означает «крылатую ракету наземного базирования», которая является средством доставки оружия. И далее (это важно для целей нашего дальнейшего обсуждения): термин «ракета средней дальности» означает баллистическую ракету (БРНБ) или (КРНБ), дальность которой превышает 1000 км, не превышает 5500 км. В свою очередь, термин «ракета меньшей дальности» означает БРНБ или КРНБ, дальность которой равна или превышает 500 км, но не превышает 1000 км. Это было почти 20 лет назад, и совершенно очевидно, что определение крылатой ракеты по нынешним меркам несколько устарело, однако в последующем, к сожалению, дополнительного развития и договорного оформления не получило. К определению БЛА как боевого средства тогда даже не подступались, поскольку это было на тот момент не актуально, хотя БЛА тогда уже лет 20 как существовали.

Главное счетное управление (ГСУ) Конгресса США – весьма влиятельный орган в американских государственных структу-

рах, также попыталось дать свои определения крылатым ракетам (КР) и БЛА. В частности, БЛА определено как «беспилотное воздушное судно, которое действует как аэроплан и может быть использовано для различных военных хозяйственных целей»³. Что касается КР, то она определена как «беспилотное воздушное судно с фюзеляжем, разработанным для одноразового использования, которое перемещается в воздушном пространстве как аэроплан, доставляя свой груз»⁴. Как мы видим, некоторые различия в определениях имеются.

За прошедшие с момента заключения Договора об РМСД годы произошла колоссальная революция в развитии компьютерных и лазерных технологий, а также в средствах радиоэлектроники и информатизации, что буквально перевернуло все системы вычислений и телекоммуникаций и навигации и открыло небывалые возможности для их применения и в военном деле. Российский специалист Н.Я. Василин дает уже более развернутое описание беспилотных аппаратов: «К управляемым без экипажа летательным аппаратам относятся дистанционно пилотируемые и автономно управляемые беспилотные летательные аппараты (БПЛА) самолетной схемы, а также автоматические космические аппараты. БЛА могут быть боевыми, ударными и разведывательными, а также использоваться в качестве мишеней одно- и многоразового применения».

Но российские определения БЛА несколько отличаются от последних американских версий. В недавнем справочнике министерства обороны США «Военные термины и определения» дается, на наш взгляд, формулировка с дальним прицелом в развернутом виде. Она выглядит следующим образом: «Беспилотный летательный аппарат (БЛА) – это летательный аппарат с силовой установкой, не имеющий на борту пилота-оператора, использующий аэродинамическую подъемную силу во время полета, способный летать автономно или с использованием дистанционного управления (ДУ), предназначенный для многократного использования и имеющий возможность нести оружие летального или нелеталь-

³ General Accounting Office. Nonproliferation: Improvements Needed to Better Control Technology Exports for Cruise Missiles and Unmanned Aerial Vehicles. GAO-04-175. Jan. 23. 2004. P. 1.

⁴ Ibid.

ного типа»⁵. В отличие от ГСУ Конгресса США, в Пентагоне не относят к одному классу категории БЛА и крылатые ракеты и артиллерийские снаряды. Как мы увидим из последующего анализа, это не случайно. На повестку дня поставлена необходимость выработки единого международного определения этого быстро развивающегося класса оружия. В более широком смысле к БЛА относятся также беспилотные авиационные самолеты (БАС) и управляемые ракеты различного назначения⁶.

В аналитических статьях встречается также термин «ДПЛА» – он означает ту разновидность БЛА, которая называется дистанционно пилотируемыми аппаратами, т.е. машинами, управляемыми оператором с наземного, воздушного или корабельного пунктов управления. Такие аппараты, как правило, большую часть своей траектории выполняют по заранее введенной программе, но оператор имеет возможность, в случае необходимости, взять управление на себя и, таким образом, снять ранее введенную задачу.

Перечисленные определения дают уже более полное представление о сферах применения БЛА. Однако они далеко не исчерпывают все многообразие этого бурно развивающегося класса летательных машин. По сообщениям американской печати, идет стремительное внедрение беспилотных аппаратов в гражданскую и хозяйственную деятельность. К 2012 г., как ожидают, в США будет в коммерческих и муниципальных службах использоваться не менее 8000 беспилотных аппаратов различных типов и назначения⁷.

Правда, российский специалист Н.В. Чистяков, проанализировав практику применения российских беспилотных аппаратов – комплекса *Строй-П* с ДПЛА *Пчела-1*, утверждает, что такие комплексы, изначально созданные как военные, неудобны и непомерно дороги для гражданских служб и перспективу могут иметь лишь новые комплексы и новые ДПЛА, специально ориентированные на гражданскую эксплуатацию и могущие составить конкуренцию пилотируемым гражданским самолетам,

⁵ Беляев В. Война в воздухе, новая угроза // Авиация и космонавтика. 2004. № 4. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Российское военное обозрение. 2004. № 10. С.19.

применяемым для аналогичных целей. С другой стороны, южнокорейские эксперты уверены, что к 2008 г. существенно расширятся сферы применения и возрастет производство гражданских БЛА и, зная технологическую и коммерческую цепкость южнокорейских деловых кругов, можно быть уверенным, что Южная Корея в ближайшие годы войдет в число ведущих стран в области БЛА, тем более что и в этой стране в 2002 г. была выработана национальная программа по БЛА для использования в военных и гражданских целях.

Совершенствование и некоторые новые тенденции в развитии беспилотных летательных аппаратов

Первоначально по сравнению с другими аппаратами авиационной техники, прежде всего пилотируемыми, военные комплексы беспилотных машин выглядели достаточно упрощенными из-за своих конструкций и использования минимально необходимого набора бортового оборудования, а также, как правило, весьма малой полезной нагрузки. В силу этого они решали ограниченный круг военных задач. Но в то же время они выгодно отличались тем, что не требовали специальных аэродромов для своего базирования поскольку запуск производится, как правило, со специальных мобильных пусковых установок, и, кроме того, обладая высокой автономностью, эти аппараты не требуют той сложной аэродромной инфраструктуры, которая уже давно стала неотъемлемой составляющей для пилотируемых машин. Более того, это преимущество беспилотников стало становиться со временем все более привлекательным – потеря любого аппарата не была связана с почти неизбежной потерей пилотов, которые сейчас являются самой ценной и одновременно самой дорогостоящей компонентой современных авиационных систем. Кроме того, при использовании БЛА не играет роли такой существенный фактор, как усталость пилота при выполнении длительных и сложных полетов.

В последнее время американские военные специалисты усиленно разрабатывают концепцию «цифрового поля боя» или, другими словами, разведывательно-ударной операции, которая сводит в единый узел разведывательные сенсорные системы, распределение добытой информации, целеуказания и системы

ударного оружия. При этом интегрированные боевые системы оперативно-тактического уровня включают в себя, прежде всего, беспилотные летательные аппараты с радиоэлектронным, тепловизионным и другим оборудованием, в том числе обеспечивающим ведение радиоэлектронной борьбы. На поле боя они позволяют действовать в режиме «реального времени».

Немаловажным обстоятельством является и то, что, если дорогостоящие и немногочисленные ДРЛО со значительным, фактически штучным, людским персоналом, так же, как и БЛА, остаются достаточно уязвимыми со стороны зенитных и авиационных средств противника, то применение против обороны противника существенно более дешевых и значительно более многочисленных БЛА, не связанных с болезненными, а зачастую политически неприемлемыми людскими потерями даже при их существенных утратах, в конечном итоге, ослабляет систему ПВО противника, делая ее менее эффективной и для подавляющего числа стран экономически непосильной. Так, в ходе агрессии НАТО против СРЮ⁸ союзниками по блоку было потеряно около 45 БЛА: 17 – США, 7 – Германией, 5 – Францией, 14 – Великобританией и др.⁹ Интересно отметить, что для общественного мнения даже эти достаточно высокие потери БЛА прошли практически незамеченными, в то время как известные потери нескольких самолетов и захват в плен их пилотов вызвали неблагоприятную политическую реакцию населения собственной страны.

Конечно, по мнению большинства специалистов, БЛА, по-видимому, не смогут полностью заменить пилотируемые аппараты на поле боя, но они являются прекрасным дополнением к ним. Беспилотники могут быть эффективно использованы для большинства миссий, связанных с т.н. «черновой работой», оставляя для пилотируемой авиации только те операции, в которых присутствие экипажа, так сказать, «у штурвала» крайне необходимо для выполнения поставленного задания. Кроме того, обучение операторов БЛА требует значительно меньше времени, чем пилотов современных самолетов.

⁸ Имеется в виду Союзная Республика Югославия, преемница Социалистической Федеративной Республики Югославия, существовавшая в 1992–2003 гг. и состоявшая из двух республик: Сербии и Черногории. – *Прим. ред.*

⁹ *Василин Н.Я.* Беспилотные летательные аппараты. Минск: Попурри, 2003. С. 13–14.

Хотя история беспилотных летательных аппаратов насчитывает уже несколько десятилетий, новая страница в их развитии была открыта в середине 90-х гг. прошлого столетия. В рамках данной статьи не ставится задача проследить всю историю развития БЛА. Скорее, хотелось бы обратить внимание на некоторые принципиальные решения, принятые за рубежом и у нас, а также на их последствия. Прежде всего следует отметить, что именно в эти годы окончательно было осознано значение и определена роль военного применения беспилотных летательных аппаратов и пошли многомиллионные заказы и контракты от военных ведомств различных стран, и не только ведущих. Таким образом, в настоящее время разработкой и серийным производством БЛА различного назначения занимаются фирмы свыше 50 стран. На середину 2003 г. общее число созданных ими типов БЛА приблизилось к 300, из них серийно выпускаемых было 68 БЛА¹⁰. БЛА различных типов состояли на вооружении армий уже 75 государств¹¹.

Конечно, уровень развития этого направления в разных странах далеко не одинаков. Наибольшего продвижения за рубежом в этой области добились страны с высокоразвитой авиационной и электронной промышленностью: США, Израиль, Франция, Германия, Великобритания, Швеция и Канада, между которыми существуют одновременно и активная конкуренция на разрастающемся рынке БЛА, и очевидная кооперация в решении некоторых научно-технических задач. Известно, что специалисты в Пентагоне достаточно долго скептически относились к предложению американских фирм по созданию аппаратов, способных одновременно совмещать ведение разведки и ударный потенциал. Прорыв произошел в ходе создания и внедрения аппаратов GNAT-750 и 1-GNAT, хотя они и были выпущены небольшой серией. Характерно, что сначала наибольший интерес к ним проявили секретные службы. Однако уже на этом этапе состоялся их выход на международный рынок вооружений – 6 аппаратов были закуплены Турцией.

¹⁰ Unmanned Vehicles. 1997. No. 2. P. 18.

¹¹ Pokob Tibor. Surveillance of UAVs. URL: <http://www.zmka.hu/tanszekek/ehc/konferencia/april2001/prokob.html> (дата обращения: 22.12.2022).

Характерно, что в упомянутых выше странах работы по БЛА поддерживаются и зачастую целенаправленно финансируются государством. В США в этом деле ключевую роль играет Управление перспективных исследований министерства обороны (DARPA). Уже в июне-июле 1996 г. «Проектная группа 35» НАТО выпустила набор технических спецификаций относительно архитектуры систем БЛА, предпочтительных вариантов проектов и наиболее важных элементов интерфейса между БЛА, информационного обеспечения и систем наземного контроля¹². Примерно в это же время появился знаменитый теперь *Предейтор*, успех которого, по мнению американских военных экспертов, предрешил последующие крупные сдвиги в пользу ускоренного развития и совершенствования многочисленных систем БЛА в американских вооруженных силах. Этот аппарат стал родоначальником целого семейства однотипных машин, приспособленных к нуждам Сухопутных сил, ВВС и ВМС (MARINER, ALTAIR). Последняя версия *Предейтора* MQ-9 (*Предейтор В*), вообще, является образцом БЛА нового поколения. На 2002 г. парк военных БЛА в США выглядел следующим образом:

- MQ-1 *Предейтор А* – построено 80, в ВВС и ВМС развернуто 22, заказано 93 шт.
- RQ-2 *Пионер* – построено 175, в ВМС развернуто 10, проводится модернизация.
- RQ-5 *Хантер* – построено 72, в Армии развернуто 41, проводится модернизация.
- RQ-6 *Аутрайдер* – производство завершено. Построено 19, в Армии развернуто 0.
- RQ-7 *Шэдоу* – построено 32, в Армии развернуто 24.
- *Дрэгон Ай* – построено для Корпуса морской пехоты 40, развернуто 0, заказано 933 шт.
- MQ-9 *Предейтор В* – построено 2 для ВВС, развернуто 0, заказано 6 шт.
- RQ-4 *Глоубал Хоук* – построено для ВВС, развернуто 0, заказано 51 шт.

¹² Unmanned Vehicles. 1997. No. 2. P. 18.

О последнем аппарате хочется сказать подробнее. *Глоубал Хоук* предназначен для ведения стратегической воздушной разведки в глубине территории противника в течение длительного времени. На нем может быть установлено сразу три подсистемы разведывательной аппаратуры, действующие одновременно на разных длинах волн. Имеется РЛС с синтезированной апертурой, работающая в любых погодных условиях и позволяющая получать радиолокационное изображение местности с разрешением до 1 м. За сутки может быть обработано до 138 000 кв. км площади. В марте 2001 г. впервые в истории авиации беспилотный *Глоубал Хоук* пересек Тихий океан, взлетев в Калифорнии и проделав за 22 часа беспосадочно 13 840 км на высоте 20 км, приземлился в Австралии. С этой машиной активно работают – три экземпляра уже потеряно в ходе испытаний и практического использования (1 аппарат в Афганистане в результате аварии). Но *Глоубал Хоук* дал впечатляющие результаты во время боевых действий в Ираке в марте-апреле 2003 г., когда с его помощью удалось обнаружить 55% всех выявленных иракских «чувствительных объектов», т.е. таких постоянно перемещающихся целей, которые могут быть «открыты» для удара только весьма короткое время¹³. При таком начале не вызывает сомнения, что у этой тяжелой машины (взлетный вес более 11,5 т, полезная нагрузка около 5 т) большое будущее, и *Глоубал Хоук* может быть превращен со временем в мощный разведывательно-ударный БЛА. А в планах “Northrop Grumman” имеются планы создания БЛА с атомным двигателем. Цель ведущихся работ – создать аппарат, который сможет непрерывно находиться в воздухе до нескольких месяцев. Под этот БЛА разрабатывается принципиально новый ядерный реактор¹⁴.

Вместе с некоторыми другими типами БЛА, выпущенными малой серией, число развернутых в ВС США оперативно-тактических БЛА составляло 95 комплексов. А общая цифра сделан-

¹³ Unmanned Aerial Vehicles: Improved Strategic and Acquisition Planning Can Help Address Emerging Challenges. Testimony before the Subcommittee on Tactical Air and Land Forces, Committee on Armed Services, House of Representatives. GAO“05“395T. 2005, March 9.

¹⁴ Интерфакс. 19 января 2005 г.

ных заказов превысила 1200 единиц¹⁵. 5 аппаратов MQ-1 *Предейтор* в 2001 г. были закуплены Италией и участвовали в иракской войне. Интересно отметить, что один аппарат был потерян итальянцами в процессе обучения. В 2001 г. в Пентагоне была создана совместная рабочая группа из представителей всех родов войск по проблемам развития беспилотной авиации.

А уже в 2002 г. была утверждена «Программа развития беспилотных летательных аппаратов на 2002–2027 гг.». Фактически это долгосрочная, во многом уникальная многоаспектная программа, дающая большую перспективу БЛА как новому классу вооружений. Надо отметить, что «мода» на БЛА охватила и многие другие страны, хотя ни одна из западных стран не может конкурировать с Соединенными Штатами по уровню технологического совершенства и типового разнообразия. В основном за пределами США поиск пока идет в сфере разработки и создания легких БЛА для ведения ближней разведки в интересах небольших воинских подразделений, а также разведывательных БЛА с взлетной массой от 200 до 300 кг, достаточно ограниченной целевой нагрузкой до 50 кг и боевым радиусом действия до 200 км. При этом максимальная продолжительность полета, как правило, не превышает 3 часов. Наилучших результатов на этом направлении добились французы: созданные известной фирмой *САЖЕМ* аппараты *Кресерель*, *Спервер* и совместный франко-германский БЛА *Бревел* получили достойную часть складывающегося рынка БЛА. Последний аппарат разведывательного назначения является технологически сложной системой, включающей в себя 5–7 БЛА, наземную базу управления и обработки разведывательной информации, блок средств связи, пусковую установку и транспортные средства для обнаружения, подбора и перевозки БЛА.

В России также набирает темпы процесс разработки и строительства современных БЛА. В 2003 г. были приняты важные государственные управленческие решения, вытекающие из рассмотренных Советом безопасности РФ «Основ военно-технической политики на период до 2015 г. и дальнейшую перспективу». Они

¹⁵ Jane's Defence Weekly. Jan. 19. 2005; *Беляев В.* Война в воздухе, новая угроза // *Авиация и космонавтика.* 2004. № 4. С. 9.

создают благоприятные стимулы для технологического рывка на этом важном направлении. Развернулось международное сотрудничество с Израилем – признанным лидером в создании легких разведывательных аппаратов, а также с Францией¹⁶. Это, конечно неплохо, хотя отставание от передового международного уровня пока не преодолено, но здесь, на наш взгляд, определяющим моментом будет востребованность различных типов БЛА в российских Вооруженных силах и правоохранительных органах.

Вообще-то, процесс, как говорится, «пошел». В ноябре 2004 г. на авиационной выставке в Китае были показаны 3 модели аппарата серии *Зонд-1, -2, -3* КБ им. Сухого. Причем *Зонд-1* явно относится к аппаратам тяжелого типа – его взлетный вес 12 т, вес полезной нагрузки 1,5 т, высота полета от 14 до 16 км, а длительность полета 18 часов при скорости 590 км/час. Это весомая заявка на перспективу, которая показывает, что первоначальное отставание в 7–10 лет для такой великой авиационной державы, как Россия, хотя и неприятно, но еще неокончательно критично. Усилия национальной промышленности начинают давать первые серьезные результаты – завершаются государственные испытания новой модификации комплекса воздушной разведки *Строй-ПД* с беспилотным летательным аппаратом *Пчела-1К*. В состав бортового оборудования комплекса входят инфракрасная и телевизионная аппаратура, а также специальное оборудование для круглосуточного применения этого комплекса для целей воздушной разведки. Его с нетерпением ожидают в войсках¹⁷.

***Нарастание тревожных тенденций в развитии БЛА
и возможность их превращения в новую угрозу безопасности
и военной стабильности***

На наш взгляд, тревожные тенденции для нашей безопасности в области развития БЛА имеют несколько измерений.

¹⁶ Aviation Week. Jul. 19. 2004. P. 54.

¹⁷ Агентство ТС ВПК. 3 декабря 2004 г.

Стратегическое измерение

Если подавляющее большинство стран все еще не подступилось даже к созданию оперативно-тактических БЛА, то в Соединенных Штатах на повестку дня поставлен и практически решается вопрос о создании БЛА, выполняющих стратегические задачи и призванных вкупе с другими средствами воздушной войны обеспечивать превосходство Вашингтона на всех мировых театрах военных действий, в том числе и на огромном удалении от территории собственно США. Уже с задействованием специально подготовленных, выше упоминавшихся оперативно-тактических БЛА *Предейтор* и *Глоубал Хоук* за многие тысячи километров от столицы США решались важные боевые задачи в Афганистане, Ираке и Йемене.

Однако пока это выглядит скорее промежуточным, подготовительным этапом к приобретению США более угрожающего и могущего иметь далекоидущие стратегические последствия результата – оснащения ВС США дополнительным стратегическим ударным потенциалом в виде новейших комплексов БЛА. Достаточно сказать, что *Предейтор В* (MQ-9) уже в 4 раза тяжелее, чем *Предейтор А*. Он более скоростной, со значительно более мощным двигателем фирмы «Ханивел», чем первые версии *Предейтора*, оснащен самой разносторонней электронной аппаратурой и радаром с синтезированной апертурой. Важным преимуществом *Предейтора В* является наличие 6 пилонов, на которых размещаются боевые средства весом до 3750 фунтов, среди них бомбы с лазерным наведением¹⁸. Но американцев не полностью удовлетворяет и эта продвинутая машина. Американский журнал «Беспилотные летательные аппараты» сообщает, что, истратив за 10 лет (1991–1999 гг.) 3 млрд долл., Пентагон до 2010 г. намерен вложить в БЛА еще 10 млрд долл. и довести число БЛА в ВС к 2015 г. до $\frac{1}{3}$ всего парка военных воздушных судов.

В последние месяцы появились сообщения о том, что ВВС США поставили задачу создания таких «тяжелых БЛА», которые могли бы закрыть то, что было названо как «супербрешь» в боевых наступательных возможностях американской авиа-

¹⁸ Независимое военное обозрение. 7 марта 2003 г.

ции – существующая сейчас неспособность наносить удары с помощью истребителей и бомбардировщиков по таким целям, как мобильные ракетные системы с их растущими возможностями, и баллистические ракеты ТВД, находящиеся глубоко внутри вражеской территории. Примерные параметры для таких БЛА выглядят впечатляюще: взлетный вес – 45 т и более, боевая нагрузка – 4,5–7 т. Продолжительность непрерывного нахождения в воздухе более 50 часов. Эта машина уже получила название – “Unmanned Combat Air Vehicle –UCAV”, или «Боевая беспилотная авиационная система – ББАС». В этих машинах будет реализована технология «стелс», применяемая в самолете F-117, а также современная система дозаправки в воздухе. Существенно повышается такой важный критерий, как кратность использования каждого беспилотного аппарата. По словам представителей ведущей американской фирмы “Northrop Grumman”, которой передан заказ на 3 тяжелых БЛА X-47В (так называется этот прототип БЛА), в нем будет заложена возможность дальнейшего технологического совершенствования и повышения боевых возможностей. Над этой же проблемой работает и корпорация “Boeing”, строящая также 3 аппарата X-45С¹⁹.

На наш взгляд, ведущиеся в США работы в области БЛА, особенно т.н. «БЛА тяжелого типа», будут иметь в долгосрочном плане большой дестабилизирующий эффект. В самом деле, мы являемся свидетелями появления ударного оружия в новом классе вооружений беспилотных боевых авиационных летательных аппаратов, которые вскоре по своему боевому потенциалу могут сравняться с уже существующими оперативно-тактическими и стратегическими авиационными и ракетными системами. В сочетании это создаст предпосылки для формирования новой парадигмы в средствах вооруженной борьбы, особенно в контексте перехода к высокоточному оружию. Представляется, что тенденции в повышении потенциала т.н. тяжелых БЛА таковы, что в обозримом будущем этим машинам будет по силам доставлять в заданные районы мира аппараты на «иных физических принципах», что откроет немалые новые возможности для систем глобальной ПРО, особенно в том, что касается перехвата ракет

¹⁹ Unmanned Aerial Vehicles. Feb. 10. 2005.

на т.н. разгонном этапе полета. Беспокоит, и все больше, то обстоятельство, что развитие нового класса вооружений – БЛА – происходит безо всяких ограничений и самоограничений и пока с подавляющим преимуществом одного государства – США.

Теперь становится ясным и подтекст приведенного выше определения БЛА, на котором настаивает Пентагон. Известно, что, принимая решение по передаче на вооружение ВС первого боевого варианта *Предейтора*, в военном ведомстве США внутренне нервничали насчет того, как эти БЛА впишутся в условия советско-американских договоров об ограничении наступательных вооружений, особенно РСМД. *Предейтор* изначально рассчитывался на дальность 3500–3700 км и как носитель ракетного оружия²⁰. Выход был найден в толковании терминологии, т.е. в формальном отделении крылатых ракет, ограничиваемых по РСМД, от БЛА, на которые никакие международные ограничения до сих пор не распространяются, а, значит, и все претензии и жалобы на их фактически бесконтрольное развертывание юридически не обоснованы. А пока будут, как обычно, затяжно вестись дискуссии на тему «что делать?», основные задачи по БЛА американцы уже решат. По-видимому, пентагоновские *правовики* тогда решили пойти путем «разграничения», и дело можно в худшем случае «заморозить» на уровне, который сохранит американское превосходство на многие годы. В данном случае пострадают стабильность и относительное военное равновесие, а для таких стран, как Китай, это будет на длительное время угрозой «обнуления» его стратегического ракетно-ядерного потенциала. Кроме того, количество «игроков» на ничем неограниченном поле БЛА будет стремительно расти.

Фактически уже сейчас мы стоим, а может, и переступили порог новой гонки вооружений, хотя и стараемся этого не замечать. Конечно, непросто найти пути и средства решения проблем в условиях уже сложившегося дисбаланса, однако это не должно стать причиной бездействия. Даже по такому трудному вопросу, как контроль за ПЗРК, Россия и США нашли в конце концов определенное взаимопонимание.

²⁰ International Defence Digest. Jan. 1. 2005.

Оперативно-тактическое измерение

Параллельно с процессом создания ударных БЛА, выполняющих стратегические задачи, в армиях западных стран началось активное насыщение БЛА подразделений на бригадном и дивизионном уровнях. 1 декабря 2004 г. в Сент-Луисе представители американской армии изложили свои требования к БЛА (т.н. *CLASS-11* и *CLASS-111*), которые имеются в виду заполучить на вооружение на ротном уровне в 2014 г. Известно, что массовые поступления различных типов БЛА в вооруженные силы стран – участниц НАТО ожидаются начиная с 2007 г. В Пентагоне исходят из того, что к 2008 г. желательно согласовать вопрос о включении в перечень стандартного вооружения армейской бригады от 150 до 200 БЛА различного назначения. В этом смысле важные для нас практические последствия будут представлять собой корректировки упомянутого выше плана на 2002–2027 гг., которые Пентагон намеревается внести в конце 2005 г. Известно, что они будут сводиться к активизации внедрения БЛА в структуру и практическую деятельность американских ВС, а также к резкому повышению уровня межвидовой совместимости. Отмечается, что «аппетит военных к БЛА становится неутолимым»²¹. По сообщениям американских источников, в последней иракской компании одновременно применялись 12 типов БЛА. Некоторые российские военные специалисты прогнозируют, что в обозримом будущем численность парка БЛА на Центрально-Европейском ТВД может достигнуть 60 тысяч машин, из которых 60 процентов, по-видимому, будет приходиться на микро и мини-беспилотники²².

Не вызывает сомнений, что небывалое усиление разведывательных возможностей в т.н. «реальном времени» с помощью БЛА на уровне батальонного и бригадного звена в сочетании с придаваемыми средствами разведывательно-ударного плана,

²¹ Беляев В. Хищник выходит на охоту // Авиация и космонавтика. 2005. № 1. С. 18.

²² General Accounting Office. Nonproliferation: Improvements Needed to Better Control Technology Exports for Cruise Missiles and Unmanned Aerial Vehicles. GAO-04-175. Jan. 23. 2004. P. 2–4.

в том числе БЛА, приведет к существенным изменениям в планировании и ведении сухопутных операций на ТВД, и тот, кто будет лучше оснащен высокоэффективными средствами разведки и постоянного наблюдения за полем боя, получает огромное преимущество для обеспечения своего превосходства на ключевых направлениях борьбы и, в конце концов, победы.

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в согласованном списке ОДВТ (ограничиваемые по договору вооружения и техника), приложенном к Договору об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ), нет никаких упоминаний о БЛА и в помине. Это понятно. Никто не мог предвосхитить феномен БЛА 15 лет назад. Но это также не повод для того, чтобы, по крайней мере, нам не ставить вопрос о корректировке списка ОДВТ по ДОВСЕ и досогласовании по этой категории вооружений международных мер по ограничению их количества или, по крайней мере, о распространении на них согласованных мер доверия. Это будет своевременным и полезным шагом в сфере укрепления военной безопасности на европейском континенте и национальной безопасности России в условиях непрекращающегося продвижения НАТО к нашим государственным границам.

Нераспространенческое измерение

Как и многие другие виды вооружений, беспилотные летательные аппараты довольно быстро становятся доступными все большему числу государств и даже т.н. «негосударственным игрокам» на международной арене. Более того, с течением времени БЛА могут превратиться реально в обоюдоострое оружие. В январе 2004 г. все то же ГСУ Конгресса США сделало вывод: «Крылатые ракеты и БЛА представляют растущую угрозу национальной безопасности США как весьма точные и сравнительно недорогие средства доставки для обычных, химических и биологических вооружений [...] Широкое распространение и доступность на коммерческой основе таких технологий, как системы глобального позиционирования и легкие по весовым параметрам двигатели существенно облегчили для государств, а также и для террористов возможности создания, по крайней мере, примитивных КР и БЛА. Некоторые специалисты также выражают озабоченность относительно возможности установки авто-

пилотов на малую авиацию и превращение ее в БЛА, способные доставлять химические и биологические вооружения и устройства»²³. Министр обороны США Д. Рамсфелд неоднократно предупреждал о нарастающей угрозе со стороны КР и БЛА, против которых, по его словам, нет на данном этапе у американцев адекватной защиты. В руководстве Госдепартамента США также придерживаются той точки зрения, что БЛА идеально подходят для доставки химического и биологического оружия, учитывая их способность распылять аэрозоли в нужном месте и на нужной высоте»²⁴. Специалисты НАТО считают, что в этом плане БЛА являются более эффективными, чем артиллерийские снаряды или баллистические ракеты.

С учетом технологий и материалов, доступных сейчас на коммерческом рынке, можно создавать примитивные БЛА, способные доставлять десятки килограммов груза и наносить удары как по войскам на ТВД, так и по городам. Бывший заместитель госсекретаря США Дж. Болтон высказал мнение, что [...] с помощью БЛА организовать атаки ОМУ могут, прежде всего, государства, тем не менее, и у террористических групп имеется возможность произвести или заполучить в свои руки мини-БЛА для нанесения ударов химическим или биологическим оружием»²⁵.

Первый звонок уже прозвучал. 7 ноября 2004 г. военизированная экстремистская ливанская группировка «Исламское сопротивление» провела облет северных районов Израиля с помощью БЛА *Mirsad-1*. При этом израильские силы обороны не засекали этот полет и были проинформированы о нем гражданскими лицами. Говорят, что этот БЛА похож на 80-килограммовый БЛА *Мохаджир-4* производства иранской компании «Код индастриз».

В этом факте прослеживаются два серьезных момента. Во-первых, экстремисты и террористы действительно могут освоить

²³ Беспилотники – дальний прицел // Российское военное обозрение. 2004. № 10. С. 17–18.

²⁴ Unmanned Aerial Vehicles: Improved Strategic and Acquisition Planning Can Help Address Emerging Challenges. Testimony before the Subcommittee on Tactical Air and Land Forces, Committee on Armed Services, House of Representatives. GAO-05-395T. Mar. 9. 2005.

²⁵ Improvements Needed for Controls on Exports of Cruise Missile and Unmanned Aerial Vehicle Technology. Statement of Joseph A. Christoff, Director International Affairs and Trade. GAO-04-493T. Mar. 9. 2004.

БЛА для осуществления своих жестоких целей. Во-вторых, около 15 стран, производящих БЛА, не входят в состав участников Режимы по контролю над распространением ракетных технологий (РКРТ) и, как следствие, ничто, по существу, не ограничивает их намерения продавать соответствующие товары, включая БЛА. Отсюда вывод – участникам РКРТ, видимо, надо искать наиболее рациональные пути выхода из нынешнего состояния «закрытого клуба» государств.

То, что экспортный контроль (ЭК) не панацея, говорилось и раньше. Но сейчас все более становится очевидным, что в борьбе с «утечками» опасных технологий, прежде всего в области средств доставки к экстремистам и террористам ЭК вряд ли сможет закрыть те лазейки, которые связаны с относительно примитивными технологиями. А это как раз те технологии, которые лучше всего освоены на данном этапе. Госдепартамент США весьма гордится своей программой мониторинга и контроля над экспортом контролируемых технологий «Голубой фонарь». Однако сложившаяся система контроля нацелена, прежде всего, на государства, недружественные Вашингтону, и на их фирмы а, во-вторых, эффективность этой системы со стороны ГСУ Конгресса США подвергается сомнению.

Таким образом, мировое сообщество продолжает стоять перед поиском путей предотвращения попадания в руки террористов технологий и конкретных образцов средств доставки взрывных устройств на основе ОМУ-технологий и, прежде всего, БЛА, которые сегодня по многим параметрам смотрятся как «идеальное средство доставки» для осуществления терактов.

Некоторые другие вопросы, связанные с развитием БЛА

Прежде всего, мы не должны забывать о тех дополнительных возможностях, которые предоставляет ускоренное развитие беспилотной авиации, все более активно вторгающейся во многие сферы жизни. БЛА имеют существенный потенциал для наблюдения за большими лесными массивами с целью своевременного выявления пожарных ситуаций. Ряд экспертов выделяют у отдельных типов БЛА такие возможности, как способность отслеживать каналы наркотрафика, незаконной иммиграции и т.п.

Есть также точка зрения о том, что БЛА могут стать дополнением к тем средствам, которые сейчас задействованы для выполнения международных соглашений в сфере разоружения, в частности в рамках соглашения об «Открытом небе».

Однако эти и другие возможности смогут реально заработать только в том случае, если использование БЛА будем должным образом введено в правовые рамки. На сегодняшний день большинство БЛА в США, например, не имеют официального разрешения Федерального авиационного агентства (FAA) на постоянные полеты в воздушном пространстве США. Исключение составляет лишь упоминавшийся нами *Глоубал Хоук*, отличающийся высоким уровнем безаварийности²⁶. Этот вопрос не является праздным. Известен факт, что американский БЛА в Калифорнии «уронил» незаряженную 250-фунтовую бомбу и чуть было не поразил грузовик. Один из руководителей национальной общественной организации, отслеживающей проблему авиакатастроф, заявил: «Мы уже имеем проблемы с воздушным движением, наше воздушное пространство уже сильно перегружено. Зачем же в эту кашу еще вбрасывать БЛА?»²⁷.

Пока международные договоренности ограничивают использование «гражданского воздушного пространства» большинством типов БЛА, однако на эту норму усиливается атака со стороны ведущих компаний производителей беспилотной техники. А пока все тот же *Глоубал Хоук*, сбившись с маршрута, без разрешения залетел в воздушное пространство Великобритании из Германии, где проходили его испытания, и английские контролеры вынуждены были дать ему так называемый *пурпурный коридор*, обычно зарезервированный для английской королевской семьи. Оппозиционный спонсор по вопросам обороны Дж. Ховарт так оценил сложившуюся ситуацию: «Сообщения о залете БЛА говорят о том, что не существует контроля за использованием БЛА в гражданском воздушном пространстве».

²⁶ General Accounting Office. Nonproliferation: Improvements Needed to Better Control Technology Exports for Cruise Missiles and Unmanned Aerial Vehicles. GAO-04-175. Jan. 23. 2004. P. 11–12.

²⁷ Aviation Week & Space Technology. Jan. 2004. P. 105.

Некоторые выводы и соображения

Как представляется, с учетом всего вышеизложенного, можно дать утвердительный ответ на поставленный вопрос – развитие БЛА как нового класса вооружений несет в себе серьезные угрозы и является дестабилизирующим феноменом, если не обеспечить его дальнейший прогресс международно-правовыми рамками.

Мировое сообщество должно уделить этой нарастающей проблеме должное и своевременное внимание, с тем чтобы предупредить нежелательные последствия с точки зрения возникновения нового направления гонки вооружений.

Учитывая новизну и многоплановый характер возникающей проблемы, по-видимому, было бы целесообразно сформировать для всестороннего изучения ситуации вокруг БЛА в рамках первого Комитета Генеральной Ассамблеи ООН рабочую группу правительственных экспертов с соответствующим мандатом.

Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии¹ (2006)

Регион Центральной Азии продолжает привлекать повышенное внимание дипломатов и политологов, военных и экономистов. В советские времена этот регион назывался «советской Средней Азией и Казахстаном» и, таким образом, рассматривался не совсем как некое единое целое. Достаточно неожиданный для правящих элит и населения Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Казахстана распад Советского Союза и пренебрежение на первом этапе со стороны новых демократических лидеров Российской Федерации насущными интересами пяти государств в сфере безопасности, политики, экономики и в других областях привело их к необходимости объединения основных усилий в целях выживания в сложившейся принципиально новой ситуации и, как одно из следствий, к совместному решению называть регион Центральной Азией (ЦА). (Правда, говорят, что И.А. Каримов² считал возможным сохранить старое название *Средняя Азия*, но Н.А. Назарбаев³ настоял на его смене.)

Надо отдать должное правящим элитам центральноазиатских государств: оказавшись в крайне сложных условиях, они сумели, естественно, в разной степени, но в целом достойно справиться с этим необычным вызовом и завершить первый, но, возможно, самый серьезный этап формирования своих независимых госу-

¹ Впервые опубликовано: *Ядерный Контроль*. 2006. № 1 (79). Т. 12. С. 45–58.

² Ислам Каримов – советский и узбекский государственный и политический деятель, первый президент Республики Узбекистан (1991–2016). – *Прим. ред.*

³ Нурсултан Назарбаев – советский и казахстанский государственный и политический деятель, первый президент Республики Казахстан (1991–2019). – *Прим. ред.*

дарств и стать признаваемыми всеми партнерами на международной арене.

Однако впадать в преждевременную эйфорию руководству стран ЦА не стоит, поскольку всем государствам региона еще только предстоит пережить драматическую смену элит со всеми вытекающими политическими последствиями. Надо сказать, что в ряде стран, и прежде всего в США, все еще не сложилось однозначного понимания относительно границ ЦА. Если Государственный департамент США объединяет пять центральноазиатских государств в одну группу с Россией (и Госдепу нельзя отказать в достаточной обоснованности такого взгляда на политические реалии), то *горячие американские парни* из Центрального командования (*Сентком*) США и, естественно, из Пентагона с далекоидущим прицелом рассматривают как единое целое Афганистан и пять центральноазиатских стран, создавая, таким образом, новое географическое понятие. Оно уже получило свое официальное название в западных политологических кругах – «Большая Центральная Азия (БЦА)», и уже развиваются концепции создания Партнерства для Большой Центральной Азии (ПБЦА)⁴.

Однако некоторые американские военные уже идут дальше. Речь идет о том, что Центральная Азия вместе с Кавказом составляют некое *Транскаспийское пространство*, являющееся по нынешнему пониманию стратегов из Пентагона ключевым для «проецирования военной мощи» на целый ряд наиболее важных для Соединенных Штатов регионов мира⁵. Само пространство детально не обозначается и нарочито носит несколько расплывчатые очертания. Однако очевидна прочная увязка «Транскаспийского пространства» с самим Каспийским морем и его прибрежной полосой и, кроме того, с проблемой доступа к немалым энергетическим ресурсам региона. Таким образом, далее при изложении материала автор намерен опираться на последние географические новации, исходящие из американских источников, чтобы точнее проследить процесс эволюции амери-

⁴ *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. С. 72–87.

⁵ *Blank Stephen.* After Two Wars: Reflections On The American Strategic Revolution In Central Asia // Strategic Studies Institute. Jul. 2005. P. V.

канских подходов к ситуации в ЦА и постараться разобраться в возможных последствиях для обеспечения безопасности в этом регионе, имеющем по многоплановым причинам огромное значение и для безопасности России.

*Взгляды администрации Б. Клинтона на безопасность
Центральной Азии в 1990-е гг. как отправной пункт
в новейшей истории отношений США с образовавшимися
независимыми государствами региона*

Применительно к Центральной Азии западные авторы на разные лады рассматривают самые разные варианты *Большой игры* – обобщенное выражение, выкованное еще в XIX веке Р. Киплингом как раз для ситуации в районе, во многом совпадающем с нынешней Центральной Азией, где в свое время шли империалистические баталии между тогдашними великими державами. США тогда еще не дозрели до участия в этих баталиях. В середине же XX века они уже стали активными участниками *Больших игр*, а к концу прошлого века и главными *закоперщиками* многих событий, которые здесь происходили. Тем не менее американские представители и в те годы не были замечены в заявлениях о том, что регион ЦА является зоной жизненно важных американских интересов. Как писал еще в 1996 г. директор Института стратегических исследований военного колледжа Армии США полковник Р. Визерспун, «главная забота американцев заключается в оказании содействия тому, чтобы игра в Центральной Азии не пошла по *неправильному пути*»⁶. «*Неправильный путь*» трактовался как возникновение реального внутрирегионального конфликта, могущего втянуть в себя как государства региона, так и страны извне. Какими же виделись угрозы этому региону американским аналитикам в середине 1990-х гг. прошлого столетия?

Подполковник Д. Смит из уже упоминавшегося Института стратегических исследований в своей работе «Центральная Азия: новая большая игра?» пишет: «Самые большие угрозы для Центральной Азии являются внутренними. Болезненный процесс строительства государств, кризис, связанный с легитимностью

⁶ Smith Dianne. Central Asia: A New Great Game? // Strategic Studies Institute. Jun. 17. 1996. P. III.

власти, проблемы, проистекающие из процесса быстрой социальной и экономической трансформации, деградации окружающей среды, деколонизации, этнической пестроты и возникающие на этой почве пограничные конфликты – вот основные источники нестабильности... Демократия во всех пяти государствах приносится в жертву на алтарь стабильности. Продолжающаяся гражданская война в Таджикистане остается наиболее серьезной внутрирегиональной угрозой безопасности, в то время как гражданская война в Афганистане остается наиболее непосредственной внешней угрозой безопасности вне пределов региона»⁷.

Д. Смит делает и другой достаточно объективный вывод. Хотя, по ее мнению, определенная нестабильность, которая в те годы была очевидной для всего региона, и предоставляла некоторые благоприятные шансы по укреплению своего влияния таким странам, как Иран и Китай, последние, однако, понимали, что попытки активно воспользоваться ими могут «срикошетить», и поэтому они, наряду с Россией, Индией и даже Пакистаном, – каждая страна по-своему, не отказываясь от расширения своего влияния, – все же вносили некоторый вклад в укрепление стабильности и безопасности в регионе. Наиболее убедительным примером таких усилий является, безусловно, прекращение гражданской войны в Таджикистане – путем терпеливого и взвешенного достижения национального примирения между здоровыми силами и нейтрализации экстремистских группировок. Россия, на наш взгляд, внесла решающий вклад в достижение этого исторического компромисса, о чем, правда, в США предпочитают не вспоминать. Не в последнюю очередь укреплению стабильности способствовало создание СНГ и в 1992 г. заключение в Ташкенте официального Соглашения о коллективной безопасности, которое Москва поддержала командированием 25 тыс. миротворцев для Таджикистана и выделением пограничных сил для охраны внешних рубежей СНГ, что не было проявлением альтруизма, а соответствовало также интересам самой России.

В 1990-х гг. США рассматривали крепкую, развивающуюся экономику условием и предпосылкой для политической стабильности и постепенного укрепления демократии в странах Цент-

⁷ Ibid. P. V.

ральной Азии, что, безусловно, несколько сближало американские и российские взгляды на проблемы региона.

Теперь, спустя 10 лет, стала очевидной некоторая поспешность вывода о том, что «Америка не имеет жизненно важных интересов в Центральной Азии и не будет принимать на себя ответственность за ее безопасность. Основной фокус усилий в политике на этом направлении (как тогда многим казалось. – *Прим. авт.*) будет сосредотачиваться на “контроле ущерба” (*damage control*), т.е. недопущении эскалации существующих проблем и превращении их в кризисы»⁸. Имеющиеся (неполные) данные бюджетных ассигнований на помощь странам ЦА для укрепления безопасности в бюджете США за 11 лет (1992–2003), составивших в общей сложности для всех пяти стран всего 705 млн долл., свидетельствуют о том, что этот вывод некоторое время подтверждался конкретной практикой, тем более что из этой суммы около 350 млн долл. были использованы на такие проекты американской заинтересованности, как «Совместное снижение угрозы», и в основном были потрачены на свертывание ядерного комплекса, оставшегося от СССР в Казахстане (228 млн долл.), и объектов биологического профиля в Узбекистане (90 млн долл.)⁹.

Страны региона, со своей стороны, по-своему поняли преобладавшую тогда в американских подходах пассивную тенденцию и в декабре 1995 г. в Алма-Ате провели конференцию «Международное сотрудничество и меры доверия в Азии». Поскольку страны ЦА имеют широкую структуру соглашений и договоров по военному сотрудничеству и безопасности с Россией, то налаживание внутрорегионального сотрудничества между ними является весьма обнадеживающей перспективой. 10 лет тому назад американские аналитики признавали, что территориальная целостность и политическая безопасность достаточно надежно обеспечиваются соглашением о коллективной безопасности СНГ. Но российские обоснованные утверждения о том, что Москва считает, что она имеет особые интересы в ЦА, уже в тот период

⁸ *Smith Dianne*. *Op. cit.* P. 24.

⁹ US Government FY 1992 – FY 2003 Budgeted Security Assistance to Central Asia, Freedom Support Act, And Agency Budgets. State Department, Coordinator of US Assistance to the New Independent States; Nichol Jim. *Central Asia's Security: Issues and Implications for US Interests*. Updated January 7, 2005. Order Code RL 30294.

вызывали как глухое, так и открытое недовольство со стороны американского политического и военного истеблишмента.

Давно известно, что, считая себя единственной супердержавой в мире, наши американские партнеры априори исходят из постулата о том, что особые или, как они говорят, «жизненно важные интересы» в любом районе мира могут иметь только Соединенные Штаты Америки, которые должны всячески препятствовать в реализации особых интересов, в том числе обоснованных, другим государствам мира, обвиняя последних в «имперских замашках». Аналогичные обвинения выставляются и против Китая.

В Вашингтоне как малозначительные рассматривают такие факты, как столетия совместной истории государств, входивших ранее в состав Российской империи и затем в состав Советского Союза. Беспрепятственное получение независимости государствами ЦА, сохранение многих выгодных аспектов единого хозяйственного механизма, сложившегося за многие десятки лет, предоставление Россией гражданам СНГ возможности трудиться на территории Российского государства и переводить в свои страны миллиарды долларов, заработанных здесь, тем самым существенно улучшая экономическое положение в своих странах (что, кстати, во много раз превышает всю обещанную на Западе помощь, которая зачастую не поступает полностью), – все это замалчивается. Мы уже не говорим о многих миллионах русских людей, продолжающих составлять цвет местной интеллигенции в большинстве стран ЦА. Мы уже не говорим о вкладе России в практическое обеспечение безопасности в ЦА – регионе, в отличие от Америки непосредственно примыкающем к нашим, да и к китайским границам, и где нам было бы неприятно, если бы там в одностороннем порядке производились политические и военные маневрирования сомнительного свойства.

На заключительном этапе пребывания у власти администрации Клинтона начали проявляться более отчетливые признаки готовящегося поворота в политике США в отношении ЦА, который обозначился принятием в марте 1999 г. Конгрессом США так называемого «Акта о стратегии в отношении “шелкового пути”» (*Silk Road Strategy Act*)¹⁰. Новое законодательство было нацелено

¹⁰ *Wishnick Elisabeth*. Growing US Security Interests in Central Asia // University Press of the Pacific. Oct. 2002. P. 5.

на «поддержку экономической и политической независимости ЦА и Южного Кавказа». Антитеррористическая направленность усилий в тот период проявилась лишь после вооруженного вторжения Исламского движения Узбекистана (ИМУ)¹¹ в Киргизию в июле-августе 1999 г. Судя по заявлению нынешнего посла США в Бишкеке, американцы продолжают эксплуатировать этот факт и в наши дни, заявляя, что ИМУ представляет собой самую большую угрозу для интересов США в Центральной Азии.

К сожалению, несмотря на заявленное намерение США, другие западные страны не внесли какого-то перелома в одну из главных проблем ЦА – наркотрафик из Афганистана, не говоря уже о борьбе с транснациональной преступностью. Продекларированная помощь в развитии экономики свободного рынка и его инфраструктуры вообще оказалась иллюзией, быстро разрушавшейся при столкновении с местной реальностью. Зато обнаружился важный и перспективный участок взаимодействия – «финансирование иностранных военных», составившее почти 100 млн долл.¹² Думается, что в середине 1990-х гг. в США шло серьезное переосмысление вновь открывшихся в результате распада СССР стратегических возможностей, и часто упоминавшаяся задача «контроля ущерба», по существу, была попыткой выиграть время и стремлением «заморозить» ситуацию с наметившимся восстановлением влияния Москвы и, как тогда казалось в Вашингтоне, временным отсутствием достаточных собственных рычагов влияния и реальных политических сил, на которые можно было бы опереться при продвижении в этот важный регион. Но уже тогда американским политологам и военным аналитикам была очевидна значительная ценность и «геополитическая центральность ЦА (просьба извинить за тавтологию) и направлений, расходящихся из нее, как стрелы, во все уголки жизненно важного региона, каким является Азия, и сопредельных районов»¹³. Дело оставалось за временем, случаем и волей. Все это не заставило себя долго ждать.

¹¹ В 2003 г. признано в России террористической организацией. – *Прим. ред.*

¹² US Government FY 1992 – FY 2003 Budgeted Security Assistance to Central Asia, Freedom Support Act, And Agency Budgets. State Department, Coordinator of US Assistance to the New Independent States. P. 6.

¹³ *Smith Dianne*. Op. cit. P. 24.

*Администрация Дж. Буша-мл.:
пересмотр внешнеполитических приоритетов
и методов проведения стратегической линии*

Приход республиканцев к власти в 2001 г. был на первом этапе недооценен большинством политических аналитиков. Учитывая присутствие в новой администрации многих влиятельных деятелей из прошлой республиканской администрации Дж. Буша-ст., считали, что во внешней и оборонной политике США будет иметь место в основном преемственность и возвращение к тем постулатам и концепциям, которые преобладали при Буше-отце. Однако эти предположения не учитывали многих обстоятельств. Правящая группировка республиканцев за восемь лет отсутствия во власти провела всесторонний анализ сложившейся после крушения СССР мировой ситуации и пришла к выводу о том, что настала эпоха почти безраздельного доминирования Соединенных Штатов. Известный американский журналист Дж. Манн пишет, что надежды на преемственность курса не оправдались. «С самых первых месяцев у власти новая команда Буша по внешней политике дала понять, что будет вести дела с остальным миром по-новому. Сам стиль ее поведения с первых шагов отличался от того, что было при прошлой республиканской администрации... Она проявила откровенный скептицизм относительно ценности многих международных соглашений и договоров, утверждая, что они не в интересах Америки»¹⁴.

В 2001–2002 гг. администрация Буша вбросила в международный оборот целый пакет заранее подготовленных новых идей и доктрин, которые были очевидным отходом от стратегии США в прошлые годы. По существу, в это время администрация в Вашингтоне заявила остальному миру, что она, по большому счету, не собирается придерживаться политики сдерживания и разрядки и будет в глобальном масштабе реализовывать свое неоспоримое стратегическое и военное преимущество везде, где сочтет необходимым. США готовы пойти даже на осознанную дестабилизацию обстановки по своему усмотрению, в том числе

¹⁴ Mann James. Rise of the Vulcans. Viking Penguin, 2004. P. XII.

и путем нанесения упреждающего удара (*Preemptive Attack*). Как известно, такое не заставило себя долго ждать. Особую роль в морально-политическом утверждении «доктрины Буша-мл.» сыграли трагические события 11 сентября 2001 г., связанные с уничтожением террористами башен-близнецов Международного торгового центра. По мнению некоторых аналитиков, это было выражением столкновения «лоб в лоб» глобального напора американского могущества и не менее глобальных намерений религиозно-экстремистских сил мусульманского мира, подпитанных безнадежно запущенными социальными проблемами в «третьем мире», за влияние в ряде важнейших регионов планеты.

Используя широкую солидарность с американским народом, возникшую после небывалых террористических актов в сентябре 2001 г., администрация Буша начала «войну с мировым терроризмом», которая оказалась весьма своевременным подспорьем, предоставленным международным терроризмом для реализации основных постулатов, выдвинутых Вашингтоном подходов к решению острых мировых проблем. Ставка была сделана на силовые методы борьбы с терроризмом и, как сопутствующее, на развитие и усиление влияния в ключевых районах мира, в том числе и ранее недоступных для военно-стратегического присутствия США. Именно в этот момент и в этих обстоятельствах удалось совершить администрации США, при молчаливом согласии Москвы, как представляется, временный геостратегический прорыв в регион Центральной Азии, который в принципе был задуман еще до событий сентября 2001 г.

США начали и продолжают вести войны в Афганистане и Ираке, которые потребовали концентрации в этих странах и прилегающих регионах значительных воинских подразделений и сил ВВС и ВМС, заключения разного рода соглашений и договоренностей, связанных с базированием и доступом, а также с использованием воздушного и морского пространства многих государств. Как отмечает директор Института стратегических исследований Военного колледжа армии США Д. Лавлас, «американские военные разместили свои силы в регионах Центральной Азии и Кавказа, т.е. в тех районах, где присутствие еще не так давно не могло даже присниться». Таким образом, «Транскаспийское пространство» по многим причинам, и не только в свя-

зи с энергетическим фактором стало зоной стратегического значения для США¹⁵. В первые полгода своего пребывания у власти администрация Буша по инерции еще сохраняла основные элементы подходов клинтоновской концепции (политические и экономические реформы, региональная безопасность), но уже к концу 2000 г. и в администрации Буша, и в Конгрессе США усилилось чувство разочарования отсутствием прогресса в направлении демократизации по-американски во всех центрально-азиатских государствах, особенно в Киргизии, в которую в этом плане были вложены большие усилия, а также в Узбекистане, чей «портфель» нарушений в области прав человека всегда представлялся большинству американских политиков неприемлемым.

В конце 2001 г. в Сенате США был создан новый Подкомитет по делам Центральной Азии при Комиссии по иностранным делам, что само по себе подчеркнуло резко возросшее значение, которое Вашингтон стал придавать региону ЦА после террористической атаки в Нью-Йорке. Фактически борьба с терроризмом привела к ускоренной реализации задуманных ранее драматических изменений в американской внешней политике. Можно говорить, что международные террористы опередили Буша и нанесли неожиданный удар по самой американской территории, в то время как борьбу с терроризмом, видимо, изначально собирались вести на чужой территории. Выступая 13 декабря 2001 г. во вновь созданном Подкомитете, тогдашний заместитель госсекретаря США Э. Джоунс (дочь вице-президента США Д. Чейни) уже следующим образом сформулировала долгосрочные интересы Вашингтона в ЦА: «Первое – предотвращение распространения терроризма; второе – оказание странам ЦА помощи в деле проведения экономических и политических реформ; третье – обеспечение безопасного и транспарентного развития каспийских энергетических ресурсов». Такая постановка приоритетов, как мы видим, уже существенно отличалась от, как считалось, беззубой клинтоновской модели. Быстро определена и ключевая страна, на которой сосредоточились основные американские усилия. Ею стал Узбекистан. Уже в 2001 г. Ташкент получил для активизации своего участия в антитеррорис-

¹⁵ Blank Stephen. Op. cit. P. III.

тической деятельности дополнительно 25 млн долл. По линии финансирования иностранных военных (*Foreign Military Financing*) – 18 млн долл. на цели нераспространения, антитерроризма и разминирования и 40,5 млн долл. – из фондов «Поддержки свободы»¹⁶. Правда, Конгресс несколько подпортил игру администрации Буша, потребовав от Госдепартамента каждые полгода сообщать о результатах использования Узбекистаном американской военной помощи и о нарушениях прав человека, превратив последнее требование в инструмент давления как на Узбекистан, так и на саму администрацию Буша. (Правда, надо сказать, что идеологически администрация Клинтона и здесь явилась первооткрывателем, договорившись с Ташкентом о создании в 1998 г. американо-узбекской двухсторонней комиссии по борьбе с террористической сетью У. бен Ладена.) Малая польза от этого мероприятия выявилась в сентябре 2001 г.

*Концепция «революции в военных делах»
и ее влияние на политику США в Центральной Азии*

Среди основополагающих принципов выражения американских интересов в сфере безопасности в регионе Центральной Азии имеется «предотвращение враждебного доминирования в ключевых районах и поддержание стабильного баланса сил; обеспечение доступа на ключевые рынки и к стратегическим ресурсам; противодействие появлению угрозы с территорий слабых (!) государств; сохранение коалиций и, наконец, готовность к вмешательству в случае неожиданных кризисов»¹⁷.

Особо хотелось бы отметить, что известный установочный документ Пентагона уже при администрации Буша – *Quadrennial Defense Review* – (октябрь 2001 г.) провозглашает важную принципиальную задачу, которая определила курс последующих действий Пентагона в Центральной Азии. Была поставлена задача постоянной готовности сил «передового сосредоточения» для различных чрезвычайных ситуаций по всему миру и расширения базирования за пределами Западной Европы и Северо-

¹⁶ *Wishnick Elisabeth*. Growing US Security Interests in Central Asia // University Press of the Pacific. Oct. 2002. P. 6.

¹⁷ *Ibid*.

Восточной Азии и получения временного доступа к объектам в тех районах, где у США нет баз¹⁸. Была сделана ставка на перевод военной машины на новые технологии и адаптацию имеющегося потенциала к изменяющемуся стратегическому окружению. Как известно, мышление военных и политиков нынешней администрации стали определять две модные концепции, одна из них – революция в военных делах (*Revolution in Military Affairs*), согласно которой американские вооруженные силы могут быть размещены в любой точке мира и могут быть должным образом оптимизированы способностью глобального проецирования мощи. В этой связи новые театры применения ВС – такие как Центральная Азия – приобретают для Америки значительное стратегическое значение. Параллельно, согласно *Revolution in Strategic Affairs*, идеи военных нашли политическую поддержку, так как ЦА была определена потенциальным театром стратегических операций. Это уже заявка на долгосрочное и одностороннее доминирование в данном регионе¹⁹.

В результате военное присутствие США в ЦА и на Кавказе резко возросло, были получены возможности для временного передового базирования в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, доступ в воздушное пространство и ограниченное использование баз в Казахстане и даже в Туркмении. Появилась также возможность начать создание коалиций путем направления высокопоставленных миссий в ЦА. Свою роль стали играть такие направления, как обмен разведывательной информацией и координация действий с *Сенткомом* ВС США, в чью зону ответственности Центральная Азия теперь прочно вошла. В контексте этих усилий были получены права на базирование на узбекской базе ВВС Карши-Ханабад (по американскому сокращению – «база К-2»), но при условии, что она не будет вовлечена в размещение наземных войск, предназначенных для вторжения в Афганистан. Однако с самого начала это условие не было выполнено, о чем повествует в своей книге главнокомандующий *Сенткома* ВС США генерал Т. Фрэнкс: «Что прошло не отмеченным во время совместной пресс-конференции Д. Рамсфелда и И.А. Каримова (речь идет о встрече в марте 2002 г.), это то, что

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Blank Stephen. Op. cit. P. V.

узбекский президент согласился на размещение на узбекских военных базах американских сил для проведения специальных операций. Президент обещал свою поддержку коалиционным усилиям, но он нуждался в защите от критики внутри страны. Но даже в тот момент, когда Каримов вместе с Рамсфелдом делал заявление о готовности своей страны способствовать гуманитарной поддержке, подразделения сил специального назначения полковника Дж. Муллоланда были уже хорошо укрыты в Узбекистане и развертывали на *K-2 Task Force Dagger*, готовясь к переброске ее в лагеря Северного альянса»²⁰. Мы не против подобного рода операций в борьбе против террористов, но сама ситуация скрытности действий от других союзников заставляет задумываться об искренности и истинных замыслах партнера.

События с американским проникновением в ЦА по военной линии развивались стремительно. Кроме Узбекистана, 5 декабря 2001 г. Госдепартамент США подписал соглашение с киргизской стороной о доступе к военным базам на территории последней, что позволило американским ВС использовать аэропорт *Манас*, который они для внутреннего потребления сразу переименовали в авиабазу им. Петера Ганси (шеф пожарной службы Нью-Йорка, погибший при атаке террористов на башни Всемирного торгового центра). Поначалу права базирования были предоставлены на один год, затем продлены еще на один год, а затем 5 июня 2003 г. Киргизия приняла на себя обязательство продлить права базирования еще на три года. (Ценой огромных дипломатических усилий К. Райс после свержения А.А. Акаева²¹ удалось сохранить базу за ВС США.)

Ганси – весьма активно работающая база, на которой находятся в общей сложности 1300 американцев и южнокорейцев, которыми, судя по всему, Акаев хотел несколько смягчить неблагоприятное впечатление, возникшее в Москве и Пекине. Важным является то обстоятельство, что на базе получили работу около 300 киргизов, значение чего в условиях огромной безработицы в стране нельзя преуменьшать.

²⁰ *Franks Tommy*. American Soldier. New York: Regan Books, 2004. P. 286.

²¹ Аскар Акаев – советский и киргизский государственный и политический деятель, первый президент Киргизской Республики (1991–2005). В 2005 г. был свергнут в результате т.н. «тюльпановой революции». – *Прим.ред.*

14 мая 2002 г. Киргизия прикомандировала к *Сенткому* США пять военных представителей. Расчет Акаева, по-видимому, был и на то, что заинтересованность США в базе Ганси стимулирует американскую готовность в поддержке его режима против «оранжевых революций» и что американцы помогут сдержать оппозиционеров из *Хизб-ут-Тахрир* (ХТ) (с опорными городами Ош и Джелалабад), которые и возглавили в скором будущем выступления, приведшие к уходу Акаева.

Пожалуй, президент Акаев не обратил внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, в отличие, например, от Германии США отказываются от внесения ХТ в лист запрещенных экстремистских организаций. (Говорят, это было сделано в противовес Шанхайской организации сотрудничества – ШОС.) Во-вторых, даже лидер Исламской партии Таджикистана, ныне заместитель премьер-министра этой страны, Х.А. Тураджонзода утверждает, что *Хизб-ут-Тахрир* рассматривается и США, и большинством стран Запада, прежде всего Великобританией, как некий инструмент для инициирования процессов «демократического перелицовывания» Центральной Азии, поскольку других сил, способных к организации массовых выступлений против правящих элит региона, пока нет²². Это стало очевидным, когда при проведении в рамках Совета Россия–НАТО совместного исследования о террористических угрозах для ЦА представители Великобритании упорно выводили *Хизб-ут-Тахрир* за скобки анализа²³. Но, видимо, руководители других стран ЦА оказываются несколько прозорливее Акаева и делают необходимые поправки на возможные конечные цели американской стратегии в регионе. В конце концов, почти все они вышли из элиты советского времени и по определению не могут пользоваться доверием Вашингтона в контексте осуществляемой «Революции в стратегических делах».

10 июля 2002 г. США и Казахстан подписали меморандум о взаимопонимании относительно использования аэропорта Алма-Аты в чрезвычайных ситуациях, когда по погодным условиям киргизский *Манас*, он же *Ганси*, не сможет принимать американские самолеты. Казахстан также предоставил права

²² Материалы из личного архива автора.

²³ Там же.

пролета через казахстанское воздушное пространство, а также транспортировку через свою территорию грузов, направляемых в Узбекистан и Киргизию. В целом речь пока не идет о возможности временного размещения в Казахстане американских военных подразделений. Американцы существенно увеличили свою помощь Астане в обучении казахстанских военных и поставляют им некоторые виды оборудования. Астана прикомандировала к штабу *Сенткома* своих представителей и направила небольшой контингент военнослужащих в Ирак.

Казахстан привлекает внимание американских политиков и военных не только потому, что к 2010 г., по словам президента Назарбаева, страна ежедневно станет производить 1,5 млн барр. нефти в день. Речь идет о Каспии, где США вылезались «в целях улучшения структуры национальной безопасности» обновить военно-морскую базу Атурау. (Более крупная работа по возможному обустройству мобильных сил США идет в Азербайджане. Примечательно, что заместитель госсекретаря США Кеннеди достаточно откровенно высказалась совсем в духе концепции «Революции в стратегических делах»: «США не заинтересованы в стационарных базах в Азербайджане для размещения своих сил. Другое дело, что в рамках *Реконфигурации военного присутствия за рубежом* стоит вопрос для США о доступе в кризисных ситуациях к соответствующим объектам инфраструктуры». И такие объекты на азербайджанской территории уже определены.)

Видимо, в процессе сепаратных переговоров с Казахстаном и Азербайджаном и родился у Пентагона неафишируемый проект «Каспийская стража», основная цель которого предусматривает усилиями трех стран контролировать морские пространства Каспийского моря для перехвата «подозрительных грузов», прежде всего имеющих значение с точки зрения распространения ОМУ. В принципе, нельзя отрицать, что формально цель благородна и актуальна. Непонятно только, почему это делается за спиной России, роль и влияние которой в каспийских делах нельзя переоценить, почему вместо общекаспийского взаимодействия на многосторонней основе, в котором участвовали бы посылно все государства акватории Каспия, вопросы такой важности решаются келейно державой, не принадлежащей к этому региону. А в случае возникновения по-настоящему кризисной ситуации вокруг другого, не участвующего в «Каспийской страже» госу-

дарства, каким, например, является Иран, возникают еще более серьезные вопросы. Напрашивается догадка о том, кто и зачем мешает реализации российской идеи о создании военно-морской группы оперативного взаимодействия «Касфор», в которой, кстати, учтены и американские озабоченности.

На «круглом столе» в середине ноября 2005 г. в пресс-клубе «Восток» в РИА «Новости» генеральный секретарь Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Н.Н. Бордюжа высказал некоторое недоумение по поводу планов создания узкой организации типа «Каспийская стража», как и вообще по поводу конечной цели всего замысла постоянного доступа на военные объекты. Но это одна из нарастающих проблем в политическом взаимодействии в регионе – проявление узконационального эгоистического видения решения важных общерегиональных задач и отход от поиска совместных ответов на возникающие вызовы. А ведь Россия присоединилась к провозглашенной США в 2003 г. *Инициативе в области распространения (ИБОР)*, проявляет интерес к взаимодействию в этом «процессе».

В свою очередь, Таджикистан также разрешил Пентагону (а затем и французским военным) использовать аэропорт Душанбе в экстренных случаях и для дозаправки самолетов. Кроме того, американцам предоставлены права пролета в воздушном пространстве страны. С марта 2003 г. американцы вовлекли Таджикистан в обучение военнослужащих новой афганской армии.

В годовом докладе министра обороны Д. Рамсфелда Конгрессу США «Стратегия национальной безопасности» за 2002 г. говорится: «Невозможно защититься от каждой угрозы, в каждом отдельно взятом месте и в каждый отдельно взятый момент. Единственная защита – это перенести войну на территорию противника. Лучшая оборона – нападение»²⁴. Делается официальный вывод о приемлемости для предупреждающей, превентивной стратегии. Утверждается, что «плотность возможностей для базирования войск США и их путей сообщения в Азии ниже, чем в любом другом критическом регионе»²⁵. Отсюда делается вывод, что американским приоритетом должен стать

²⁴ 2002 Annual Report to the President and Congress by the Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld. P. 30. URL: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/04secdef.pdf>

²⁵ Ibid. P. 12.

доступ на дополнительные базы, подписание соглашений по созданию инфраструктуры и развитие новых форм сотрудничества в области безопасности.

Во многом вышеуказанные соглашения и договоренности со странами ЦА были опережающим отражением этих подходов. Американские военные признают, что военные ресурсы США в связи с боевыми действиями в Ираке и Афганистане весьма напряжены, но начальник штаба сухопутных войск США генерал Шумейкер подчеркивает, что в этих условиях ключевой задачей становится «стратегическая подвижность». Доступ США на базы и временные пункты базирования в ЦА позволяет американским силам быстро реагировать в случае террористических угроз и *других кризисов в регионе*. Опыт операций в Афганистане и Ираке дал хороший урок – все надо делать быстро. Такой вывод сделал Д. Рамсфелд уже в докладе Конгрессу в 2003 г.²⁶

Высказывания американских деятелей, приведенные выше, содержат много неясных моментов, и думается, что Россия как стратегический партнер США в борьбе с терроризмом вправе настаивать на пояснении хотя бы того, что имеется в виду под «другими кризисами» в регионе. Но смущает другое. Когда говорят о быстроте действий, то не может ли получиться так, что страны ЦА и Россия и оглянуться не успеют, как будут втянуты в очередную американскую «битву со злом»? Показательно в этом смысле заявление заместителя министра обороны США Д. Фейта: «Военные конфликты в период после холодной войны требуют быстрой реакции и размещения, поскольку войска передового базирования вряд ли будут сражаться там, где они размещены».

Приводя пример войны в Афганистане как пример глобального проецирования военной мощи, Фейт высоко оценил то, как подразделения ВС США с баз в Европе и Азии использовали Центральную Азию в качестве плацдарма для проведения операции «Несокрушимая свобода»²⁷. В дальнейшем поиск наиболее выгодных вариантов военного присутствия США в ЦА при-

²⁶ 2003 Secretary of Defense Annual Report to the President and Congress. P. 8. URL: http://www.defenselink.mil/execsec/adr2003/adr2003_toc.html

²⁷ Transforming the US Global Defense Posture. Speech by Undersecretary for Policy Douglas J. Feith // Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C. Dec. 3. 2003.

вел к выводу, что здесь необходимо применять эффективную стратегию, основывающуюся на многоаспектных военных замыслах и хорошем межведомственном взаимодействии.

Становится очевидным, что, кроме полномасштабного взаимодействия с правительствами и вооруженными силами по обе стороны Каспийского моря, Вашингтону во что бы то ни стало надо добиваться так называемых «передовых операционных пунктов» – *Forward Operating Locations* (FOL). Искания американских стратегов пока завершились на том, что было озвучено президентом Дж. Бушем в августе 2004 г. при представлении так называемых *Global Posture Review* – своего рода декларации о глобальных стратегических намерениях: вместо получения постоянных баз, в том числе и в зоне Транскаспия, США будут добиваться «постоянного доступа» на нужные им объекты в регионе. Во-первых, это важное изменение по сравнению с ранее упоминавшимся «временным доступом в случае чрезвычайной ситуации», а во-вторых, завесой неопределенности покрыто, что имеется в виду под «постоянным доступом».

Впрочем, такой подход администрации США разделяется далеко не всеми в американском Конгрессе и политологическом сообществе. Ряд влиятельных деятелей считают, что по завершении афганской операции США необходимо будет уйти из ЦА, ограничившись политическими договоренностями о сотрудничестве на случай чрезвычайных ситуаций – и не только со странами региона, но и с Россией и Китаем. Но таких осмотрительных людей подавляющее меньшинство. Другая влиятельная группа деятелей идет дальше: они утверждают, что нынешняя линия Вашингтона приведет к большому ослаблению отношений и позиций США в Турции, союз с которой имеет несравненно большее значение для Запада, чем Центральная Азия.

Революция в стратегических подходах

Военная интервенция США в Ираке серьезно осложнила восприятие официально заявленных Вашингтоном целей расширения своего присутствия в ЦА, особенно среди городского населения и среди правящих элит всех стран региона за исключением Узбекистана. Правительства стран региона были озабочены тем, что их военное сотрудничество с США может вовлечь их в противо-

стояние с исламистами и несвоевременно обострить внутреннюю напряженность. С другой стороны, большинство правительств стран ЦА воспользовались американской войной в Ираке для того, чтобы еще больше придавить внутреннюю политическую оппозицию и деятельность исламистских сил. То есть произошло нечто прямо противоположное заявленным американцами целям их политики в ЦА.

На фоне того, что в пересчете на душу населения в ЦА уровень американской экономической помощи составил всего 53 американских цента, стало ясно, что у Вашингтона мало шансов достичь поставленных целей. При опросах жителей Казахстана 83,5% респондентов высказались против войны в Ираке, 66% жителей Киргизии выступили за нейтральную позицию в этом вопросе. Еще более интересный результат был получен на вопрос о том, поможет ли война в Ираке укреплению стабильности Центральной Азии. Среди опрошенных 46% в Казахстане, 42% в Киргизии и 31% в Таджикистане заявили, что война в Ираке не приведет к улучшению региональной стабильности в Центральной Азии²⁸. В Казахстане 77% опрошенных выступили против командирования своих военных в Ирак. Характерно, что наиболее прочные в тот период симпатии к американской интервенции обнаружили в Узбекистане, государстве, которое впоследствии первым закрыло американскую базу К-2, служившую фактически витриной новой американской «Революции в военных делах».

Главным выводом *Революции в стратегических подходах*, как это следует из заключений американских политологов, является то, что «в мире по определению не существует нестратегических регионов, откуда не исходила бы угроза жизненно важным интересам США»²⁹. Шеф Пентагона Д. Рамсфелд любит повторять, что очень важно, чтобы ВС США располагались в таких местах, где в них «есть нужда, где они приветствуются и где их присутствие желаемо»³⁰. Слов нет, формула, идеалистически вдохновляющая по сравнению с имеющейся практикой. Выше

²⁸ Opinion Analysis, M-94-03. Office of Research, U.S. Department of State. Aug. 7. 2003. P. 3.

²⁹ Blank Stephen. Op. cit. P. VI.

³⁰ Ibid. P. 1.

мы уже привели пример быстрого разочарования в этой лукавой формуле в Узбекистане.

Сфокусированность американской политики на антитеррористическом аспекте в двухсторонних отношениях с пятью центральноазиатскими государствами, по мнению ведущих американских аналитиков, сталкивается с концептуальной трудностью. При всей своей разрекламированности политика США фактически не затрагивает интересов безопасности подавляющего количества населения ЦА, проблемы же, как отмечает Комиссия ООН по гуманитарной безопасности, в этом регионе возникают в результате переплетения угроз политического, экономического, социального, военного и природоохранного характера. По мнению американских аналитиков, стратегический подход Вашингтона к ЦА носит узкий и достаточно эгоистический характер, и в нем мало учитываются реалии взаимосвязей стран региона между собой, со своими соседями, с близлежащими регионами, такими как Кавказ, Южная Азия, Иран, Турция и др. При этом большинство этих аналитиков тщательно обходят упоминанием Россию и сложившиеся в ЦА механизмы сотрудничества во всех областях, включая обеспечение безопасности.

Надо сказать, что такой примитивный подход, пожалуй, ярче всего проявился в опубликованной летом 2005 г. в журнале «Россия в глобальной политике» статье небезызвестного, близкого к Госдепартаменту США политолога Ф. Старра³¹. Он считает, что стратегически Соединенные Штаты должны сделать важный шаг вперед к утверждению своего влияния в ЦА. При этом Старр довольно необъективно и даже произвольно интерпретирует положение, сложившееся в Афганистане, находясь в своего рода эйфорическом ажиотаже от американских успехов. Вот что пишет Старр: «Главная цель Соединенных Штатов – разгром движения “Талибан” – достигнута. (А мы-то по наивности полагали, что главная цель – разгром терроризма «Аль-Каиды»³²! – Прим. авт.) Многие лидеры ЦА начинают вести двойную игру, опасаясь, что внимание США вскоре будет переключено на какие-то другие объекты. Мало кто из американских политиков отдает себе отчет в том, что недавние успехи

³¹ Старр Ф. Указ. соч. С. 72–87.

³² В 2003 г. признана в России террористической организацией. – Прим. авт.

США в Афганистане открывают огромные возможности не только для самого Афганистана, но и для всей Центральной Азии»³³. Здесь мы прервем цитирование г-на Старра и посмотрим, так ли все замечательно в этом самом Афганистане?

Заявления о стабилизации и нормализации обстановки в Афганистане после выборов в Лойя-джиргу³⁴, которые американскими официальными лицами и политологами типа Старра подаются как большой успех так называемой демократизации и убедительный пример для подражания странам ЦА, вряд ли могут быть приняты сколько-нибудь серьезными специалистами. Особенно это опровергается статистикой военных потерь американского экспедиционного корпуса. Если в 2001 г., т.е. в начале операции против талибов, погибло всего 12 американцев (имеются в виду военные потери), то после полной победы над талибами, по неполным данным за 2005 г., было убито уже 95 американских военнослужащих. Количество раненых исчисляется многими сотнями³⁵. (Что, конечно, по сравнению с Ираком, намного меньше, однако вряд ли это может служить утешением.)

Но дело не только в этом. Фактически при наличии многотысячного корпуса солдат США и еще более многотысячного корпуса солдат НАТО кабульские власти продолжают не контролировать ситуацию в стране. На местах командуют полевые командиры, а часть страны фактически сохраняет приверженность талибам. И это подается Старром как образец для подражания светским властям ЦА! Думается, что надо быть совсем местечковым, или, как говорят в России, «квасным» патриотом, чтобы выступать с таких позиций.

Теперь несколько слов о проведенных под защитой иностранных штыков парламентских и президентских выборах. Даже по признанию *Human Rights Watch*, в процессе голосования на выборах в парламент избиратели подвергались тем же притеснениям со стороны талибов, полевых командиров и местных властей, что и на президентских выборах 2004 г., и участие составило

³³ Menon Rajan. The New Great Game In Central Asia // Survival. 2003. No. 2. P. 201.

³⁴ Лойя-джирга (*пушт.* «большой совет») – всеафганский совет старейшин, нерегулярно созываемый для решения кризисных ситуаций. – *Прим. ред.*

³⁵ Operation Enduring Freedom: US Fatalities / Режим доступа: <http://icasualties.org/OEF> (дата обращения: 22.12.2022).

не более 35%. Кабульская газета «Ирада» писала по результатам выборов в сентябре 2005 г., что такие выборы вызывают еще большую озабоченность, чем президентские выборы 2004 г. Российская телекомпания НТВ сообщила 19 сентября 2005 г., что многие политики в Афганистане эти выборы считают не чем иным, как фарсом с возможными трагическими последствиями, так как здесь был задействован большой административный ресурс³⁶.

Мы далеки от мысли, что такой видный политолог, как Ф. Старр, не понимает ущербности своих утверждений насчет больших достижений США в Афганистане. Здесь задача совсем другая. В политических кругах США в последнее время стали остро ощущать потерю стратегического темпа в ЦА, что произошло в результате просчетов и непоследовательности стратегической линии, рассчитанной на односторонние действия в регионе, а также вследствие неготовности к взаимодействию с другими важными игроками на этом пространстве, к совместным действиям в рамках уже возникших в регионе межгосударственных организаций и механизмов. Необходим новый крупный стратегический ход, но начинать его можно только на более контролируемой США и их союзниками территории. Таким в стратегическом пространстве вокруг ЦА можно считать только Афганистан. Именно поэтому Афганистан необходимо срочно ввести в геостратегический контекст, присоединить его к Центральной Азии (или ЦА к нему) и создать региональный форум «Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА)». Задача нового форума будет состоять в планировании, координации и осуществлении целого ряда программ, разработанных в США³⁷. Штаб-квартиру предлагаемого нового форума, естественно, для начала следует разместить именно в Кабуле.

Мы не будем детально излагать весь пакет предлагаемых Старром мероприятий по контролю над всеми сторонами возможной деятельности в рамках нового форума. Опять отчетливо провозглашается односторонняя линия на преобладание США и, в представлении Старра, максимум, на что могут рассчиты-

³⁶ НТВ. 19 сентября 2005 г.

³⁷ Старр Ф. Указ. соч. С. 72–87.

вать Россия и Китай, – это статус наблюдателей, если они не станут донорами. Старр прекрасно понимает, что Россия и Китай будут воспринимать ПБЦА как инструмент осуществления долгосрочных интересов и присутствия США в регионе и поэтому могут возражать против реализации ПБЦА. По-видимому, многие американские эксперты выдают желаемое за возможное, когда пишут, что народы ЦА «смотрят на усиление присутствия США скорее с благодарностью и надеждой». Вероятно, это большое заблуждение, которое может привести к краху. В 2002 г., на пике американской популярности в ЦА, при опросе общественного мнения на вопрос, кому они доверяют больше всего в решении их проблем, 92% респондентов в Киргизии, 80% в Узбекистане и 76% в Казахстане ответили, что больше всех они доверяют России. США оказались вообще на третьем месте. А тут еще известный американский специалист Дж. Голт дает такую тревожную картину ситуации: «Нападение на Ирак привело к разрушению старой структуры энергетической безопасности на Ближнем Востоке. Даже американская оккупация не может защитить нефтяные объекты от саботажа. Выяснилось, что США, завязшие в Афганистане и Ираке, могут оказаться не в состоянии прийти на помощь другому режиму. Выяснилось также, что администрация Буша собирается проводить (на Ближнем Востоке. – Прим. авт.) процесс “демократизации за счет авторитарных режимов”, на которые пока опирается»³⁸. Это, конечно, не прошло мимо внимания правящих элит ЦА.

В данной публикации мы сознательно не касаемся подробно присутствия блока НАТО, который в затянувшемся поиске *raison d'être* своего существования ухватился за события в Афганистане как за посланную судьбой возможность показать свою полезность для мирового сообщества, а заодно и крупно расширить географическую зону ответственности альянса. Мы все знаем об «атлантической солидарности», и поэтому присутствие НАТО в регионе является существенным подспорьем для Вашингтона в его устремлениях, что бы там ни говорили руководители блока. И поэтому вопрос, заданный на последнем заседании Шанхай-

³⁸ Gault John. Has Iraq Helped America's Energy Security? / International Herald Tribune. Dec. 14. 2005. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2005/12/14/opinion/has-iraq-helped-americas-energy-security.html> (дата обращения: 22.12.2022).

ской организации сотрудничества о сроках пребывания американских и других иностранных баз на территории стран ЦА, является, по меньшей мере, уместным и не отражает чьих-то происков против Запада.

А что же Россия?

Надо сказать, что в России палитра мнений о положении в ЦА куда более разнообразна, чем в демократической Америке. Не является задачей этой публикации описывать все имеющиеся взгляды. Но нужно отметить, что принцип многовекторности российской внешней политики устоялся, и это позитивно сказалось и на отношении к делам Центральной Азии. Не говоря уже о важности решений казанского саммита СНГ, по общему мнению ответственных аналитиков, Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) становится по-настоящему «интеграционным ядром» в сфере региональной безопасности.

Возникает законный вопрос: не стоит ли нашим американским и западноевропейским партнерам вместо того, чтобы разрабатывать планы построения в регионе параллельных структур в сфере безопасности, войти в сотрудничество с уже действующими, сложившимися механизмами общерегионального плана – такими как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и ОДКБ? ШОС идет именно по этому пути, внося вклад в региональную стабильность. Ведь в таком сложном и хрупком во многих отношениях районе, каким является ЦА, региональная безопасность неделима. Тот, кто пытается ломиться в открытую дверь со своим «уставом», вряд ли до конца понимает, какие последствия это может вызвать. По этой же причине крайне опасны любые искусственные попытки переноса на центральноазиатскую почву проблем и нестабильности, а также методов их преодоления, применяемых в Афганистане.

Страны ЦА по всем гуманитарным показателям, а также организации общества стоят на голову выше этой страны. Тем более, что министр иностранных дел России С.В. Лавров, на наш взгляд, дал исключительно гибкую и конструктивную формулу возможного сотрудничества: «С позиций заинтересованности в реальной стабилизации региона мы подходили и к оценке роли наших европейских и других партнеров на пространстве СНГ.

Мы готовы признать здесь их интересы в той мере, в которой будут учитываться наши интересы. В любом случае, пространство СНГ не должно быть полем деструктивного соперничества, любая деятельность здесь вне региональных сил должна быть транспарентной и понятной. Для нас неприемлемы любые «скрытые повестки дня», тем более действия, направленные на дестабилизацию обстановки в нашем ближайшем окружении»³⁹.

Конечно, между странами в оценке ситуации, в том числе и в ЦА, есть и будут расхождения и даже противоречия, но сейчас весьма необходим постоянный диалог, а взаимодействие реально возможно только на совместной оценке угроз и совместном принятии решений, особенно по практическим действиям. Тогда только может произойти действительный поворот в сторону эффективного партнерства в области безопасности, о котором так любят много говорить на Западе, но так мало делают.

³⁹ Лавров С.В. Внешнеполитические итоги 2005 года: размышления и выводы. Статья министра иностранных дел РФ для «Дипломатического Ежегодника-2005». / Министерство иностранных дел РФ. 5 декабря 2005 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1660625/ (дата обращения: 22.12.2022).

Разоружение Ирака¹ (2005)

Рецензия на книгу Ханса Бликса: Hans Blix. Disarming Iraq. New York: Pantheon Books, 2004. 285 p.

В 2004 г. на Западе вышло несколько очень интересных книг, посвященных крупнейшему международному кризису – иракской войне США и Великобритании. Последствия этого события до сих пор сотрясают как сам Ирак, так и внутривосточную жизнь основных игроков этой драмы. Достаточно сказать, что президент США Дж. Буш в интервью газете *New York Times* 27 августа 2004 г. вынужден был признать, что он неверно оценил обстановку в Ираке после вторжения сил так называемой коалиции, которые пренебрегли мнением мирового сообщества и нормами международного права и фактически поставили себя на одну доску с иракским диктатором.

Иракский кризис и события, предшествовавшие ему, еще долгие годы будут объектом глубокого исследования дипломатов, политиков и специалистов в области международных отношений. И в этом деле бесценную помощь окажет им последняя книга известного шведского дипломата, человека объективного и весьма щепетильного, возглавлявшего по поручению международного сообщества крайне ответственную миссию по инспекциям и разоружению Ирака перед самым нападением США и их многочисленных союзников. В самом прямом смысле Х. Бликс, несмотря на свой возраст, долгое время находился в центре нарастающего урагана, который не только смел С. Хусейна и его режим, но и решительно изменил многие наши представления о добре и зле.

¹ Впервые опубликовано: *Ядерный Контроль*. 2005. № 1 (75). Т. 11. С. 177–180.

Х. Бликс не был новичком в вопросе об инспекциях по проблемам оружия массового уничтожения в Ираке, когда с 1 марта 2000 г. приступил к исполнению обязанностей руководителя вновь созданной комиссии ООН по Ираку *United Nations Monitoring Verification and Inspection Commission* (UNMOVIC). Будучи в течение 16 лет главой МАГАТЭ, Х. Бликс плотно сотрудничал с предшественницей UNMOVIC – Спецкомиссией ООН по Ираку (UNSCOM), и надо признать, что его подчиненные под руководством Д. Перрикоса добились важных результатов в раскрытии истинных масштабов и направлений иракской ядерной программы. Таким образом, объективности и профессионализма шведу было не занимать. Отметим, что к приходу Х. Бликса деятельность ООН по выполнению резолюции СБ ООН № 687 и других решений этой международной организации зашла в тупик и в течение многих месяцев была прекращена.

На то было много причин: и откровенный саботаж ее деятельности со стороны иракского режима, и то обстоятельство, что при предшественниках Х. Бликса, Р. Экеусе² и австралийце Р. Батлере³, особенно при последнем, верификационно-инспекторский механизм ООН фактически превратился в разведывательный инструмент американских Центрального разведывательного управления (ЦРУ), Разведывательного управления Министерства обороны (РУМО) и британских разведывательных служб. Американский инспектор и одновременно ответственный сотрудник американских спецслужб С. Риттер впоследствии откровенно расскажет о полном засилье западных разведывательных организаций в процессе выполнения резолюций ООН. И решали они с самого начала задачи не столько поиска оружия массового уничтожения (ОМУ) Ирака, сколько подготовки к свержению режима С. Хусейна и установления контроля над этой богатейшей нефтяной провинцией мира. В конце концов курс на противоборство и столкновение привел к тому, что Ирак потребовал отозвать всех американских инспекторов, чья деятельность стала «походить на конкретные военные опера-

² Рольф Экеус – шведский дипломат. Занимал пост директора UNSCOM в 1991–1997 гг. – *Прим. ред.*

³ Ричард Батлер – австралийский государственный деятель и дипломат. Занимал пост директора UNSCOM в 1997–1999 гг. – *Прим. ред.*

ции» с несанкционированным применением самой совершенной разведывательной техники.

Все, кто в те годы был связан с иракской ситуацией, знают, что в одной из стран Персидского залива находился объединенный разведцентр при участии представителей спецслужб США, Великобритании и Австралии, который во многом определял и стратегию, и тактику верификационной деятельности формально международного органа. А тут еще иракцы со своей тактикой “cheat and retreat” – своего рода игрой в «политические кошки-мышки» предельно запутывали и усложняли общую ситуацию. Но ключевым моментом, и об этом пишет Х. Бликс, явилось проведение известной операции “Desert Fox” (Лис пустыни), в ходе которой свыше 100 крылатых ракет были выпущены по примерно 100 целям в Ираке. Мало того, были поражены объекты, уже находившиеся под постоянным дистанционным мониторингом Спецкомиссии.

Иракцы политически использовали этот малопродуктивный и близорукий шаг для обоснования полного прекращения инспекций. В своей книге Х. Бликс подробно рассказывает о том, как ему пришлось скрупулезно и в то же время решительно исправлять ситуацию и фактически заново планировать и организовывать работу вновь созданной Комиссии ООН. Особенно это поучительно в части, касающейся подбора и использования инспекторов:

- инспекторы должны набираться на широкой основе и после этого они зачисляются в состав международного корпуса ООН с соответствующими обязательствами и лояльностью к задачам этой международной организации. Таким образом, подразумевалось прекратить использование так называемого «gratis персонала»⁴, который преобладал за счет финансирования его содержания соответствующим правительством;
- UNMOVIC должна иметь отчетливое ооновское «лицо» и поэтому не должна управляться на расстоянии каким-либо

⁴ «Gratis персонала» подразумевает принятие в состав инспекционных групп граждан соответствующих стран (незначительного количества членов ООН), которые могут позволить себе предложить своих специалистов с полной оплатой их услуг за счет национального финансирования.

государством, и только тогда она получит должную международную легитимность;

- не должно быть никаких механизмов обмена инспекционной информацией на разведывательную;
- инспекции должны быть эффективными и могут быть весьма проникающими, но без особой на то необходимости не должны быть конфронтационными.

Неудивительно, что такой подход был разительным отходом от сложившейся практики и потребовал дополнительных кадровых решений, в результате которых был убран заместитель руководителя Комиссии американец Ч. Дюльфер. Надо обладать авторитетом и твердостью Х. Бликса, чтобы в доброжелательной и корректной форме лично осуществить эту деликатную миссию. Конечно, такие новации не понравились «большому брату», и ответные действия не заставили себя ждать. На словах основные игроки давали советы о том, что UNMOVIC должна стать неполитизированным и техническим механизмом СБ ООН, но Х. Бликс как никто другой понимал, что за кулисами идет работа по проникновению в аппарат комиссии «нужных людей» и дискредитации его линии. Первый же точный удар по «монополистам» в инспекционном процессе был нанесен по уже упоминавшейся разведывательной базе "Gateway" в Бахрейне, где представители «большого брата» неизвестно на каком основании проводили брифинги и дебрифинги⁵ инспекционных групп ООН. Ряд стран неоднократно ставил вопрос о прекращении этой практики еще перед Р. Экеусом, однако у этого шведа не хватило мужества, чтобы прекратить это безобразие. Обращает на себя внимание тот факт, что Х. Бликс провел переобучение сотрудников новой комиссии и, взяв все лучшее от предшественников, внес существенные коррективы в сам дух и манеру поведения, которой было рекомендовано следовать инспекторам.

Это, кстати, в немалой степени озадачило и обезоружило иракцев. 10 января 2002 г. Х. Бликс посетил Вашингтон, где подвергся достаточно «мягкой» обработке со стороны Р. Чейни, К. Пауэлла, К. Райс, Дж. Болтона и других высокопоставленных

⁵ Дебрифинг – последующий детальный опрос инспекторов, которые проводили брифинги по результатам их инспекционной деятельности. – *Прим. ред.*

представителей американской администрации. Но общий фон для деятельности комиссии продолжал ухудшаться. Дж. Буш объявил о борьбе с «осью зла», а иракцы устами самого С. Хусейна называли инспекции «оскорбительными» и продолжали жить в иллюзиях 2000 г., когда им удалось максимально обыграть Запад, не потеряв программы «нефть в обмен на продовольствие».

Именно в этот период небезызвестный «ястреб» нынешней администрации П. Вулфовиц попросил ЦРУ провести расследование всей деятельности Х. Бликса на посту Генерального директора МАГАТЭ между 1981 и 1997 гг. Существует мнение, что П. Вулфовиц был крайне разгневан сбалансированными выводами ЦРУ и пришел к выводу, что «новые инспекции могут торпедировать планы Министерства обороны США относительно операции по свержению С. Хусейна. Именно в этот момент начинает возникать мысль о том, что главная цель администрации Дж. Буша не столько поиск иракского ОМУ, сколько изменения государственного строя государства – члена ООН силой оружия. Но каково! Если он делает не так, как мы хотим, «тогда мы легим Вас разоблачать как ставленника враждебных делу настоящей, американской демократии сил». После этого явно с подачи таких вот демократов «чистой воды» Х. Бликс неоднократно подвергался нападкам и даже личным оскорблениям. И так действовали в отношении полностью прозападного человека.

К чести Х. Бликса, он мужественно выстоял и морально победил своих хулителей. Как известно, в апреле 2002 г. премьер-министр Т. Блэр установил планку, заявив: «Мы знаем, что С. Хусейн имеет большие запасы химического и бактериологического оружия. Мы знаем, что он пытался приобрести технологии, способные привести к созданию ОМУ».

Теперь-то мировое общественное мнение знает, что это была заведомая ложь, но тогда UNMOVIC должна была решить труднейшую задачу – в условиях обструкции иракцев, уже понявших неизбежность военного столкновения и из своих интересов проводивших крайне двусмысленную линию, – найти справедливый и точный ответ на этот животрепещущий вопрос: есть у Ирака ОМУ или нет? Как известно, ответ был найден, и не зря П. Вулфовиц был в такой ярости от назначения Х. Бликса руководителем UNMOVIC.

Иракское ОМУ не найдено до сих пор, несмотря на отчаянные попытки многих сотен инспекторов Пентагона, обшаривших всю завоеванную страну. И Р. Чейни, и Т. Блэр со своим выдвиженцем Дж. Скарлетом были посрамлены. Но, как говорила моя малограмотная бабушка, «им [...] глаза, а они говорят – божья роса». Потом пришлось придумывать и террористический след, а фактически проложить путь в Ирак в результате собственной агрессии тысячам боевиков «Аль-Каиды» и теперь бороться с ними до последнего иракца.

Якобы дело освобождения угнетенных шиитов от ига С. Хусейна кончилось уничтожением тысяч этих самых шиитов американскими войсками. А история с событиями в тюрьме Абу-Грейб⁶ и т.п.? Все это подтверждает вывод о том, что в политике, равно как и в дипломатии, одна ложь ведет к нагромождению их друг на друга и в конце концов к бесславию ее изобретателей. Отметим, что Х. Бликсу нельзя отказать в чувстве юмора. С неподражаемым скандинавским сарказмом он назвал последнюю главу своей книги: «После войны: оружие массового исчезновения» (*After War – Weapons of Mass Disappearance*).

В своей книге Х. Бликс ставит несколько важнейших вопросов. И первый из них – была ли война в Ираке неизбежна? Думается, что на этот вопрос сам Х. Бликс вряд ли мог бы дать убедительный ответ. Видимо, если бы речь шла об обычной войне, то, пожалуй, «да», ее можно было бы избежать при наличии доброй воли участников конфликта. Но речь ведь шла о давно спланированной международной агрессии, и здесь нормальные приемы и компромиссы не действуют. Вообще, чтобы найти ответ на этот вопрос, заинтересованному аналитику параллельно с книгой Х. Бликса необходимо прочитать только что вышедшие откровенные книги – знаменитого журналиста Б. Вудворда "Plan of Attack" (New York/London: Simon&Schuster, 2004. 467 p.); мемуары известного инспектора, сотрудника ЦРУ Д. Кэя, воспоминания Р. Кларка и других участников событий с американской стороны.

⁶ Абу-Грейб – тюрьма в одноименном иракском городе. После вторжения американских войск в Ирак в ней содержали иракцев, обвиняемых в преступлениях против войск Международной коалиции. В 2004 г. стало известно о массовых пытках заключенных Абу-Грейба, что вызвало международный скандал. – *Прим. авт.*

И все-таки наиболее показательны взятые Б. Вудвордом доверительные интервью с самим президентом Дж. Бушем, вице-президентом Р. Чейни, главой Пентагона Д. Рамсфелдом, К. Райс, К. Пауэллом и другими, включая ряд ответственных сотрудников американских разведслужб. Все начиналось в так называемом *Tank* – секретном бункере еще до инаугурации Дж. Буша. А уже 16 февраля 2001 г., т.е. через три недели после нее, был нанесен мощный авиационный удар по Ираку, причем о нем заранее не был оповещен даже шеф Пентагона Д. Рамсфелд. В общем, к власти в США пришла группа лиц, которая считала, что она не доделала работу по Ираку в 1990–1991 гг. в основном из-за личной слабости Дж. Буша-старшего. Теперь они «заказывали музыку», и Дж. Буш-младший был с ними.

Дело застопорилось из-за террористических атак «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. Когда же впервые был поставлен вопрос о нападении на Ирак и кто был первым «закоперщиком»? 21 ноября 2001 г. Буш потребовал варианты Пентагона по войне в Ираке, что запустило тандем Д. Рамсфелд – генерал Т. Фрэнкс. Шеф Пентагона непрерывно требовал от генерала так называемых «исходных предположений» по Ираку, создавая атмосферу надвигающейся крупной военной операции. Уже 28 декабря 2001 г. в Крауфорде, на ранчо президента в Техасе, состоялось заседание «военного кабинета» Дж. Буша, на котором Т. Фрэнкс вручил президенту бумажную копию 26 слайдов брифинга, на каждой странице которой имелся ярко-красный гриф “*Top secret. Polo step*” – раздел специальной информации для проведения военных операций. Этого всего Х. Бликс, да и не только он, не знал и продолжал честно выполнять свой долг перед мировым сообществом. А механизм агрессии был уже неотвратимо запущен.

Книга Х. Бликса, как и другие публикации, посвященные иракской ситуации, является только началом серьезного обсуждения в мировом сообществе уроков этого международного кризиса, расколовшего ведущие государства, прежде всего постоянных членов СБ ООН, по таким проблемам, как уместность и эффективность одностороннего применения силы, дозволенность использования упреждающих ударов по неразвернутому противнику, современное понимание понятия национального суверенитета и по многим другим.

Америка теряет свои «вулканы»¹ (2005)

*Рецензия на книгу Джеймса Манна: James Mann.
Rise of the Vulcans: the history of Bush's war cabinet.
New York: Viking, 2004. 425 p.*

Известный американский журналист Дж. Манн, много лет работавший в одной из ведущих газет США *Los Angeles Times*, а ныне влиятельный научный сотрудник американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), в конце 2004 г. выпустил очередную хорошо аргументированную и прекрасно написанную книгу, показывающую закулисные аспекты формирования правящих элит Америки, процессов выработки ими принципиальных подходов к определению роли США в современном мире и практическому осуществлению внешнеполитических целей. Книга Манна вызвала в США большой отклик. Подчеркивались глубина политического анализа, новизна материала – результат беспрецедентного доступа к основным действующим персонажам книги – и блестящий стиль изложения.

Главная привлекательность книги, на наш взгляд, заключается еще и в том, что она написана об активно действующих политических деятелях, продолжающих оказывать мощное влияние на развитие международной обстановки. Манн достаточно полно и убедительно раскрывает подспудные пружины политических процессов, происходящих в Вашингтоне, и дает достаточно убедительный ответ на часто задаваемый вопрос: откуда взялась внешняя политика Дж. Буша-мл., который, как известно, накануне своего прихода во власть был новичком во внешнеполити-

¹ Впервые опубликовано: *Ядерный Контроль*. 2005. № 4 (78). Т. 11. С. 143–148.

ческих делах и даже путал движение «Талибан» с названием джазового оркестра.

Теперь самое время пояснить несколько интригующее название книги Манна. Во время первой избирательной кампании на пост президента США Дж. Буша-мл. его советники по внешнеполитическим вопросам нарекли свою группу «вулканы» – в честь древнеримского бога огня. Сначала это выглядело как шутка, но прозвище прочно пристало и даже употребляется публично. По-видимому, это произошло по той причине, что такое прозвище в полной мере отражает тот дух, который внешнеполитическая группа намеренно и целенаправленно старалась довести до окружающего мира. И, забегая вперед, надо сказать, преуспела в этом. Дух этот характеризуется выражением силы, жестких подходов, способности, несмотря на любые препятствия, идти к поставленной цели, да еще долгожительством на политическом олимпе. После победы Буша-мл. на выборах эти деятели вошли на правах первых лиц в его администрацию. Нет сомнения, что «вулканы» были должным образом подготовлены для высших государственных постов, что логично вытекало из всей их предыдущей деятельности.

Все «вулканы», естественно, республиканцы, хотя и с разной степенью приверженности к *Grand Old Party* (GOP). А за последние 35 лет республиканцы более 24 лет находятся у власти, а значит, и формируют главные звенья госаппарата США. Такая ситуация открывала намного больше возможностей для работы в правительстве и приобретения разностороннего опыта внешнеполитической и государственной деятельности, чем было у сторонников Демократической партии. К примеру, опорный игрок команды Буша-мл. Д. Рамсфелд впервые вошел в высшие структуры власти США более 35 лет назад, еще в давно прошедшие времена президента Никсона. Нет сомнения, что, кроме огромного опыта, гигантского количества связей в правящих элитах США и личного участия в разработке внешнеполитической и военной стратегии страны, им восприняты и стали частью собственного «я» и многие сомнительные аспекты американских политических традиций. Именно в 1975 г. Рамсфелд впервые бросил вызов самому Г. Киссинджеру и его политике разрядки напряженности и ведения переговоров по контролю над вооружениями с Советским Союзом. Это противостояние продолжалось с нарастающей

силой, и все время на стороне Рамсфелда стойко стоял будущий вице-президент Д. Чейни, долгое время работавший помощником первого. К нему быстро примкнули К. Райс, П. Вулфовиц и ряд других представителей право-консервативного крыла Республиканской партии. Они достаточно быстро победили самого «великого и ужасного» Киссинджера.

Как пишет Дж. Манн, у «вулканов» кроме общей истории образовалась еще и «коллективная память». Сохраняемые в недолгие периоды выпадения из власти в результате имевших место поражений республиканцев на выборах прочные отношения между собой и честолюбивые намерения рано или поздно взять реванш и вернуться (что и имело место) к власти, поддерживавшиеся старшим поколением (Буш-ст., Бр. Скоукрофт и др.), в определенной мере сцементировали и закалили эту инициативную и напористую группу людей и подготовили их к выдвижению в нужное время таких инициатив, которые убедили бы спонсоров Республиканской партии в том, что, если им дать лидера с именем (пусть даже и не гиганта мысли), то дело республиканцев может победить.

Главных «вулканов», по определению Дж. Манна, было изначально шестеро – Д. Рамсфелд, Д. Чейни, К. Пауэлл, П. Вулфовиц, Р. Армитедж и К. Райс. Были и другие люди, но эта группа возглавляла политические и идеологические поиски американских консерваторов-республиканцев.

Дж. Манн обращает наше внимание на то обстоятельство, что в той или иной степени все шестеро «вулканов» были длительное время связаны с военным ведомством США, т.е. с Пентагоном. Д. Рамсфелд поддерживает неразрывные связи с Пентагоном уже десятки лет – и тогда, когда республиканцы находились у власти, и тогда, когда у власти были демократы, возглавляя, например, в 1990-е гг. важную сенатскую комиссию по проблемам стратегических ракетно-ядерных вооружений.

Кстати, П. Вулфовиц в свое время работал главным помощником министра обороны Д. Чейни в администрации Буша-ст., а потом и в комиссии Рамсфелда по ракетам. Нет ничего удивительного в том, что в администрации Буша-мл. Вулфовиц стал первым заместителем министра обороны – основным идеологом военного строительства на новом этапе, когда показалось, что военной мощи США нет предела. Благодаря Вулфовицу в адми-

нистрации Буша-мл. появились «вулканчики» и более скромного масштаба – З. Халилзад, Дж. Болтон, Дж. Рош и другие. Вообще, Вулфовиц служит своего рода «мостом» между республиканской администрацией и консервативно мыслящими академическими кругами, играющими в условиях США очень важную интеллектуальную роль. Именно он выискивал в академических кругах подающих надежды молодых ученых консервативного толка для разработки деталей будущих подходов, т.е. тех подходов, которые реализуются и сейчас. Так в республиканских рядах появились и Фукуяма, и Киис, и Либби и т.д.

Генерал К. Пауэлл – вообще военный человек по образованию и роду деятельности до ухода в отставку с военной службы, как, впрочем, и Р. Армитедж – тоже кадровый военный и близкий соратник генерала. Оба – участники боевых действий во Вьетнаме, что выделяло их среди «вулканов». Даже К. Райс в 1983–1984 гг. в течение года работала на Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ), занимаясь ядерным стратегическим планированием, а на протяжении своей работы в аппарате Совета по национальной безопасности во время президентства Буша-ст. находилась в тесном контакте с Пентагоном, когда координировала политику США в отношении Советского Союза. Пентагоновские корни наложили особый отпечаток на менталитет и образ действий «вулканов» и их ближайших помощников, что отчетливо проявилось, когда «вулканы», находясь во власти, столкнулись со своими внешнеполитическими кризисами, прежде всего с атакой международного терроризма на башни Международного торгового центра.

И, наконец, вице-президент США Д. Чейни, которого ранее, чтобы уязвить его самолюбие, некоторые называли «привратником» у дверей кабинета Рамсфелда, а секретная служба (охрана) дала ему псевдоним “backseat”, т.е. сидящий на заднем сиденье, вдали от руля. Но те времена давно прошли, и теперь новоявленный «серый кардинал» нынешней администрации в качестве второго человека в стране все так же, внешне достаточно незаметно, но железной хваткой, несомненно, персонально определяет многие решения администрации Буша-мл. Не зря в бытность его руководителем аппарата Белого дома при президенте Форде его окрестили «новый великий тевтонец» – в подражание его предшественнику при президенте Никсоне Р. Холдеману,

который угодил в знаменитый *Уотергейт*². Не стоит уже и говорить о том, что связи с крупнейшими корпорациями бывший вице-президент пресловутой *Halliburton* имеет самые широкие и их интересы защищает надежно, особенно на Ближнем Востоке.

Дж. Манн приводит интересное высказывание известного американского генерала Шварцкопфа о менталитете Д. Чейни: «Поставьте гражданского над профессиональными военными, и очень скоро он уже не будет удовлетворяться выработкой политических установок – он попытается “перегенералить самих генералов”». Это было сказано относительно попытки Чейни и Вулфовица в 1991 г. выступить с альтернативным планом ведения войны против Ирака.

В этом строю ярких персонажей, по мнению Манна, роль Дж. Буша-мл. выглядит вспомогательной, хотя он по определению и является арбитром при возникновении неизбежных разногласий между «вулканами».

Растиражированное представление о том, что эта республиканская администрация не являлась единой и монолитной еще до нападения на Ирак, автором книги ставится под большое сомнение. Провести грань между так называемыми «голубыми» – К. Пауэллом и Р. Армитеджем и «ястребами» – Д. Рамсфелдом, П. Вулфовицем и Д. Чейни, по его мнению, весьма трудно. Те же Пауэлл и Армитедж были самыми верными помощниками и последователями К. Уайнбергера – «самого ястребиного члена кабинета (шеф Пентагона) в самой ястребиной администрации (Рейгана) в Вашингтоне за последние 50 лет». Известно, что К. Пауэлл проявил себя как боевой офицер во Вьетнаме и спас жизнь своему генералу. Но далеко не в его пользу говорит тот факт, что, будучи штабным офицером «Америкэн дивижен», в зоне ответственности которой произошло массовое убийство

² Имеется в виду Уотергейтский скандал в 1972–1974 гг. Получил название в честь архитектурного комплекса «Уотергейт», в котором располагалась штаб-квартира Демократической партии США. В 1972 г. группа оперативников ЦРУ в интересах президента США от Республиканской партии Ричарда Никсона проникла в «Уотергейт», чтобы установить в штаб-квартире Демократической партии прослушку, но была схвачена. Итогом стал крупнейший политический скандал за всю историю США, в результате которого Никсон подал в отставку, а ряд высокопоставленных чиновников подали в отставку или, как Холдемэн, были осуждены. – *Прим. ред.*

ротой лейтенанта Колли мирных вьетнамских жителей, он спустил на тормозах предварительное расследование этого дела.

Дж. Манн, безусловно, симпатизирует «вулканам», естественно, каждому из них в разной степени. Выбранная им необычная форма и структура повествования – это биографическое исследование на фоне переломных событий, происходивших в мире и США, факторов реальной жизни, оказавших формирующее влияние на взгляды, действия и карьеры этой «шестерки» и примыкавших к ним деятелей второго и третьего планов. Автор книги проделал огромную работу, изучив все, что каждый из «вулканов» делал в период вьетнамской войны, на разных этапах практически перманентного кризиса в Персидском заливе в последние 20 лет, в период афганской войны, их взгляды на отношения с СССР, Китаем и на проблемы европейской безопасности и т.п. В этом плане любопытные страницы посвящены встречам Д. Рамсфелда с ныне свергнутым американцами С. Хусейном, событиям с участием «вулканов» в свержении президента Маркоса на Филиппинах и Норвеги в Панаме и многое другое.

В этих описаниях большинство политологов найдут новые для себя моменты, связанные, видимо, с тем, что автор имел возможность получить сведения из первых рук. Для того чтобы показать беспринципность и конъюнктурность их подходов, достаточно отметить, что в 1983–1984 гг. Рамсфелд не считал, что использование С. Хусейном химического оружия против Ирана является чем-то таким, что может препятствовать восстанию дипотношений с Багдадом. Тогда стратегические отношения с Хусейном строились на антииранской основе.

Читателям будет интересно узнать, что тот же Вулфовиц в свое время писал в докторской диссертации: «Израильское ядерное оружие подтолкнет арабов к отчаянной попытке заполучить ядерное оружие [...]. Фундаментальным вопросом является то обстоятельство, что любое израильское ядерное оружие [...] будет уязвимо даже для атаки с помощью обычных вооружений». Он выступал против обладания Тель-Авивом ядерным оружием. Сейчас он предпочитает не вспоминать про «ошибки молодости» и грозит арабам.

Особое место в процессе своего исследования Дж. Манн уделяет таким событиям, как формирование американского ответа на террористический акт 11 сентября 2001 г. и последовавшие

американские войны в Афганистане и Ираке, ставшие во многом апофеозом реализации предыдущих планов и решений, которые явились прямым результатом концептуального вывода о том, что настало время, когда никто и ничто не сможет бросить вызов Америке, нацелившейся через военное превосходство обеспечить себе в XXI веке глобальное превосходство на длительный период.

Перейдем снова к мировым ожиданиям, связанным с возвращением Республиканской партии к власти в США в 2001 г. Предсказания о преемственности не оправдались. Дж. Манн пишет: «С самых первых месяцев у власти новая команда Буша по внешней политике дала понять, что она будет вести дела с остальным миром по-новому. Стилль ее поведения с первых шагов отличался от того, которого придерживались при первой администрации Буша (т.е. при Буше-отце. – *Прим. авт.*). В первые девять месяцев 2001 г. новая администрация заняла более конфронтационные подходы к Северной Корее и Китаю. Она стала быстро продвигать планы по реализации программы стратегической системы противоракетной обороны, несмотря на сдержанное отношение европейских союзников. Она проявила откровенный скептицизм относительно ценности многих международных соглашений и договоров, утверждая, что они не в интересах Америки». (Автор данной рецензии в те годы работал в составе российской делегации при Совете Россия–НАТО и был свидетелем откровенно насмешливого отношения даже самых стойких американских союзников к новой американской линии и откровенно пренебрежительной оценке ими интеллектуальных способностей как самого президента США, так и многих членов его кабинета. Свою лепту в такое отношение вносили и остававшиеся еще в Госдепартаменте сторонники демократов.)

Дальше – больше. Отличный от прежних республиканских администраций подход в сфере внешней политики в еще большей степени проявился после атаки международных террористов на башни Международного торгового центра 11 сентября 2001 г. В течение 2002 г. «вулканы» выбросили на дипломатический «рынок» целую серию заранее подготовленных новых доктрин и идей, которые говорили об отчетливом разрыве с политикой и стратегией США прошлых лет, с концепциями Г. Киссинджера о детанте, разоружении и взаимоотношениях

с Россией и т.п. В американской внешней политике после Второй мировой войны превалировал принцип «внешняя политика в своих основных параметрах является фактически двухпартийной политикой», и даже непрерывные усилия в 1980–1990-е гг. таких «гигантов американской теоретической мысли», как, например, небезызвестный Р. Перл, конкурент и единомышленник Вулфовица, не смогли разрушить этот постулат. Теперь на какое-то время он был поколеблен.

По существу, в 2002 г. администрация Буша заявила остальному миру, что она больше не собирается придерживаться политики сдерживания и разрядки, которая была аксиомой во времена «холодной войны». Вместо этого США будут готовы дестабилизировать международную ситуацию в любой момент по своему выбору и начать войну путем упреждающей (*preemptive*) атаки. И конкретные действия не заставили себя долго ждать. «Война с мировым терроризмом» (теперь это принято называть «доктриной Буша») и война в Афганистане, официально провозглашенное намерение всеми силами и средствами бороться с «осью зла», в которую были включены КНДР, Иран и Ирак, нападение на Ирак в поисках уже несуществующего там ОМУ, быстро перешедшее в свержение диктатора С. Хусейна, создание для решения своих задач не юридически оформленных коалиций под предводительством Вашингтона, а так называемых *coalitions of willing*, упорные попытки внести принципиальные изменения в ядерную стратегию, в частности, отменить поправку Спратта–Фурса, организация геостратегического прорыва в постсоветскую Центральную Азию и т.д. Более того, было объявлено о намерении Вашингтона форсировать «демократизацию расширенного Ближнего и Среднего Востока». Естественно, мир ахнул. Но, на самом деле, «вулканы» шли к такому повороту более 10 лет, еще со времен администрации Буша-ст., однако тогда им не дали вовремя развернуться, а потом последовало поражение на выборах.

Дж. Манн пишет, что «это была эпохальная смена, обрамление нового видения статуса и роли США в мире». Военная сила США настолько устрашающа, что им более нет необходимости достигать компромиссов или взаимных договоренностей с любой другой страной или группой стран. Надо сказать, что неожиданностью такой подход стал только для тех, кто забыл о том,

что еще в 1990 г. тогдашний министр обороны США Д. Чейни выпустил документ *Defence Policy Planning Guidance*, в котором в контексте доктрины «контрраспространения»³ уже была заложена опция упреждающего удара по еще, говоря военным языком, неразвернутому противнику. В начале 1998 г. группа неоконсерваторов, объединившихся вокруг проекта «Новый американский век», направила открытое письмо президенту Клинтону, призвав его свергнуть президента Ирака С. Хусейна. Письмо было подписано 18 известными деятелями Республиканской партии и твердо следовало аргументу Вулфовица о том, что политика сдерживания не работает. Письмо было подписано Д. Рамсфелдом, Р. Армитеджем (это к вопросу о «голубях»), самим Вулфовицем, П. Добрянски, Дж. Болтоном, Р. Золиком, Ст. Хедли и другими, кто впоследствии вошел в администрацию Буша-мл. Таким образом, то, что имело место в 2002 г., фактически явилось кульминацией тех идей и мечтаний, которые постепенно вырабатывались в республиканских администрациях на протяжении последних 30 лет. Вместе с тем автор книги отмечает, что во время избирательной кампании 2000 г. Буш-мл. и его «вулканы» не акцентировали внимание на угрозе терроризма в Ираке, а это говорит о том, что тогда указанные проблемы не стояли в первых строках списка приоритетов.

Дж. Манн с большим знанием дела и тонким психологическим анализом и знанием кулуарных деталей описывает взаимоотношения между самими «вулканами» в процессе выработки внешнеполитических позиций, поясняет суть возникавших при этом разногласий и делает вывод о том, что споры не носили непримиримого характера, фактически были тактическими нюансами и, как правило, вызывались межличностной конкуренцией за влияние на президента.

Очень интересно выглядит в книге Дж. Манна глава 9, называемая *In the Midst of Armageddon*. Это история сверхсекретного проекта «вулканов» еще в период второго срока президентства Рейгана – *Continuity of Government Program*, т.е. о деятельности

³ Контрраспространение (counterproliferation) – активная политика по противодействию дальнейшему распространению ОМУ и средств его доставки, а также по принятию мер в отношении «незаконных» ядерных или «пороговых» стран. Впервые термин был озвучен в выступлениях главы Пентагона Л. Эспина в начале 1990-х гг. – *Прим. ред.*

правительства на случай ядерной войны с Советским Союзом или другого крупнейшего чрезвычайного происшествия. То, что было начато и отработано в те годы, – а Чейни и Рамсфелд многократно участвовали в тренировках по этой программе даже при демократах, – на практике было применено 11 сентября 2001 г., немедленно после террористического акта в Нью-Йорке, когда все руководство страны было срочно эвакуировано в секретные бункеры, построенные еще во времена президента Эйзенхауэра. Тем, кто занимается проблемами организации правительственной деятельности в так называемый мобилизационный период, есть что почитать.

Многое можно почерпнуть из книги Дж. Манна и об эволюции подходов ближайшего окружения Буша-мл. в отношении сначала Советского Союза, а затем России и постсоветского пространства. Хорошим примером служит здесь К. Райс, которая, вообще-то, начинала как сторонница Демократической партии США, а затем ушла к республиканцам в знак протеста против «мягкотелого» подхода тогдашнего президента Дж. Картера к отношениям с Советским Союзом. После своего ухода она сразу «прибилась» к группе Рамсфелда и в конечном итоге заняла среди будущих «вулканов» свое прочное место. Так что не стоит заблуждаться насчет того, что именно она нашептывает в ухо своему шефу, к которому имеет свободный доступ. Вот здесь прослеживается подспудная преемственность политики давно продвигавшейся, иногда и безуспешно, «вулканами», несмотря на кардинальные политические изменения, произошедшие в 1991 г. Видна некая инерция мышления. Можно себе представить, с каким трудом Дж. Бушу-мл. удастся в этих условиях поддерживать дружеские отношения с российским президентом В.В. Путиным на том уровне, на котором они находятся сейчас.

Подводя эти заметки к завершению, мне как рецензенту особо хотелось бы отметить два момента.

Первое. Дж. Манн в своем видении роли «вулканов» в формировании американской внешней и военной политики, безусловно, аполитетичен. Вместе с тем книгу можно поставить в один ряд с такими выдающимися книгами американских журналистов-политологов по проблемам американской внешней политики, как *Wise Men* (это о Д. Ачесоне, Дж. Кеннане, Ав. Гарримане и Дж. Макклое, которые разработали новую аме-

риканскую внешнюю политику после Второй мировой войны), или *The Best and the Brightest* (о братьях Кеннеди, Р. Макнамаре, братьях Банди и других, кто вел войну во Вьетнаме в 1960-х гг.). Думается, что историкам и аналитикам, военным и дипломатам есть смысл внимательно ознакомиться с этим капитальным материалом.

Второе. Столкнувшись с большими трудностями в проведении своей достаточно прямолинейной и самоуверенной внешней и военной политики и потерпев ряд чувствительных неудач, «вулканы» вынуждены лавировать и корректировать свои подходы, опровергая тем самым один из основных постулатов своих взглядов о том, что США настолько могучи, что они не нуждаются в компромиссах и взаимодействии с кем-либо. Недавно несимпатичный нам З. Бжезинский, на наш взгляд, ухватил очень точно главную проблему «вулканов» – для этого он процитировал выдающегося западного историка Арнольда Тойнби: «главной причиной обрушения империй является “самоубийственное ведение государственных дел (*suicidal statecraft*)”».

Короче говоря, в том виде, в каком их видели ранее, «вулканы» начинают постепенно угасать, что немедленно отразилось и на кадровом составе этой уникальной связки одновременно сотрудничавших и конкурировавших между собой единомышленников. Пауэлл, Армитедж и, наконец, Вулфовиц уже не занимают руководящих постов в администрации. Кстати, о последнем Дж. Манн пишет: «Даже перевалив за 60 и посевев, Вулфовиц все еще имеет менталитет подчиненного, пусть самого влиятельного в Вашингтоне, но все же подчиненного» (и это нынешний руководитель Всемирного банка!). Рамсфелд слишком стар и уже давно лично не пилотирует бомбардировщик В-1 (в этом отношении российские молодые лидеры имеют над ним явное преимущество) и, по некоторым данным, уже, так сказать, «на выходе», чтобы быть лидером. Чейни все глубже попадает в уотергейтского типа историю (что логично, учитывая весь предыдущий опыт данного джентльмена), а остающиеся «вулканы» и «вулканчики» еще не скоро сумеют вновь разразиться тем фонтаном идей и концепций, которые выбросила эта группа деятелей в период своего расцвета. Сейчас более актуально зализывать раны.

И еще одно размышление. 35-летнее интеллектуальное доминирование «вулканов» и «вулканчиков» в среде консервативного республиканского политического истеблишмента фактически «съело», оскопило другие поколения и политические школы мысли в этой стране американской элиты. И неизбежный уход через 2–3 года этой активной группы из власти на определенное время оставит большой пробел в рядах Республиканской партии, который непросто будет заполнить. Это предвещает серьезную борьбу вокруг внешней политики этого ключевого государства мира, и России необходимо усилить отслеживание внутривнутриполитических процессов в США, особенно появление новой генерации республиканских лидеров.

Исповедь американского политического ястреба¹ (2009)

*Рецензия на книгу Джона Болтона:
John Bolton. Surrender is not an option: defending America
at the United Nations and abroad.
New York: Threshold Editions, 2007. 486 p.*

Когда читаешь заглавие этой прекрасно изданной книги, то, если ничего не знаешь о ее авторе, поневоле можно насторожиться. Опять мемуары какого-нибудь американского генерала о прошедших битвах за Америку? Но это будет заблуждение. Перед нами – весьма познавательная книга гражданского лица, в течение пары десятков лет активно участвовавшего в формировании внешней политики республиканских администраций США. Более того, перед нами откровения одного из наиболее *ястребиных апологетов американского века* и сторонника применения везде, где можно, американской военной силы для достижения эгоистических и своекорыстных целей политики наиболее агрессивных кругов американского политического истеблишмента. В политических кругах Республиканской партии США любят подавать Джона Болтона как выходца из среды рабочего класса (его отец был пожарным в Филадельфии) и тем самым утверждать, что жесткая политическая линия правых республиканцев привлекает в их ряды не только представителей высших слоев общества, но и таких простых людей, как Джон Болтон, из гуши, так сказать, американского народа. В общем, как у нас

¹ Впервые опубликовано: *Индекс Безопасности*. 2009. № 2 (89). Т. 15. С. 173–181.

раньше любили шутить, «вышли мы все из народа, но никогда туда не вернемся».

Безусловно, Джон Болтон оказался талантливым человеком и сумел получить стипендии сначала в одной из самых престижных школ в штате Мэриленд – Макдоногском колледже, а затем в 1966 г. в элитном Йельском колледже, где в то время бушевали антиправительственные страсти, связанные с вьетнамской войной. Но представитель пролетариата Болтон, по его собственному признанию, чувствовал себя, как пришелец из космоса. Он «отрицательно относился к сыновьям и дочерям – студентам из состоятельных семей», которые были вовлечены в протестные движения вместо того, чтобы добропорядочно учиться. Это был не его путь. Описание событий того времени с точки зрения студента с сугубо консервативными взглядами может представить интерес для историков, изучающих политические тенденции в американском обществе и то, как это сказалось на судьбах целого поколения американцев.

Болтон – начало пути

Именно в Йеле началась политическая деятельность Болтона, и она помогает понять истоки его агрессивного консерватизма. Вместе с Барри Голдуотером – печально прославившимся американским сенатором – 16-летний Болтон пережил сокрушительное поражение на выборах президента США в 1964 г. Он участвовал в его избирательной кампании и почему-то, видимо, по неопытности, никак не мог поверить в небывалое поражение своего кумира. Но мысль о том, что «26 млн американских избирателей (именно столько проголосовало за Голдуотера) не могут ошибаться», окончательно предопределила его политические взгляды, которые даже на фоне общего республиканского консерватизма для многих коллег выглядели пугающе прямолинейными и жесткими, совсем как у его кумира.

Дальше был юридический факультет Йельского университета, после успешного окончания которого путь к обеспеченной жизни был открыт. Болтон становится сотрудником одной из самых больших и престижных юридических контор в Вашингтоне – Covington & Burling – и начинает устанавливать полезные связи в политических кругах республиканцев в столице США, включая

тогдашнего вице-президента США Спиро Агню, который вскоре был вынужден уйти в отставку. Но Болтон рвался войти в администрацию Ричарда Никсона в качестве постоянного сотрудника. Умные советчики из числа консервативных республиканцев порекомендовали не спешить, и действительно – политическая звезда президента Никсона закатилась, а с ней в 1976 г. и перспективы республиканцев удержаться у власти. Джона Болтона же это никак не задело, и он оказался в молодой волне своей партии, которой было суждено сыграть важную роль в продвижении консервативной революции Рональда Рейгана. В это время Болтон активно участвовал как юрист в известном процессе “Buckley vs. Valeo”, который рассматривал конституционность всех основных положений реформы финансирования избирательного процесса, принятой после печально известного Уотергейтского скандала. Эта работа еще более приблизила Болтона к набиравшим силу в Республиканской партии консерваторам.

Он все больше становится своим человеком среди ведущих и перспективных политиков в Вашингтоне. Но уже тогда его *credentials* как восходящей звезды в стане консерваторов не остаются незамеченными у политических противников. И уже тогда проявилась тяга Болтона к политической работе на высоком уровне, которая смогла реализоваться в большей мере после выдвижения Рональда Рейгана кандидатом в президенты США и его эвентуальной подавляющей победы на выборах 1980 г. Таким образом, после фактически 20 лет неудач (не считая первого срока Ричарда Никсона) республиканцы и другие представители правого разлива пришли к власти.

Пришло время пожинать плоды таким, как Болтон, стойко державшимся крайне правых позиций и много сделавшим для победы. Не дождавшись статуса партнера в своей юридической фирме, он решил получить политическое назначение в администрации президента Рейгана. Как это обычно происходит в Америке, он через наработанные связи в руководящих республиканских кругах предложил свою кандидатуру Джиму Бейкеру, назначенному главой аппарата Белого дома. Болтон поработал в переходной команде по приемке дел у картеровских назначенцев и понял, что предложение Бейкера войти в аппарат юридического советника Белого дома Фреда Филдинга его не очень прельщает. Ему уже не хотелось быть просто *staff*, пусть

даже и в Белом доме. Когда ему объясняли, что в Белом доме все, кроме самого президента, называются *staff*, он этого не понимал и хотел быть хотя бы каким-то начальником. Своего он добился, заполучив в конечном итоге *позицию номер три* (заместителя руководителя) в Агентстве по международному развитию (AID), в котором тесно переплетались проблемы внешней политики и внутреннего положения стран, которым оказывали помощь. Это была, говоря бюрократическим языком, президентская номенклатура.

В Агентстве Болтон приобрел сторонников, которые потом сопровождали его в карьере (Корелли Барнет, Милтон Фридман, Сара Тинсли), вместе с которыми он попытался опрокинуть концепции, которыми руководствовались демократы в предоставлении американской помощи развивающимся странам. Именно в этот момент в его воспоминаниях появляется термин, по-английски звучащий как *high-minded* (что-то вроде мыслящих высокими моральными категориями), то есть людей взвешенных взглядов на то, как США целесообразно проводить политику помощи иностранным государствам. Именно на этом посту Болтон, работая в контакте с Международным фондом сельскохозяйственного развития (IFAD) ООН, обнаружил хитрые схемы Генри Киссинджера по финансированию развивающихся стран с помощью петродолларов арабских государств, затрачивая собственно американских денег по минимуму. И возмутился тем, что арабы этот ход быстро раскусили. Так же как раскусили его и европейские союзники, на которых до конца не удалось переложить бремя расходов по реализации американских задумок. Союзники союзниками, а денежки врозь. Поняв, что здесь славы не наживешь, он ушел со своего поста обратно в родную юридическую фирму, но уже полноправным партнером.

Параллельно развивалась и политическая карьера. В 1984 г. он уже исполнительный директор Комитета во главе с известным «ястребом» сенатором Трентом Лоттом по разработке избирательной платформы республиканцев на выборах президента в 1984 г. Затем был пост заместителя министра юстиции, где Болтон занимался вопросами назначений президента Рейгана в сфере юридической системы США. Пост очень ответственный и доверительный. Он откровенно пишет: «...В тех штатах США, где не было сенаторов-республиканцев, в каждом случае назна-

чения на должность мы тщательно отбирали потенциальных кандидатов с философской точки зрения» (с. 24).

Как известно, деятельность Болтона кончилась тем, что значительное большинство федеральных судей были сторонниками Рональда Рейгана. Это к вопросу, волнующему наших демократов, указывающих в качестве примера американский опыт. Но были у Болтона и поражения: провал попыток продвинуть в судьи Верховного суда США известных реакционеров Роберта Борка и Дугласа Гинзбурга, а главная неудача – отставка министра юстиции (генерального прокурора) Эдвина Миза, оказавшегося сильно замазанным в известном деле «Иран–контрас». Что любопытно: как и в последующем (по Ираку, например), Болтона это дело, погубившее карьеры многих сотрудников министерства юстиции, затронуло лишь по касательной. Удачлив? Да, именно во время рассмотрения этого дела Болтон близко познакомился и стал дружен с Диком Чейни, будущим вице-президентом США и *серым кардиналом* при 43-м президенте Америки. На место Эдвина Миза пришел Дик Торнбург с девизом «Мне не нужны сюрпризы», и привычка резать *правду-матку* стала подводить Болтона. Хочется изложить весьма полезное для любого бюрократа кредо, которое он выводит в своей книге:

«Когда в бюрократию приходит новый босс, не следует думать, что ранее сложившиеся с начальством отношения будут продолжаться. Ситуация часто к вашему неудовольствию меняется не только потому, что новый режим лучше или хуже, чем предыдущий, а потому, что разные руководители имеют разные стили работы. Если вам было комфортно с предыдущим начальством и его старыми приемами, то вам следовало бы сменить место работы, независимо от того, нравится оно вам или нет. Лучше услышать плохие новости раньше, чем если это будет поздно».

В это время Джордж Буш-старший победил на выборах Майкла Дукакиса, и Болтон понял, что настал его час реализовать свою честолюбивую мечту – пойти на повышение в Госдепартамент США, где воцарился Джеймс Бейкер, с которым уже были налажены необходимые контакты, естественно, по схеме *подчиненный–босс*.

Болтон в Госдепартаменте

К этому времени Джон Болтон уже стал своим человеком в высших сферах республиканского политического бомонда, и поэтому обращение его к ближайшему сподвижнику президента Джорджа Буша-старшего не вызвало ни удивления, ни отторжения. Для себя он попросил (да, именно взял и попросил) самостоятельный пост руководителя AID, где он работал ранее. Но там был болен раком руководитель, и Бейкер счел неэтичным прогнать человека в таком состоянии. Взамен Болтон получил пост помощника госсекретаря по делам международных организаций в Госдепартаменте (*Assistant Secretary for International Organization Affairs, IO*), ответственного за весь участок, связанный с деятельностью системы ооновских организаций. Он сделал ставку на Бейкера и поэтому сразу согласился. Следует признать, что Бейкер является выдающимся администратором и даже сейчас² влиятельнейшим деятелем Республиканской партии и очень тонким дипломатом. В своей книге Болтон пытается утверждать, что он ученик Бейкера и многое у того воспринял. К сожалению, он себе льстит. Забегая вперед, можно сказать, что вся его последующая внешнеполитическая деятельность показала, что по сравнению с Бейкером Джон Болтон – слон в посудной лавке.

Деятельность Болтона началась удачно – он подыграл известному сенатору-демократу Патрику Мойнихену в его борьбе против предоставления места Организации освобождения Палестины (ООП) в системе структур ООН и, в частности, во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Это была работа, близкая Болтону по духу, и он проявил себя как человек, способный сорвать любой процесс. Хотя ООП в системе ООН пользовалась широкой поддержкой, палестинцы представительства в ВОЗ, равно как и в других подобных местах, не получили. Так за Болтоном начала закрепляться сомнительная слава *терминатора*.

Здесь хотелось бы сделать отступление, основанное на весьма полезных для посторонних наблюдателей замечаниях и сведениях о внутренней жизни и расстановке сил в Госдепартаменте

² На момент публикации статьи весной 2009 г. – *Прим. ред.*

США. Болтон – безусловно, человек карьерных устремлений, и он, естественно, уделяет этому аспекту достаточно большое внимание. Его постоянно влечет седьмой этаж Госдепартамента, то есть тот этаж, где расположены кабинеты высшего руководства Госдепартамента, так называемых *seventh-floor principals*: сам госсекретарь, *deputy secretaries*, *undersecretaries* (интересно, что и в российском МИДе седьмой этаж играет важную роль). Помощники госсекретаря сидят на шестом этаже. Болтону очень хотелось на седьмой этаж, но это удалось ему только при президенте Буше-младшем. На госдеповском жаргоне на седьмом этаже должности делятся следующим образом:

S – госсекретарь;

D – первый заместитель госсекретаря;

P – заместитель госсекретаря по политическим вопросам (пост номер три по важности);

T – заместитель госсекретаря по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ, а также научно-техническим вопросам;

M – заместитель госсекретаря по хозяйственным вопросам;

C – главный юрисконсульт Госдепартамента.

Помощники госсекретаря составляют второй эшелон руководителей Госдепартамента и фактически возглавляют соответствующие управления по географическим и функциональным направлениям. Болтон едко описывает внутренний настрой среди рядового состава и руководителей среднего звена Госдепартамента. По его словам, получается, что среди рядового состава и среднего звена руководителей бытуют взгляды, сильно отличающиеся от политических установок приходящих политических назначенцев, особенно Республиканской партии, и поэтому эти *high-minded*, как он называет профессионалов внешнеполитической службы, по-своему интерпретируют указания лиц, сидящих на седьмом и шестом этажах, которые являются политическими назначенцами. Особенно это проявилось в период президентства Джорджа Буша-младшего, и это крайне возмущало Болтона – бескомпромиссного экстремиста, сторонника максимального политического использования американского военного доминирования в мире.

Первое пришествие Болтона в Госдепартамент не было каким-то ярким проявлением его лидерских качеств – в тот период, при Буше-старшем, в администрации крайний консерватизм был еще не востребован, и, кроме того, он не входил в ближайший круг ни Джеймса Бейкера, ни Лоуренса Иглбергера, ни Brenta Скоукрофта. Поэтому Болтон, который так любит рассказывать впоследствии о своих личных достижениях на дипломатическом поприще, проходит этот период, так сказать, скороговоркой, хотя именно в этот период произошли распад СССР, первая иракская кампания, отмена известной антиссионистской резолюции ГА ООН (№ 3379), или на жаргоне Госдепартамента Z/r, и ряд других событий мирового значения.

Тем не менее его наблюдения интересны, особенно в том, что касается личных отношений между Эдуардом Шеварднадзе и Джеймсом Бейкером, которые в тот период позволяли американцам с небывалой легкостью проталкивать свою линию. Ограниченный интерес могут представить и строки, посвященные избранию Бутроса Бутрос-Гали Генеральным секретарем ООН и намерениям администрации Буша-старшего продвигать на пост заместителя Генерального секретаря ООН тогдашнего министра юстиции США Дика Торнбурга – единомышленника Болтона. Когда советник Буша-старшего по национальной безопасности Brent Скоукрофт спросил у Бейкера, а располагает ли Торнбург необходимой квалификацией для такой работы, последний, по словам Болтона, ответил: «Brent, но он же был губернатором Пенсильвании». В этом высказывании – типичное отношение правящих кругов США к ООН.

Поражение Буша-старшего на выборах президента в 1992 г. вернуло Болтона, как он говорит, в политическое небытие, и в 1997 г. он занял пост старшего вице-президента в известном консервативном *think tank* – Американском институте предпринимательства, который активно готовил программу для возвращения республиканцев к власти. Здесь он отличился резкой критикой многочисленных ошибок администрации Билла Клинтона, и прежде всего принятия юрисдикции Международного уголовного суда, которые он оценивал как снижение американского глобального влияния и вызов американскому суверенитету. Зная последующие события, можно сказать, что это был период захвата лидирующих позиций в Республиканской партии

правым консервативным крылом. Болтон снискал признательность Буша-младшего и его окружения за активное участие в анекдотическом и драматическом пересчете дырок в бюллетенях голосования в штате Флорида. Он стал патентованным правым и был уверен, что будет достойно вознагражден солидным постом в будущей республиканской администрации. Болтон не ошибся, хотя и получил меньше, чем предполагал. Это породило у него чувство неудовлетворенности и язвительности в отношении своих более удачливых коллег. Но здесь таилась и другая опасность, которая поджидала его в будущем – его рьяный консерватизм был взят на заметку в кругах демократических сенаторов.

29 января 2001 г. новый госсекретарь США генерал Колин Пауэлл позвонил Болтону и предложил пост Т, то есть заместителя госсекретаря по вопросам разоружения и международной безопасности. Болтон отрицает имевшее место утверждение о том, что он был якобы нечестно навязан Пауэллу в качестве своего агента влияния вице-президентом Диком Чейни и министром обороны Дональдом Рамсфелдом – главными *закоперщиками* крайне правого курса администрации Буша-младшего. С этого момента мемуары Джона Болтона превращаются в очень редко встречающееся в политической литературе откровенное повествование о закулисной борьбе за внешне благопристойным фасадом администрации президента Буша-младшего, интригах главных действующих лиц, сложных отношениях администрации с Конгрессом США и неприкрытых амбициях самого Болтона. Это интересно для тех, кто занимается изучением политического процесса и особенностей поведения американского истеблишмента.

После пересчета голосов во Флориде Джон Болтон счел возможным открыто попросить Джеймса Бейкера предложить его кандидатуру в Госдепартамент на пост D или, в крайнем случае, R, то есть на вторую или третью по значимости позицию в этом ключевом ведомстве. Бейкер деликатно ушел от обещаний, зато г-н Чейни, ставший вице-президентом, на одном из обедов республиканцев-победителей публично заявил, что «Болтон получит все, что захочет». Поэтому последний продолжал упорствовать в своей торговле с генералом Пауэллом, но сатисфакции не получил и, в конечном итоге, был вынужден согласиться

на пост Т. Думается, что это было связано не только с внутренними интригами в администрации Буша-младшего, но и с далеко шедшими планами новых руководителей по свертыванию переговорного процесса по разоружению, прежде всего с Россией. Они посчитали, что наступил американский век и все эти большие разоруженческие делегации, неделями разрабатывающие сложные и тщательно проверяемые договоренности, не для них. Удивительно, но эти американские *ястребы* сами стали уходить от знаменитых слов президента Рональда Рейгана: «Доверяй, но проверяй». В их ощущении своей преобладающей силы контроль и проверка были помехой, а долгие переговоры пустой тратой времени. Нужен был человек, который неукоснительно проведет эту линию в жизнь. Оказалось, что среди тех политиков, которые вышли на лидирующие позиции, лучше и надежнее исполнителя этого замысла, чем Болтон, не обнаружилось. Одной из главных целей был выход из Договора по ПРО 1972 г. Уже на первом этапе слушаний в Комитете по иностранным делам Сената США один из сенаторов Байрон Дорган (от штата Северная Дакота) совершенно точно определил сущность кандидатуры Болтона, заявив, что «Болтон достаточно квалифицирован для того, чтобы разрушить систему контроля над вооружениями, но не способен ее создать» (с. 53).

Впоследствии это получило полное подтверждение, и надо сказать, что Болтон этим гордится, причем самым серьезным образом. Здесь в описаниях автора появляется сенатор Джо Байден, ставший 20 января 2009 г. вице-президентом США, который как тогда, так и в последующем ведет себя в отношении Болтона достаточно двусмысленно. Многие сенаторы отмечали, что присутствие Болтона в узком кругу руководителей Госдепартамента рядом с Пауэллом выглядит странным, косвенно подтверждая тем самым, что *ястребами* он был все-таки внедрен.

Как бы то ни было, комфортным большинством (57 против 43) Болтон был утвержден в должности и *с места в карьер* бросился рушить Договор по ПРО. Администрация Буша пришла к переговорам по ПРО с твердым решением как можно быстрее выйти из Договора и отправить его, по словам Болтона, *на свалку истории*. На все разговоры с Россией отводилось три месяца для придания видимости поиска совместного решения и еще шесть месяцев на саму процедуру выхода. Болтон категорически

боролся против любой формулировки о поиске замены ему, а также *линкиджа* между судьбой Договора по ПРО и любым новым соглашением по стратегическим ядерным вооружениям. В этом была суть *новых стратегических рамок (new strategic framework)*, разработанных Кондолизой Райс.

Среди главных доводов фигурировало утверждение, что без создания хотя бы ограниченной системы защиты национальной территории от возможного нападения со стороны стран «оси зла» безопасность США подвергается смертельному риску. Кондолизе Райс хотелось быть идеологом этого процесса, и она заваливала остальную Комитет руководителей ведомств (*Principals Committee*) всякого рода записками, которые и Пауэлл, и Рамсфелд рассматривали как излишние, в том числе и те, которые были призваны подготовить союзников США по НАТО к объявлению о выходе страны из Договора по ПРО, считавшегося до того времени *одним из краеугольных камней* международной безопасности. Здесь Болтон, явно недолюбливавший Райс, приводит слова генерала Пауэлла о его методе борьбы с Райс на бюрократическом уровне: «Это как на корриде: размахивай перед ней красной тряпкой по второстепенным вопросам до тех пор, пока она не выдохнется, и только тогда ставь тот вопрос, который тебя действительно интересует. А не наоборот». В данном случае Болтон проявляет себя не совсем порядочным человеком, вынося на публику частный разговор. Более того, он еще несколько раз делает это применительно к Пауэлли и Райс. Чего стоит его цитирование доверительной реплики Пауэлла о *женских гормонах* Райс (с. 70).

И в Любляне на личной встрече с В.В. Путиным, и чуть позже на встрече «восьмерки» в Генуе Буш-младший заявил российскому руководителю о том, что США твердо намерены покончить с Договором по ПРО и что идеи Билла Клинтона о ПРО театра военных действий его администрацию совершенно не интересуют и полностью сняты из возможной повестки переговоров. Завершение процесса обсуждения с Россией американцы наметили на вторую половину сентября 2001 г., после чего должно было последовать официальное объявление США о выходе из Договора по ПРО.

Но 11 сентября 2001 г. обрушило все замыслы администрации Буша. Хотя многие критики идеи создания противоракетной

обороны национальной территории пришли к выводу о том, что после 9/11 последняя не нужна, Болтон стал идеологом точки зрения, что она теперь необходима как никогда. Это было немедленно поддержано Рамсфелдом и другими, и последовали обвинения в адрес Колина Пауэлла и Ричарда Армитеджа в том, что они задерживают выход из Договора по ПРО и тем самым ставят препятствия для проведения трех серий уже подготовленных Пентагоном испытаний. Отношения между Пауэллом и Рамсфелдом продолжали накаляться. (Забегая вперед, можно предположить, что *ястребы* уже тогда решили *отделаться* от госсекретаря во втором сроке Буша-младшего, заполучив с помощью интриг сочувствие Кондолизы Райс.)

Болтон подробно описывает события, происходившие в октябре и ноябре 2001 г. относительно судьбы Договора по ПРО, и специалистам целесообразно посмотреть на них сквозь призму мнения американского *ястреба*, который гордится своим участием в разрушении этого соглашения. К ликованию консервативного лагеря 13 декабря 2001 г. Буш-младший официально объявил о выходе США из Договора по ПРО, и, как пишет Болтон, «этот опасный пережиток холодной войны был похоронен». Большинство экспертов эту оценку не разделяют и до сих пор, особенно в свете последующих действий американцев. Это весьма полезно вспомнить сейчас (рецензия написана в конце января 2009 г. – *Прим. ред.*), когда Россия и США после прихода к власти президента-демократа Барака Обамы вступают в отношения по проблеме размещения элементов американской ПРО в Европе, что явилось прямым результатом ликвидации Договора по ПРО.

Далее *активистам* вроде Болтона не терпелось ликвидировать американо-российские переговоры по сокращению стратегических вооружений. Здесь среди американских *principals* возникли некоторые разногласия, которые пришлось *разруливать* самому президенту Бушу. Он выбрал вариант юридически обязывающего Договора о стратегических наступательных потенциалах (СНП), чем расстроил Дика Чейни, Дональда Рамсфелда и Джона Болтона. Но взамен Буш-младший сказал то, что от него добивались активисты: «Я также, как и вы, недоволен всеми этими переговорами в Женеве. Этого больше не повторится». Договор СНП был сработан достаточно быстро, видимо, по двум

основным причинам: во-первых, основная нормативная переговорная работа была проделана на тех самых переговорах, которые так ненавидел Болтон, и во-вторых, по той причине, как сказал заместитель Кондолизы Райс в то время Стивен Хэдли, потому что русские прошли навстречу США три четверти пути, который обеим странам нужно было пройти совместно. 23 мая 2002 г. Московский договор (так официально называется Договор СНП) был подписан, и Болтон удовлетворенно заявляет, что, по его мнению, это подвело черту под традиционным процессом контроля над вооружениями. То, что это *скороспелый* вывод, стало ясно еще на закате администрации президента Буша-младшего, но Джона Болтона в ее рядах уже не было.

Сейчас, восемь лет и два президентских срока Буша-младшего спустя, Барак Обама и его команда стоят перед историческим выбором – продолжить ли деструктивную политику самого непопулярного американского президента в сфере разоружения или вернуться к тем временам, когда Россия и США достаточно конструктивно сотрудничали в сфере контроля над вооружениями и медленно, с большими разногласиями, но продвигались в деле уменьшения ядерно-ракетной угрозы. То, что президент Обама отойдет от концепций ушедших на покой американских *ястребов*, очевидно, но сумеет ли он преодолеть оставленное ими тяжелое наследие, станет ясно позже.

В дальнейшем, в ходе первого президентского срока Буша-младшего, Джон Болтон вместе с другими сторонниками ничем не ограниченного развития ракетно-ядерного потенциала добился срыва ратификации США ДВЗЯИ, снятия американской официальной подписи под Римским Статутом, по которому был создан Международный уголовный суд, предотвращал в ООН проекты по международному контролю за легким оружием, продвигал блокирование Соединенными Штатами переговоров по созданию верификационного механизма для Конвенции по запрещению биологического оружия, занялся *наведением порядка* в Организации по запрещению и уничтожению химического оружия, северокорейской ядерной проблемой, а также иранской ядерной программой. Во всех случаях он занимал жесткие позиции и пытался навязывать их союзникам Вашингтона (с разной долей успеха). При этом его взгляды все больше расходились со взглядами его прямого начальника – госсекрета-

ря Колина Пауэлла. Он все больше ориентировался на Чейни и других *ястребов*... Со своей стороны, он ввел в свой лексикон (вдобавок к тем, кого он презрительно называет *high-minded*) еще одну категорию здравомыслящих людей, несогласных с политикой Буша-младшего – *true believers*, то есть профессиональных дипломатов и политологов, пытавшихся сдержать имперскую прыть болтонов и иже с ними.

Болтон во второй администрации Буша-младшего

Надо сказать, что ко времени создания второй администрации Джорджа Буша-младшего Болтон выполнил поставленные перед ним задачи по дезорганизации переговорного процесса. Кроме того, у нового госсекретаря Кондолизы Райс, видимо, имелись некоторые предубеждения против самоуверенного честолюбивого активиста, а также свой кандидат на пост Т, не менее консервативный деятель из Совета национальной безопасности – Роберт Джозеф. В общем, за что Болтон боролся, на то и напоролся. Разоружение для администрации закончилось, и мавру следовало уходить.

Попытка выторговать пост D не удалась. Сделав хорошую мину, Болтон дал согласие на пост представителя США в ООН и, соответственно, в Совете Безопасности ООН. Когда-то это был очень важный пост в администрации, равный министру кабинета, но затем его значение сильно упало, хотя формальные признаки все еще продолжают действовать, и главный из них – процедура утверждения Сенатом. Отношения США с ООН давно переживают большие и разноплановые трудности, и, назначая Болтона в ООН, администрация Буша-младшего рассчитывала, что напористый и опытный политический *терминатор* сумеет навести *американский порядок* в этой международной организации, где как раз в это время *летали идеи* о необходимости срочной модернизации, повышении эффективности и искоренении коррупции и т.п.

Далее в книге следует многостраничная сага о борьбе Болтона за свое место, об интригах и заговорах, о том, как даже Джин Киркпатрик всем говорила, что «он (Болтон) один из самых умных людей в Вашингтоне» и т.п. Мы не будем подробно перелагать, как это делает Болтон, *разоблачая* своих недоброжелателей,

которых оказалось великое множество и в Сенате, и в самой Республиканской партии, и в прессе, и особенно среди демократов всех мастей. Неприятным сигналом явилось то обстоятельство, что, когда англичане предложили придуманную ими совместную операцию по ядерному разоружению Ливии, они специально оговорили, что Болтон не должен быть во главе американской части участников. С другой стороны, шла поддержка со стороны старых *рыцарей* холодной войны типа Александра Хейга: «Мы должны держаться вместе против слабых в коленках республиканцев, у которых трепет в сердцах». Вообще история с назначением Болтона на пост постпреда в ООН исключительно поучительна, и ее стоит разбирать отдельно как образчик американской демократии в действии.

В общем, официально Болтон согласования в Сенате не прошел и был назначен по президентской привилегии без утверждения Конгрессом на один год по так называемому *recess appointment* (назначение на должность во время перерыва в заседаниях. – Прим. ред.). Невзирая на свое ущербное положение, Болтон проявил себя в ООН как нахрапистый и бесцеремонный представитель достаточно агрессивной американской администрации, которую, как пишет известный умеренный республиканский деятель, близкий к Бушу-старшему, Brent Scowcroft, составляют два типа сотрудников: с одной стороны, *традиционалисты*, которые считают, что США следует заниматься международными делами совместно с друзьями, союзниками и международными организациями, с другой стороны, те, кого он называет *transformationalists*, которых по-русски иначе как *трансформаторщиками* назвать не получается. Последние, и их ярким представителем является Болтон, заявляют, что «мир ухудшается и ухудшается слишком быстро. У нас есть сила, и мы должны ее использовать для трансформирования мира путем насильственной имплантации демократии». По всем проблемам, стоявшим перед ним в ООН, Болтон действовал как трансформаторщик и предостаточно надоед как своим противникам, так и (даже в большей степени) союзникам, которых ставили в тупик его прямолинейные и неуклюжие действия в Совете Безопасности. Надо сказать, что Болтон платил им той же монетой. Европейцы, как он их снисходительно обзывает, «не имеют глобального видения демократии, характерного для США, их интересы глу-

боко эгоистичны и мелки, они склонны к чересчур быстрым компромиссам и не способны держать удар».

По ООН, видимо, готовясь к будущим мемуарам, Болтон расписывает все по часам и даже минутам. Особое внимание он уделил критике программы модернизации ООН, выдвинутой Генеральным секретарем Кофи Аннаном. Вот что пишет уже упоминавшийся Brent Scowcroft в 2008 г.: «Генсекретарь Кофи Аннан около трех лет назад выдвинул большую реформу организации, которая по большому счету провалилась. Одной из главных причин этого провала, мне кажется, были действия США, которые представили на трехдневной дискуссии на Генеральной Ассамблее более 700 поправок к тексту Аннана. Нужно ли к этому еще что-то добавлять?». Но в администрации Буш-младшего все были довольны. Поставили основных бюрократов на подобающее им место и показали, кто тут главный законодатель политических тенденций и концепций.

Тем не менее год, отведенный для *recess appointment*, закончился, и осенью 2006 г. незаменимый Болтон оказался никому не нужен. Никто не собирался вести за него бой в Сенате США, даже Дик Чейни, которого Болтон долго культивировал в расчете на большее, чем чисто словесная поддержка. Европеисты с трудом скрывали свою радость по поводу его ухода, особенно англичане – «эти новые мандарины из Уайтхолла» – из представительства при ООН. 1 декабря 2006 г. Болтон ушел в отставку добровольно. И опять в свою идеологическую крепость – Американский институт предпринимательства. Через два года, в 2008 г. он отомстил европейцам, обвинив их, что это якобы они придумали концепцию двойных стандартов и тем самым подорвали устои дипломатической работы и сильно мешали США. Ничего себе! Похоже, валит с очень большой головы на менее больную.

Заключение

Джон Болтон – еще не старый человек, и на страницах политологической прессы мы обречены еще не раз слышать от него изложение подходов и взглядов, характерных для крайне правого крыла Республиканской партии. От него еще много достанется администрации Барака Обамы. Об этом свидетельствует

подробный опус о новом поколении угроз для США, изложенный в его мемуарах. Наряду с отдельными здравыми мыслями, например, по проблеме нераспространения ОМУ, это эссе полно все тех же прямолинейно дубовых мыслей о том, что только США могут организовать решение мировых проблем и тут они должны всячески избегать ловушки и быть пойманными в сети ООН. «Односторонние американские действия (Гренада, Панама), двухсторонние союзы (США–Япония), многосторонние оборонительные (?) союзы (НАТО), региональные организации (Организация американских государств), временные военные коалиции (первая и вторая войны в Персидском заливе), коалиции для принуждения из числа желающих (Инициатива по безопасности в борьбе с распространением) являются полностью легитимными и потенциально эффективными альтернативами... Америка должна из этого набора выбирать такие инструменты, которые наилучшим образом служат именно ее интересам, и не считать, что ее интересы неизбежно являются такими же, что и у Европейского Союза или какого-либо иного блока стран».

В общем, Джон Болтон пообещал не покидать линию огня. Мы его уже слышим и еще услышим. И за ним не заржавеет³.

³ Действительно, в апреле 2018 г. Джон Болтон был назначен президентом Дональдом Трампом советником по национальной безопасности. На своём посту он прославился крайне жестким подходом к отношениям с Россией, КНР и Ираном. Чуть больше, чем через год, в сентябре 2019 г., был отправлен в отставку. После этого написал вторую скандальную книгу мемуаров “The Room Where It Happened” (Simon & Shuster, 2020) о своем пребывании в Белом доме. – *Прим. ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

О премии им. Г.М. Евстафьева¹

В 2021 г. была учреждена премия имени Г.М. Евстафьева – генерал-лейтенанта СВР, выдающегося советского, российского специалиста в области нераспространения ОМУ и глобальной безопасности. Последние десять лет жизни Г.М. Евстафьев посвятил ПИР-Центру, где работал в должности старшего советника, затем старшего вице-президента, уделяя особое внимание творческому и научному росту молодежи.

Евстафьевская серия – это серия научно-исследовательских и научно-практических публикаций молодых, начинающих авторов из России и различных государств мира в области международной безопасности – прежде всего, аспирантов и магистрантов. Все работы проходят обязательное внешнее рецензирование и предварительное обсуждение на научно-образовательных семинарах ПИР-Центра или в аналогичных форматах.

Лауреаты премии:

- 2021 г. – **С.Д. Семенов**, научный сотрудник ПИР-Центра, выпускник МГИМО МИД России;
- 2022 г. – **А.В. Цуканов**, эксперт РСМД, колумнист журнала «Эксперт», выпускник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

¹ Премия имени Г.М. Евстафьева // ПИР-Центр. Режим доступа: <https://pir-center.org/premija#imeni#evstafeva/>

ПОЛОЖЕНИЕ

о конкурсе на получение премии им. Г.М. Евстафьева

1. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Положение о конкурсе на получение премии им. Г.М. Евстафьева (далее – Положение) устанавливает порядок проведения в городе Москве конкурса на получение премии (далее – конкурс или конкурсный отбор).

1.2. Конкурс проводится на ежегодной основе.

1.3. В конкурсе могут принять участие граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане, чьи работы:

1.3.1. были опубликованы в издании *Индекс Безопасности / Security Index* за период с 1 ноября предшествующего года до 1 ноября текущего года за текущий год в рамках *Евстафьевской серии* на русском или английском языке,

1.3.2. представлены участниками конкурса к опубликованию по состоянию на 15 ноября текущего года, с соответствующим сопроводительным письмом автора.

1.4. Премия ежегодно присуждается молодым международникам (аспирантам, магистрантам и бакалаврам) за подготовку научно-исследовательских работ (НИР) в формате статей (докладов, научных записок) по результатам проведения актуальных научно-практических исследований по проблемам глобальной безопасности.

1.5. В настоящем Положении используются следующие основные понятия:

1.5.1. Конкурс – процедура отбора и оценки научных работ с целью выявления победителя премии.

1.5.2. Участник – гражданин Российской Федерации или иностранного государства, достигший 18 лет и не старше 30 лет на день начала приема заявок на участие в конкурсе, обучающийся в бакалавриате, магистратуре или аспирантуре российского или зарубежного университета, действующий от своего имени. В исключительных случаях на конкурс могут приниматься проекты НИР (статей, докладов, научных записок) от лиц в возрасте до 35 лет, уже прошедшими ранее обучение в магистратуре и(ли) аспирантуре и яв-

ляющихся кандидатами политических, исторических или военных наук (Ph.D.).

1.5.3. Организатор – автономная некоммерческая организация «Научный центр международных исследований «ПИР».

1.5.4. Комиссия – экспертный коллегиальный орган, сформированный организатором конкурса и осуществляющий конкурсный отбор с целью выявления победителя конкурса.

1.5.5. Евстафьевская серия – серия научно-исследовательских и научно-практических публикаций молодых, начинающих авторов из России и различных государств мира в области международной безопасности – прежде всего, аспирантов и магистрантов, публикуемая в электронных изданиях ПИР-Центра *Индекс Безопасности* и *Security Index Occasional Paper Series* и посвященная памяти бывшего старшего вице-президента ПИР-Центра, генерал-лейтенанта Г. М. Евстафьева.

1.5.6. Победитель конкурса – автор (авторы) лучшей работы по итогам конкурсного отбора.

1.5.7. Официальный сайт организатора – сайт АНО «ПИР-Центр» www.pircenter.org.

1.6. Конкурс является публичным и открытым.

1.7. Участие в конкурсе осуществляется на безвозмездной основе.

1.8. Контактные данные организатора: АНО «ПИР-Центр», почтовый адрес: Россия, Москва 119019, а/я 147, сайт: www.pircenter.org

1.9. В своей деятельности организатор и Комиссия руководствуются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами города Москвы, а также настоящим положением и уставом АНО «ПИР-Центр».

1.10. Состав Комиссии, состав экспертных групп Комиссии, изменения и дополнения к настоящему Положению утверждаются директором АНО «ПИР-Центр».

1.11. Порядок участия в конкурсе, а также сроки его проведения могут быть изменены организатором.

1.12. Премия не присуждается победителям премии повторно.

2. ПОРЯДОК УЧАСТИЯ В КОНКУРСЕ

2.1. Участниками конкурса выступают физические лица.

2.2. В конкурсе могут принимать участие граждане Российской Федерации или иностранные граждане, действующие от своего имени, как это установлено п. 1.5.2.

2.3. Участниками конкурса считаются авторы работ, опубликованных за период с 1 ноября предшествующего года до 1 ноября текущего года за текущий год в рамках *Евстафьевской серии* на русском или английском языке; а также представившие работы в рамках конкурса к опубликованию по состоянию на 15 ноября текущего года, с соответствующим сопроводительным письмом автора.

2.4. Организатор письменно уведомляет авторов публикаций *Евстафьевской серии* за текущий год о начале конкурсного отбора и об их участии в нем.

2.5. Участник вправе отказаться от участия в конкурсе. Для этого ему необходимо уведомить организатора о своем отказе в ответ на письмо организатора об участии в конкурсном отборе в двухнедельный срок.

2.6. Отсутствие отказа от участия в конкурсе автоматически означает согласие участника на участие в конкурсном отборе.

2.7. Участие в конкурсе означает согласие участника на использование организатором информации о нем в целях некоммерческого использования для осуществления конкурсного отбора Комиссией и изготовления рекламных материалов конкурса.

2.8. Участие в конкурсе автоматически означает передачу участником всех прав на переданный проект НИР (статьи, записки, доклада) организатору, включая права на публикацию (полностью или частично) в изданиях организатора, на неограниченный срок.

2.9. Участвуя в конкурсе, участник тем самым подтверждает, что переданная на конкурс НИР (статья, записка, доклад) передаются организатору безвозмездно и эксклюзивно, никогда ранее не публиковались и не размещались в сети интернет.

2.10. Участвуя в конкурсе, участник тем самым автоматически подтверждает, что все права на НИР (статью, записку, доклад) на момент передачи проекта на конкурс принадлежат исключительно ему. В случае выявления плагиата, организаторы оставляют за собой право публично огласить эти факты. Выявленные организаторами факты плагиата, подтвержденные Комиссией, будут пожизненно исключать право участника в дальнейшем участвовать в конкурсе, а также публиковаться в изданиях организатора.

2.11. Допускается подача на конкурс одновременно со стороны двух или трех участников, являющихся соавторами. Авторские коллективы более трех человек к участию в конкурсе не допускаются. Как правило, соавторство не поощряется.

3. СРОКИ И ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА

3.1. Период проведения конкурса – ежегодно, с момента объявления о начале конкурсного отбора и до объявления результатов конкурса организатором. Информация о конкурсе публикуется на официальном сайте организатора, в его соцсетях, а также на сайтах и в соцсетях спонсоров и грантодателей, при поддержке которых проходит конкурс.

3.2. После объявления организатором начала конкурса организатор в лице директора организации утверждает состав Конкурсной комиссии на текущий год.

3.3. Организатор берет на себя обязательство проинформировать Конкурсную комиссию о правилах участия в конкурсе и ознакомить ее с настоящим Положением о конкурсе.

3.4. После утверждения состава Комиссии конкурса организатор рассылает членам Комиссии работы, участвующие в конкурсе с целью ознакомления и оценки работ для выявления победителя конкурса.

3.5. Члены Комиссии обязаны ознакомиться с работами, участвующими в конкурсе, и выбрать работу, которая, на их взгляд, является лучшей и более всего соответствует критериям, указанным в настоящем Положении.

3.6. Не позднее одного месяца после рассылки организатором работ, участвующих в конкурсе, членам Комиссии организатор собирает заседание Комиссии, на которой проводится обсуждение работ, выбирается победитель и подводятся итоги конкурса.

3.7. Члены Комиссии обязаны ознакомиться с работами, участвующими в конкурсе, к началу заседания Комиссии конкурса.

3.8. Решение о присуждении премии принимается на основании результатов конкурса. Победителем конкурса становится, как правило, одна работа, написанная одним или несколькими авторами.

3.9. При равенстве голосов членов Комиссии допускается, что победителями конкурса становятся две работы.

3.10. В случае победы работы, написанной несколькими авторами, премия между ними распределяется в равных долях от общего размера премии. То же происходит в случае, если Комиссия объявляет победителями две работы (и, соответственно, двух авторов).

3.11. Итоги конкурса фиксируются в итоговом протоколе Комиссии конкурса.

3.12. Сумма премии определяется ежегодно организатором конкурса.

4. ПОРЯДОК И СРОКИ ПОЛУЧЕНИЯ ПРЕМИИ

4.1. После подведения итогов конкурса организатор публично объявляет о результатах конкурсного отбора и присуждении премии.

4.2. Победитель конкурса приглашается организатором на церемонию награждения, проводимую ежегодно по итогам конкурсного цикла.

4.3. В случае, если победитель не может прибыть на церемонию награждения, организатор оставляет за собой право провести ее дистанционно или отказаться от ее проведения. В таком случае организатор высылает победителю конкурса сертификат победителя по электронной почте.

4.4. Зачисление премии производится на карту или банковский счет победителя конкурса в срок не более месяца после объявления итогов конкурса. Публично объявляемый размер премии включает в себя все налоги и выплаты (в том числе социальные выплаты и НДС). Удержание налогов и выплат с премии происходит в соответствии с законодательством РФ в отношении резидентов РФ, если участник им является и подтверждает это документами, и нерезидентов РФ (в остальных случаях).

4.5. После получения премии победитель конкурса передает лично или направляет по почте организатору оригинал расписки о получении им премии в надлежащем объеме, а также направляет скан-копию расписки по электронной почте.

5. ИНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

5.1. Организатор не несет ответственности за несоблюдение, несвоевременное выполнение участниками условий настоящего положения, получение от участников неполных, некорректных сведений, необходимых для участия в конкурсе и получения премии, в том числе по вине почтовой службы, организаций связи, за технические проблемы и (или) мошеннические действия в сети Интернет и (или) каналах связи, используемых при проведении конкурса, а также за невозможность осуществления связи с участником из-за неверно указанных или неактуальных контактных данных.

5.2. Участники и победители конкурса с их согласия могут привлекаться к участию в различных мероприятиях, организованных АНО «ПИР-Центр».

5.3. Победитель(-и) конкурса самостоятельно оплачивает (-ют) все расходы, понесенные им (ими) в связи с участием в конкурсе (в т.ч. транспортные расходы, расходы на почтовые услуги).

5.4. Полномочным представителем организатора по вопросам конкурса является ответственный секретарь Комиссии, назначаемый директором АНО «ПИР-Центр».

6. КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ РАБОТ

6.1. На конкурс принимаются только проекты НИР (статей, научных записок, докладов), которые посвящены актуальным вопросам международной безопасности, преимущественно по проблематике нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями, стратегической стабильности, кибербезопасности и киберугроз, управления Интернетом, противодействия международному терроризму, а также вызовов и угроз региональной безопасности, в той мере, в которой они связаны с вызовами и угрозами интересам Российской Федерации. На конкурс также допускаются работы по следующей проблематике: диалог между РФ и КНР по вопросам глобальной и региональной безопасности; БРИКС и вопросы мира и безопасности; вопросы ближневосточной безопасности в той мере, в которой они влияют на интересы РФ; новые технологии и интересы России; современные технологии и анализ открытых источников для оценки угроз ядерного нераспространения; перспективные системы вооружений и их влияние на стратегическую стабильность; новые идеи для политики России в области безопасности; военно-стратегические вопросы в АТР в той части, в которой они затрагивают интересы РФ; последствия действующих и риски новых санкций для стратегических областей России; диалог «Россия – Африка» по стратегическим вопросам; перспективы новой архитектуры европейской безопасности и контроль над вооружениями в Европе; перспективы атомной энергетики и отдельных ее аспектов (плавающие энергоблоки, АСММ), а также особенности в различных регионах мира (таких как Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия).

6.2. Актуальность темы исследования (от 0 до 15 баллов): рассматриваемая работа указывает на необходимость и своевременность изучения и решения проблемы для дальнейшего развития теории и практики.

6.3. Наличие элементов практической новизны проведенного исследования (от 8 до 10 баллов): работа содержит новое осмысление известных подходов к изучению поставленной проблемы (от 0 до 5 баллов); работа содержит принципиально новые практические обобщения (от 0 до 5 баллов).

6.4. Наличие четко сформулированной цели и задач исследования (от 0 до 10 баллов): грамотное структурирование проблемы (от 0 до 5 баллов), четкое определение целей и задач исследования (от 0 до 5 баллов).

6.5. Последовательность и логичность изложения (от 0 до 10 баллов): автор аргументированно и последовательно развивает свои мысли в ходе исследования (от 0 до 5 баллов), выводы работы соответствуют поставленным задачам (от 0 до 5 баллов).

6.6. Практическая значимость (от 0 до 20 баллов): в исследовании автор опирается не только на информацию, указанную в источниках и литературе, но и на данные интервью с экспертами в исследуемых им вопросах (от 0 до 5 баллов), работа содержит оригинальные практически применимые выводы (от 0 до 15 баллов).

6.7. Уровень полноты и доказательности научного исследования (от 0 до 10 баллов): в работе использован обширный список источников и литературы как российских, так и зарубежных авторов (от 0 до 5 баллов), аргументы автора имеют объективную доказательную базу и достаточны для формулирования выводов работы (от 0 до 5 баллов).

6.8. Образцы объемов, структуры и оформления работ, подаваемых на конкурс можно найти среди уже опубликованных работ *Евстафьевской серии* в разделе *Индекс Безопасности* на русском языке: <https://pircenter.org/security-index/>; и в разделе *Security Index* на английском языке: <https://pircenter.org/en/security-index/>

Примеры статей победителя конкурсов предыдущих лет:

- Strategic Offensive Arms Control: Military-Technical Aspects / Semenov Sergey. M.: PIR Press, 2021. – 28 p. – (Security Index Occasional Paper Series): <https://pircenter.org/media/content/files/14/16330025180.pdf>
- Strategic Offensive Arms Control in Russia-U.S. Relations: Lessons Learned / Semenov Sergey. M.: PIR Press, 2021. – 43 p. – (Security Index Occasional Paper Series): <https://pircenter.org/media/content/files/14/16304134820.pdf>

Приложение 2

Список членов Комиссии конкурса на получение премии им. Г.М. Евстафьева

Председатель:

Орлов Владимир Андреевич, к.полит.н., основатель и директор ПИР-Центра, профессор МГИМО МИД России

Ответственный секретарь:

Зубенко Александра Сергеевна, координатор проекта «Ядерное нераспространение: история в лицах», младший научный сотрудник ПИР-Центра

Бужинский Евгений Петрович, председатель Совета ПИР-Центра, генерал-лейтенант (запаса), к.воен.н., руководитель Центра политико-военных исследований ФМП МГУ имени М.В. Ломоносова

Верховцев Владимир Николаевич, генерал-полковник (запаса), к.т.н., 7-й руководитель 12-го Главного управления Министерства обороны РФ (2005–2011), генеральный директор АРМЗ «Росатом»

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ

Есин Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН, член Экспертного совета ПИР-Центра

Зульхарнеев Альберт Фархатович, глава представительства Рос-сотрудничества – Русского дома в Бишкеке, член Экспертного совета ПИР-Центра

Козюлин Вадим Борисович, к.полит.н., заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений ИАМП Дипломатической академии МИД РФ, консультант ПИР-Центра

Лата Василий Филиппович, д.воен.н., генерал-лейтенант (в отставке), профессор кафедры Ракетных войск и артиллерии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, консультант ПИР-Центра

Литовкин Виктор Николаевич, военный обозреватель ТАСС

Рудаков Владимир Николаевич, главный редактор журнала «Историк», член Экспертного совета ПИР-Центра

Семенов Сергей Дмитриевич, научный сотрудник ПИР-Центра

Степанов Олег Владимирович, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Канаде, член Экспертного совета ПИР-Центра

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Сектора по нераспространению и ограничению вооружений Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член Совета ПИР-Центра

Черненко Елена Владимировна, к.и.н., специальный корреспондент издательского дома «Коммерсант», член Совета ПИР-Центра

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., доцент кафедры защиты информации, факультета «Информатика, искусственный интеллект и системы управления», МГТУ имени Н.Э. Баумана, член Экспертного совета ПИР-Центра

Список сокращений

БЛА/БПЛА	– беспилотный летательный аппарат
БРНБ	– баллистическая ракета наземного базирования
БРПЛ	– баллистическая ракета подводных лодок
ВПК	– военно-промышленный комплекс
ВОУ–НОУ	– высокообогащенный уран – низкообогащенный уран
ВТО	– высокоточное оружие
ГСК	– Глобальная система контроля за запуском баллистических ракет
ДВЗЯИ	– Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДН	– Движение неприсоединения
ДНЯО	– Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	– Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ДПЛА	– дистанционно пилотируемый летательный аппарат
ДРЛО	– дальней радиолокационное обнаружение и управление
ЗПРМ	– запрещение производства расщепляющихся материалов
ЗСОМУ	– зона, свободная от оружия массового уничтожения
ИБОР	– Инициатива по безопасности в области распространения
КБТО	– Конвенция о биологическом и токсинном оружии
КНДР	– Корейская Народно-Демократическая Республика
КР	– крылатая ракета
КРНБ	– крылатая ракета наземного базирования

МАГАТЭ	– Международное агентство по атомной энергии
МБР	– межконтинентальная баллистическая ракета
НАТО	– Организация Североатлантического договора
НИОКР	– научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НПО	– неправительственная организация
ОДВТ	– ограничиваемые договором вооружения и техника
ОДКБ	– Организация Договора о коллективной безопасности
ОКНШ	– Объединенный комитет начальников штабов
ОМУ	– оружие массового уничтожения
ООН	– Организация Объединенных Наций
ПЗРК	– переносной зенитно-ракетный комплекс
ПЛАРБ	– подводная лодка атомная с ракетами баллистическими
ПРО	– противоракетная оборона
РКРТ	– режим контроля за ракетными технологиями
СБ	– Совет Безопасности
СВР	– Служба внешней разведки
СНВ	– стратегические наступательные вооружения
СЯС	– стратегические ядерные силы
ТВД	– театр военных действий
ЦА	– Центральная Азия
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества

Именной указатель

- Абдул Кадыр Хан 16, 87, 89, 90
Агню Спиро 162
Акаев А.А. 128, 129
Алатас Али 44
Аннан Кофи 49–51, 78, 175
Арбатов А.Г. 89
Армитедж Ричард 150–152, 156,
158, 171
Ачесон Д. 157
- Байден Джо 169
Байрон Дорган 169
Банди, братья 158
Батлер Ричард 142
Бейкер Джеймс 164, 165, 167, 168
Бейкер Джим 162
Берденников Григорий 43, 45
Бжезинский З. 158
Бликс Ханс 27, 42, 141–147
Блэр Т. 145, 146
Болтон Дж. 13, 54, 112, 144, 151,
156, 160–176
Бордожа Н.Н. 131
Борк Роберт 164
Бутрос Бутрос-Гали 167
Буш-младший Дж. 51, 55, 56, 59,
64, 78, 79, 81, 84, 123–126, 133,
138, 141, 145, 147–152, 154–157,
166, 168–173, 175
Буш-старший Дж. 25, 51, 123,
147, 150, 151, 154, 155, 164, 165,
167, 174
Бхутто Беназир 89
- Вандам А. 84
Василин Н.Я. 98
Визерспун Р. 118
Воронцов А.В. 89
Вудворд Б. 146, 147
Вулфовиц П. 145, 150–153, 155,
156, 158
- Гарриман Ав. 157
Геттемюллер Роуз 64
Гинзбург Дуглас 164
Голдуотер Барри 161
Голт Дж. 138
Горбачев М.С. 83
Гранофф Дж. 55
Грэм Т. 55
Гудпейстер Эндрю 64
- Демидов Анатолий, князь 16
Джозеф Роберт 173
Джоунс Э. 125
Добрянски П. 156
Дукакис Майкл 164
Дханапала Джаянта 43, 78
Дюльфер Ч. 144
- Едрихин А.Е., см. Вандам А.
Ельцин Б.Н. 25, 39
- Золлик Р. 156
Зульхарнеев А.Ф. 19
- Иванов С.Б. 67, 71
Иглбергер Лоуренс 167

- Кобаладзе Ю.Г. 14
Каддафи Муаммар. 50
Каримов И.А. 116, 127, 128
Картер Дж. 157
Кеннан Дж. 157
Кеннеди Эдвард 71
Кеннеди, братья 158
Киис 151
Ким Ир Сен 89
Ким Чен Ын 91
Киплинг Р. 118
Киркпатрик Джин 173
Кисляк Сергей 43, 45
Киссинджер Генри 64, 74, 149, 150, 154, 163
Кларк Р. 146
Клаузевиц Карл фон 18, 84
Клинтон Билл 81, 126, 156, 167, 170
Колли 153
Корелли Барнет 163
Королев С.П. 75
Кучма Л.Д. 37
Кэй Д. 146
- Лавлас Д. 124
Лавров С.В. 139
Ладен У. бен 126
Либби 151
Ломоносов М.В. 59, 81
Лотт Трент 163
- Макклой Дж. 157
Макнамара Р. 158
Манн Дж. 123, 148–150, 152–158
Маркос Фердинанд 153
Миз Эдвин 164
Миронова Ирина 85
Мойнихен Патрик 165
Мулхолланд Дж. 128
- Назарбаев Н.А. 116, 130
Нанн Сэм 74
Никсон Ричард 149, 151, 162
- Нитце Пол 74
Норвега Мануэль 153
- Обама Барак 171, 172, 175
Орлов В.А. 26, 31
- Пауэлл Колин 144, 147, 150–152, 158, 168–171, 173
Перл Р. 155
Перри Уильям 74
Перрикос Д. 142
Примаков Е.М. 10, 11, 93
Путин В.В. 55, 64, 76, 78, 84, 157, 170
- Райс Кондолиза 56, 128, 144, 147, 150, 151, 157, 170–173
Рамсфелд Дональд 67, 71, 72, 112, 127, 128, 131, 132, 134, 147, 149–153, 156–158, 168, 171
Раух Христиан Даниэль 16
Рейган Рональд 78, 152, 156, 162–164, 169
Риттер С. 142
Рош Дж. 151
- Савельев А.Г. 69
Скарлет Дж. 146
Скоукрофт Брент 150, 167, 174, 175
Смит Д. 118, 119
Соков Н.Н. 65
Спратт 54, 155
Старр Фредерик 135–138
Степашин С.В. 39
- Тимербаев Р.М. 86
Тинсли Сара 163
Тойнби Арнольд 158
Торнбург Дик 164, 167
Трубников В.И. 11
Тураджонзода Х.А. 129

- Уайнбергер К. 152
- Ф**
Файнштейн Дайэнн 71
Федосов Е.А. 73, 96
Фейт Д. 132
Филдинг Фред 162
Форд Генри 151
Фрэнкс Т. 127, 147
Фукуяма Фрэнсис 151
Фурса 54, 155
- Халилзад З. 151
Хедли Ст. 156
Хейг Александр 174
Хекер Зигмунд 90
Ховарт Дж. 114
Холдеман Р. 151
Хонеккер Эрих 19
Хор Дж. 52
Хусейн С. 49, 54, 141, 142, 145,
146, 153, 155, 156
Хэдли Стивен 172
- Циолковский К.Э. 75
- Ч**
Чейни Дик 51, 125, 144, 146, 147,
150–152, 156–158, 164, 168, 171,
173, 175
Чистяков Н.В. 99
- Ш**
Шварцкопф Норман 152
Шеварднадзе Э.А. 167
Шмидбауэр Бернд 39
Шувалов И.И., граф 59, 81
Шульц Джордж 74, 92
Шумейкер Питер 132
- Э**
Эйзенхауэр Д. 157
Экеус Рольф 142, 144

ПИР-Библиотека – книжная серия

Евстафьев Геннадий Михайлович

Избранное

К 85-летию со дня рождения

Под общей редакцией *В.А. Орлова*

Редакторы: *А.В. Юрк, Л.В. Цуканов*
Координатор проекта: *А.С. Зубенко*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *В.А. Демьянович*

Подписано в печать 03.04.2023

Формат 60 x 90¹/16

Печ. л. 12,0 + 0,75 вкл. ил. Тираж 400 экз.

Зак. № 2553

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (495) 632-47-04, +7 (903) 623-17-38
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru

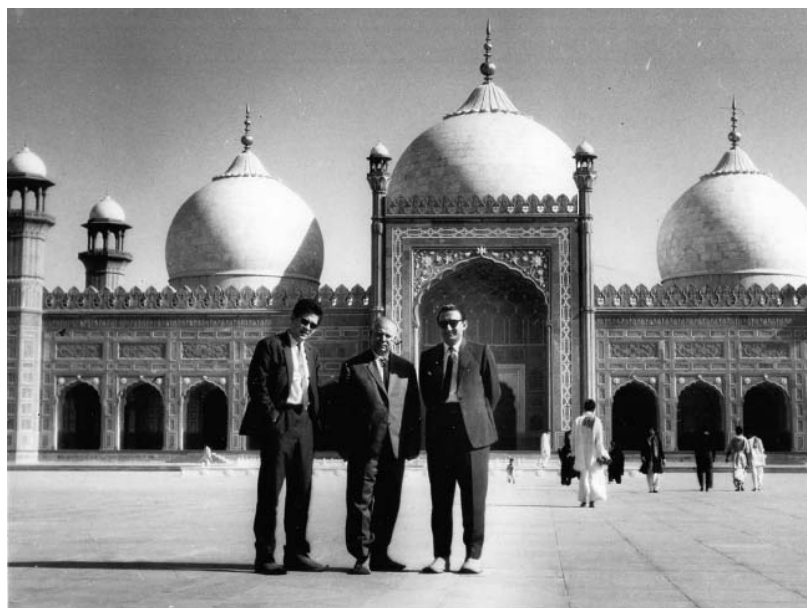
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс +7 (496) 726-54-10, тел. +7 (495) 988-63-87

Г.М. Евстафьев в молодости. *Источник:* семейный архив
Д.Г. Евстафьева

В Японии, первая половина 1970-х гг. *Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева*

На Востоке. Г.М. Евстафьев – крайний слева. *Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева*

На отдыхе. *Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева*

Председатель 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
Исмаг Т. Киттани и Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм.
На заднем плане – специальный помощник Генерального секретаря
ООН Геннадий Евстафьев. Фотография с памятной подписью
Вальдхайма. Нью-Йорк, 18 декабря 1981 г. *Источник: семейный архив
Д.Г. Евстафьева*

После церемонии избрания Хавьера Переса де Куэльяра (в центре)
Генеральным секретарем ООН, 1982 г. Источник: семейный архив
Д.Г. Евстафьева

У Белого дома,
Вашингтон (округ
Колумбия), США

Г.М. Евстафьев (*крайний справа*) сопровождает Е.М. Примакова.
Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева

С Е.М. Примаковым во время командировки в Пакистан (справа от Примакова). *Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева*

Г.М. Евстафьев с директором ПИР-Центра В.А. Орловым. *Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева*

С директором ПИР-Центра В.А. Орловым. *Источник: семейный архив Д.Г. Евстафьева*

Выступление Г.М. Евстафьева на Второй Московской международной конференции по нераспространению ПИР-Центра, Москва, 2003 г.
Источник: фотоархив ПИР-Центра

Международная конференция ПИР-Центра по нераспространению, Москва, 2003 г. с коллегой В.И. Мураховским. *Источник:* фотоархив ПИР-Центра

Совместный российско-американский семинар «Северная Корея и Глобальное партнерство против распространения ОМУ», 13 апреля 2005 г. *Источник:* фотоархив ПИР-Центра

Встреча с генеральным директором Департамента по контролю над вооружениями и разоружению МИД Китая Чжан Янем, 21 сентября 2005 г. *Источник: фотоархив ПИР-Центра*

Г.М. Евстафьев и заместитель секретаря Совета безопасности РФ В.А. Соболев (*справа*) в кулуарах заседания Международного клуба «Триалог» на тему «Современная политика России в области борьбы с терроризмом и противодействия экстремистской деятельности», 13 апреля 2006 г. *Источник: фотоархив ПИР-Центра*

Председатель
Совета ПИР-Центра
Р.М. Тимербаев
подписывает
экземпляр своей книги
Г.М. Евстафьеву
в ходе празднования
своего 80-летия,
27 сентября 2007 г.
*Источник: фотоархив
ПИР-Центра*

Евстафьев и член Совета ПИР-Центра Е.П. Маслин (справа)
на заседании Редакционной коллегии журнала «Индекс безопасности»,
26 декабря 2007 г. *Источник: фотоархив ПИР-Центра*

Награду ПИР-Центра «За вклад в укрепление режима нераспространения» Г.М. Евстафьеву вручает основатель и директор ПИР-Центра В.А. Орлов, 3 июля 2009 г.

Источник: фотоархив ПИР-Центра

В президиуме Международной конференции «Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги» с директором Центра исследований проблем нераспространения им. Джеймса Мартина (CNS) Уильямом Поттером (слева), 3 июля 2009 г.

Источник: фотоархив ПИР-Центра

Широчайший диапазон его человеческих и профессиональных талантов вызывал столь же широкий и временами противоречивый диапазон откликов и мнений. В чем эти мнения однозначно и всегда совпадали, была безусловная, как это модно сейчас называть, харизма Геннадия Михайловича в любом его возрастном или служебном статусе – будь то товарищ или начальник, разведчик-вербовщик или изощренный дипломат-переговорщик, кладезь юмора и сарказма или глубочайший аналитик-международник, с безупречной логикой отстаивающий свою точку зрения. Я лично это слово-понятие в отношении Геннадия Михайловича интерпретирую как притягательное и, если хотите, даже провоцирующее очарование...

*Вячеслав Трубников (1944–2022),
генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный Посол,
Член Совета ПИР-Центра,
директор Службы внешней разведки России (1996–2000)*

Геннадий Михайлович Евстафьев посвятил всю свою жизнь служению Отечеству и укреплению международной безопасности. Благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось многие годы бок о бок работать с этим замечательным человеком. Укрепление режима нераспространения и разоружения являлись для него предметом глубокого анализа с целью найти оптимальные, сбалансированные решения. Геннадия Евстафьева всегда будут помнить его друзья и соратники.

*Роланд Тимербаев (1927–2019),
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
член Экспертного совета ПИР-Центра,
Президент ПИР-Центра (1994–1998)*

ISBN 9-785-7777-0907-3

9 785 777 709 073

www.vesmirbooks.ru